ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ДО ЗАКЛЮЧЕНІЯ БЕРЛИНСКАГО ДОГОВОРА

1855—1878

Вычеркни изъ исторіи изученіе причинъ, средствъ и цѣлей людскихъ предпріятій,—что же отъ нея останется? Литературное упражненіе, игра словъ, пріятная для слуха, но безплодная для будущности.

Полибій.

ТОМЪ ВТОРОЙ

Вещественныя силы Россіи и ихъ развитіе

Выпускъ 2-й.

ПРАГА
РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ
1879

225040

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ

СО ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Успѣхи промышленности.

Россія, по своимъ почвеннымъ условіямъ, искони была страною предпочтительно, если не исключительно, земледѣльческою. Предкамъ нашимъ до Петра были извѣстны нѣкоторыя ремесла, но была почти совершенно чужда промышленность заводская. Торговля никогда не была значительною опять таки по причинамъ естественнымъ: огромности разстояній, недостатку хорошихъ путей сообщеній и громоздкости тѣхъ сырыхъ продуктовъ, которые доставляла Россія. Къ этому присоединялась еще ограниченность потребностей нашихъ предковъ, любившихъ удовлетворять свои вкусы домашними средствами и мало склонныхъ покупать дорогія, хотя и хорошія произведенія иностранныя. Петръ оживилъ

торговлю и мануфактуры; его ближайшіе преемники продолжали слѣдовать его экономической политикѣ; но, не обладая его даромъ угадывать и поддерживать чисто русскихъ людей въ родѣ Соловьева, Демидова, Сѣрикова и пр., наводнили Россію фабрикантами, ремесленниками и купцами изъ иностранцевъ, которымъ покровительствовали въ ихъ предпріятіяхъ; своему же народу они оставляли два главныхъ занятія: воздѣлываніе почвы — простолюдинамъ и казенную службу — высшему классу, дворянамъ. Со времени Екатерины II начало понемногу развиваться и купечество, а со времени Александра I, особенно съ изданія строго покровительственнаго тарифа 1817 года, стала водворяться и промышленность фабричная, дававшая впрочемъ произведенія очень несовершенныя и въ количествѣ, недостаточномъ для удовлетворенія потребностей, которыя тѣмъ временемъ постепенно развились въ народѣ. Николай, считавшій, что хорошо править государствомъ, значитъ учить солдатъ, размножать шпіоновъ и покровительствовать произволу чиновниковъ, вообще сдѣлалъ мало для развитія промышленности въ Россіи, и потому нечего удивляться, что послѣдняя въ началѣ второй половины XIX в. отстала очень далеко отъ западной Европы по всѣмъ отраслямъ земледѣлія, мануфактуръ и торговли.

Мы не можемъ здѣсь представить подробнаго изслѣдованія о постепенномъ расширеніи всѣхъ этихъ отраслей народной дѣятельности въ Россіи съ 1855 года. Для этого потребовался бы обширный трактатъ съ огромнымъ числомъ таблицъ, неудобочитаемыхъ и обременительныхъ для неспеціалистовъ. Но указать на тѣ данныя, которыя выражаютъ успѣхи русской промышленности и на условія имъ содѣйствовавшія или препятствовавшія есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ этихъ очерковъ. И такъ, остановимся прежде всего на чисто національномъ промыслѣ, земледѣліи. Мы уже видѣли, что въ Россіи нашего времени значительно возросло городское населеніе сравнительно съ сельскимъ. Такъ-какъ это случилось не отъ недостатка земель, то ясно, что городская промышленность стала выгоднѣе земледѣльческой, не смотря на то, что при нормальномъ порядкѣ вещей обработка почвы можетъ давать высшій процентъ дохода, чѣмъ какое-либо городское занятіе, кромѣ ростовщичества. Причинъ такого сравнительнаго ослабленія земледѣлія въ Россіи много; назовемъ важнѣйшія. Во 1-хъ освобожденіе крестьянъ лишило помѣщиковъ рабочихъ рукъ для воздѣлыванія ихъ полей и заставило ихъ нерѣдко совсѣмъ прекратить запашки и даже вовсе оставить деревни, чрезъ что помѣщичье земледѣліе, т. е. единственное, которое могло бы

стать научно-раціональнымъ, почти совершенно упало. А между тѣмъ оно-то прежде давало главную массу сырья на внутренніе рынки страны. Конечно, жалѣть о такомъ фактѣ было бы нечего, если бы въ замѣнъ помѣщичьяго хозяйства широко развилось крестьянское. Тогда сумма производства въ странѣ увеличилась бы, а между тѣмъ прекратился бы порядокъ, при которомъ половина народа была рабочимъ скотомъ. Но въ томъ то и дѣло, что освобожденіе крестьянъ было ведено такъ, что и помѣщики раззорились, и крестьяне были поставлены въ невозможность развивать свое хозяйство. Преслѣдуя двѣ трудносогласимыя цѣли, т. е. желая угодить крестьянамъ и не обидѣть дворянство, правительство не достигло ни одной; именно, оно оставило за дворянами много земель и даже увеличило ихъ объемъ на счетъ крестьянскихъ надѣловъ; а между тѣмъ помѣщики по неимѣнію собственныхъ рабочихъ орудій и скота, а также капиталовъ для пріобрѣтенія ихъ и найма работниковъ, не могли заниматься земледѣліемъ на новыхъ экономическихъ основаніяхъ. Поля ихъ заростали, лѣса продавались за безцѣнокъ, для выручки средствъ къ жизни, и хозяйственныя заведенія приходили въ упадокъ. Съ другой стороны крестьяне, не получивъ въ свое владѣніе столько земли, чтобы они могли сразу стать неза-

висимыми и зажиточными хозяевами, также не въ состояніи были развить свое земледѣліе на столько, чтобы имѣть избытки хлѣба. Только мало-по-малу и лишь немногіе успѣли прикупить себѣ земли; большинство же напротивъ скоро увидѣло себя внѣ возможности выгодно заниматься однимъ земледѣліемъ и, мѣстами, даже стало бросать его. Во 2-хъ успѣхамъ крестьянскаго земледѣлія чрезвычайно повредила высота выкупныхъ платежей и казенныхъ налоговъ, которые, какъ мы уже говорили, часто превышаютъ въ два и въ два съ половиною раза доходы съ земель. Это обремененіе крестьянъ платежами, послѣдовавшее такъ-сказать въ самый день ихъ освобожденія, лишило ихъ возможности поставить хозяйство на прочную ногу, увеличить количество рабочаго скота, улучшить рабочія орудія и т. п. — Въ 3-хъ введеніе законовъ о всеобщей воинской людской и конской повинности легло тяжелымъ бременемъ на крестьянскія хозяйства, изъ которыхъ нерѣдко при наборахъ выбываетъ лучшій работникъ и необходимѣйшая лошадь. — Въ 4-хъ какъ крестьянскія такъ и помѣщичьи хозяйства сильно пострадали отъ истребленія лѣсовъ, необходимымъ послѣдствіемъ котораго является уменьшеніе влаги въ почвѣ, дошедшее до обсыханія рѣчекъ, и вообще болѣе частыя засухи. Этотъ физико-географическій фактъ до того важенъ,

что во многихъ мѣстахъ, особенно юго-восточной Россіи, нынѣ приходится бросать пашню и разводить скотъ или же обращаться къ переложному хозяйству, запуская поля послѣ кратковременной обработки, на нѣсколько лѣтъ. Правительство не могло не замѣтить значенія этого факта, и потому въ 1874 году издало правила о поощреніи лѣсоводства преміями, давало награды казеннымъ лѣсничимъ на югѣ Россіи за ихъ заботы о разведеніи лѣсовъ, даже пробовало заниматься лѣсонасажденіемъ въ оренбургскомъ краѣ. — Въ 5-хъ упадку помѣщичьихъ хозяйствъ сильно способствовало введеніе системы арендъ, причемъ арендаторами явились люди, которыхъ вся цѣль была и есть обезцѣнить какъ можно скорѣе имѣнія извлеченіемъ изъ нихъ въ два-три года возможно большихъ доходовъ, не обращая вниманія на то, что послѣ такого хищническаго хозяйничанія дальнѣйшее занятіе земледѣліемъ сдѣлается почти невозможнымъ въ данномъ имѣніи. Эти хищники стали особенно многочисленны въ югозападной части Россіи, т. е. самой плодородной, и довольно сказать, что огромное большинство ихъ — жиды, чтобы понять, какъ они относились и относятся къ вопросу о будущности сельскаго хозяйства въ странѣ. Въ среднерусскихъ губерніяхъ на мѣсто евреевъ арендаторами явились преимущественно мѣстные купцы и разные выход-

цы-нѣмцы. Въ ихъ рукахъ имѣнія не обезцѣниваются; но они теряютъ свой земледѣльческій характеръ и становятся по большей части дачами, обезпечивающими ходъ какихъ нибудь заводскихъ предпріятій, или же хотя и остаются въ области сельскаго хозяйства, но такимъ образомъ, что земля поступаетъ на короткіе сроки въ пользованіе крестьянъ, нанимающихъ ее небольшими участками.

Этотъ упадокъ земледѣлія, т. е., по самой природѣ Россіи, основной въ ней промышленности, былъ, какъ мы сказали, замѣченъ правительствомъ, и оно, по представленію министра Валуева, назначило въ 1872-3 годахъ особую коммиссію для изысканія средствъ противодѣйствовать злу. Коммиссія стала тѣмъ, чѣмъ она должна была стать въ рукахъ такого человѣка, какъ Валуевъ, т. е. „вѣхою для показанія дѣятельности начальства“, одною изъ тѣхъ вѣхъ, которыя любилъ водружать безсмертный градоправитель Сквозникъ-Дмухановскій, въ комедіи Гоголя, и которыя еще сильнѣе его любитъ ставить Валуевъ. Составленная преимущественно изъ чиновниковъ-теоретиковъ, вовсе незанимавшихся земледѣліемъ, приглашавшая въ составъ свой, для приличія, лишь немногихъ экспертовъ-помѣщиковъ, и, кажется, только одного крестьянина, изъ подстоличныхъ, она написала не менѣе 2.500 печатныхъ страницъ in-folio, придала

имъ видъ англійскихъ „синихъ книгъ“ и изчезла въ пространствѣ и времени безъ малѣйшаго практическаго слѣда. Даже для изученія самаго состоянія земледѣлія въ Россіи она не сдѣлала ничего болѣе, какъ подтвердила прежде уже установившееся въ обществѣ мнѣніе, что эта отрасль промышленности находится въ крайнемъ разстройствѣ, и, какъ надежнѣйшее средство поправить дѣло, рекомендовала переходъ отъ общиннаго владѣнія землею у крестьянъ къ подворному, т. е. разрушеніе общины, столь желательное плантаторской партіи крупныхъ землевладѣльцевъ и чиновникамъ-теоретикамъ школы Смита и Сея.

Но впрочемъ, данныя, собранныя коммиссіею, въ связи съ фактами, добытыми податною коммиссіею и экспедиціею для изученія хлѣбной торговли, которая была снаряжена обществами географическимъ и вольно-экономическимъ, принесли немалую пользу тѣмъ, что легли въ основу почтенныхъ трудовъ князя Васильчикова, Янсона, Чаславскаго и нѣкоторыхъ другихъ статистиковъ и экономистовъ. Приведемъ здѣсь выдержки изъ сочиненій этихъ писателей, чтобы развить и подтвердить тѣ общія замѣчанія о русскомъ земледѣліи, которыя мы уже сдѣлали. Вотъ, во-первыхъ, слова Васильчикова о перемѣнахъ въ русскомъ землевладѣніи, послѣдовавшихъ

главнымъ образомъ съ 1861 года, т. е. съ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ:

Помѣстное и частное землевладѣніе, очень шаткое на Руси до Петра Великаго, поддержанное крѣпостнымъ правомъ въ теченіе XVII столѣтія, потомъ временно и случайно усиленное пожалованіями императрицъ XVIII ст., съ другой стороны подрываемое порядкомъ наслѣдованія и самовластными конфискаціями и наконецъ разстроенное абсентеизмомъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ царствованія Александра и Николая, помѣстное владѣніе, говоримъ мы, со времени освобожденія крестьянъ видимо склоняется къ ликвидаціи, къ распродажѣ недвижимыхъ имуществъ, къ упраздненію господскихъ хозяйствъ и запашекъ. — Землевладѣніе, разумѣя подъ этимъ словомъ и право собственности и право пользованія, т. е. арендованіе, эксплуатацію земель, переходитъ отъ прежнихъ помѣщиковъ дворянскаго происхожденія къ двумъ разрядамъ новыхъ владѣльцевъ: *) а) промышленникамъ, торговцамъ, спекулянтамъ, скупающимъ или арендующимъ оптомъ большія имѣнія, и б) къ крестьянамъ, раскупающимъ или снимающимъ тѣ же земли по мелкимъ участкамъ. Объ этомъ ходѣ поземельнаго нашего быта заявляется со всѣхъ краевъ Россіи такъ единогласно и настойчиво, что мы признаемъ эту черту характеристикою современнаго нашего соціально-аграрнаго положенія. Далѣе представляются слѣдующія соображенія, истекающія изъ этого главнаго факта.

*) Общее число дворянъ помѣщиковъ въ 1861 г. было 103.158, и это было почти единственные крупные землевладѣльцы въ Россіи того времени; въ 1872 г. губернаторскіе отчеты по 41 лишь губерніи (а не по 50) показывали уже 313.529 такихъ землевладѣльца, что даетъ въ 11 лѣтъ приростъ на 210.351 человѣкъ.

Торгово-промышленный людъ, въ настоящее время скупающій на расхватъ упраздненныя господскія хозяйства, имѣетъ очень мало шансовъ удержать за собою эти новыя владѣнія и упрочить ихъ въ своихъ родахъ; этотъ классъ собственниковъ хотя и располагаетъ капиталами болѣе обильными, чѣмъ прежніе помѣщики, но за то имѣетъ еще менѣе его познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и менѣе склонности къ сельскимъ промысламъ и къ занятіямъ хлѣбопашествомъ. Привыкнувъ въ спекулятивныхъ своихъ предпріятіяхъ къ быстрымъ, краткосрочнымъ оборотамъ, преслѣдуя и въ хозяйственномъ своемъ управленіи торговую систему извлеченія наибольшей, непосредственной прибыли изъ затраченнаго капитала, купцы и евреи, концессіонеры и строители желѣзныхъ дорогъ отличаются всѣми достоинствами отважныхъ предпринимателей, но и всѣми недостатками дурныхъ хозяевъ... Эти скупщики и съемщики дворянскихъ имѣній черезъ нѣсколько лѣтъ неизбѣжно разстроютъ свои хозяйства хищнической и невѣжественной культурой и изчезнутъ безслѣдно, похитивъ только изъ цѣнности и доходности русской земли многіе милліоны... Затѣмъ ясно, что коренное, *дѣйствительное землевладѣніе остается и усиливается въ рукахъ крестьянства,* которое, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, въ которыя поставлено, не смотря на скудость средствъ, находитъ еще возможность увеличивать свои распашки и округлять свои владѣнія.

Князь Васильчиковъ воздерживается отъ произнесенія приговора, хорошо или дурно послѣднее явленіе въ экономическомъ смыслѣ. Мы можемъ, однако, безъ большаго труда, признать его прогрессивнымъ и утѣшитель-

нымъ, и даже выразить благодарность правительству за то, что оно указомъ 19 февраля 1861 года положило основу этимъ новымъ экономическимъ порядкамъ, хотя и невольно, потому что цѣлью его вовсе не было увеличивать крестьянскія хозяйства на счетъ дворянскихъ, а напротивъ уменьшить крестьянскіе надѣлы въ пользу помѣщичьихъ. Но при этомъ справедливость требуетъ замѣтить, что въ числѣ новыхъ землевладѣльцевъ есть немало хищниковъ-коммерсантовъ, которыхъ вредное отношеніе къ земледѣлію уже указано Васильчиковымъ, а также и то, что новые землевладѣльцы-крестьяне по большей части столь невѣжественны во всемъ, что касается научной техники земледѣлія, что отъ нихъ эта отрасль промышленности серьезныхъ улучшеній ждать не можетъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ.

А между тѣмъ эта научная культура есть потребность дня въ цѣлой Россіи. Ежегоднымъ вывозомъ огромнаго количества зерна за границу, въ теченіе почти цѣлаго вѣка, мы такъ истощили почву, что теперь многія мѣстности даже въ черноземной полосѣ даютъ очень скудные урожаи. *) Кромѣ того намъ нужно

*) Въ одно десятилѣтіе 1858—67 вывезено хлѣба, льнянаго семени, льну и т. п. на 900 слишкомъ милліоновъ рублей, въ томъ числѣ одного хлѣба на 630 милліоновъ, около 90 милл. четвертей. — Сосланный правительствомъ въ деревню

разширить или водворить вновь воздѣлываніе нѣкоторыхъ растеній, необходимыхъ въ разумномъ хозяйствѣ, свести трехпольную систему сѣвооборота на многопольную, замѣнить по возможности ручной трудъ земледѣльца механическимъ, ввести удобренія, которыя бы возстановляли химическій составъ почвы, истощенной посѣвами, и пр. Всего этого, конечно, не въ состояніи сдѣлать ни крестьяне, ни купцы, пріобрѣтающіе нынѣ помѣщичьи земли. Да не только крестьяне и купцы, а и огромное большинство дворянъ, наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ, чему доказательствомъ служатъ попытки нѣкоторыхъ изъ нихъ, сдѣланныя сейчасъ за крестьянскою реформою, ввести въ употребленіе механическія молотилки, вѣялки, жатвенныя машины и т. п., попытки большею частью неудавшіяся и даже повлекшія за собою раззореніе владѣльцевъ. Распространеніе научныхъ познаній, нужныхъ для земледѣльцевъ, шло въ русскомъ обществѣ, за всѣ 23 года со времени крымской войны, очень медленно, и примѣры совершенно раціональнаго хозяйства въ Россіи доселѣ рѣдки. Любопытнѣйшія данныя объ этомъ научно-техническомъ прогрессѣ представили Сумароковъ, Энгельгардтъ, Скворцовъ и др.

Отъ этихъ замѣчаній о перемѣнахъ въ зем-

отличный химикъ Энгельгардтъ обстоятельно указалъ на неизбѣжныя послѣдствія такого истощенія почвы.

левладѣніи и въ системѣ полеводства переходя къ важнѣйшему вопросу о прокормленіи народа произведеніями полей и огородовъ, мы съ сожалѣніемъ должны сказать, что питаніе народныхъ массъ въ Россіи со времени крымской войны не улучшилось, не смотря даже на освобожденіе 23.000.000 земледѣльцевъ отъ крѣпостнаго труда и на разширеніе запашекъ. Что ѣлъ крестьянинъ до реформы 1861 года, то онъ ѣстъ и теперь; и если есть счастливцы, у которыхъ пища стала вкуснѣе и разнообразнѣе, то еще больше такихъ, которые ежегодно 3—4 мѣсяца живутъ въ проголодь. И не только общіе неурожаи, какъ было напр. въ 1868 году въ 17 губерніяхъ или въ 1874 году въ Заволжьѣ; но и урожаи обыкновенные, средніе или даже хорошіе не обезпечиваютъ народа отъ этой проголоди, особенно обнаруживающейся съ конца января или февраля. Основную причину этого явленія нужно искать въ законахъ 1861 года, опредѣлившихъ размѣры крестьянскихъ надѣловъ, и вотъ что по этому поводу мы находимъ въ прекрасномъ сочиненіи Янсона:

Средняя крестьянская семья въ черноземной трехпольной полосѣ имѣетъ 5,94 чел. об. пол; въ томъ числѣ 1,62 работника, 1,65 работницъ, остальное (2,67) малолѣтки и старики. Такая крестьянская семья не можетъ въ среднемъ имѣть болѣе двухъ надѣловъ. Предположимъ, что она имѣетъ 2 лошадей, 1 коро-

ву, 2 овцы и 1 свинью. Сколько же нужно собственно хлѣба, чтобы прокормить семью съ ея хозяйственнымъ скотомъ? Основываясь на разсчетахъ Чаславскаго, не менѣе 13,6 четвертей озимаго хлѣба, 9,3 четвертей яроваго и 200 пудовъ сѣна. Урожаи озимаго и яроваго за трехлѣтіе 1870—72 были самъ 4,86 для перваго и самъ 4,11 втораго. При этомъ валовой сборъ долженъ равняться озимаго—16,8 четвертей, яроваго 12,5 четвертей. Чтобы при показанномъ урожаѣ получить такой сборъ, надобно при трехпольномъ хозяйствѣ имѣть не менѣе 8,5 десятины пахаты. Для полученія 200 пудовъ сѣна необходимо имѣть кромѣ того 1,5 дес. луга, слѣдовательно съ усадьбой и поддворнымъ выпускомъ не можетъ быть менѣе 10 десятинъ или по 5 десятинъ въ душевомъ надѣлѣ. И при такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть никакихъ избытковъ; на расходы для покупки соли, дегтя, на поддержку одежды и хозяйственныхъ орудій, покупку лѣснаго матеріала, на церковныя требы и пр., и пр. не остается ничего, тѣмъ болѣе на уплату податей. — Поэтому, не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, недостигающіе вообще трехъ десятинъ, но и высшіе, въ 3—$3\frac{1}{2}$ дес., даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ *не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія*. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ двѣ съ небольшимъ десятины, и особенно о надѣлахъ низшихъ? А такихъ въ черноземной трехпольной полосѣ, т. е. средней Россіи, по крайней мѣрѣ половина, а мѣстами и большинство. При нихъ *положеніе крестьянъ хуже, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ*, когда эти люди были по крайней мѣрѣ сыты и когда помѣщикъ платилъ за нихъ подати.

Чтобы заключить эти наброски общей картины развитія русскаго хлѣбопашества и приносимаго имъ народу достатка или, скорѣе, бѣдности, слѣдовало бы привести цифры о годовой производительности обработываемой почвы въ Россіи. Но къ сожалѣнію цифры эти, по сознанію самаго центральнаго статистическаго комитета, далеки отъ истины. Возьмемъ однако же для сравненія среднія величины за два трехлѣтія, съ 1864 по 66 и съ 1870 по 72 годы; онѣ показываютъ, что урожаи въ Европейской Россіи съ Польшею, но безъ Кавказа и Финляндіи, были

Въ 1864—66 г., при насел. 69.740.000 душ., 204.974.000 четв.
» 1870—71 — 70.623.260 — 234.812.000 »

Приращеніе урожая въ восемь лѣтъ на 30 милліоновъ четвертей, при слабомъ приростѣ населенія, конечно, могло бы быть названо утѣшительнымъ, если бы мы не знали, что въ то же время возросъ и заграничный вывозъ хлѣба, доходившій напр. въ 1867 г. до 15 мил. четвертей, да увеличилось и винокуреніе. Впрочемъ, можно, кажется, признать, что во всякомъ случаѣ пропорція зерна, приходящагося на каждую душу населенія, нѣсколько возрасла, почему самое качество печенаго хлѣба нѣсколько улучшилось, т. е. въ него стали рѣже примѣшивать лебеду, сосновую кору и т. п. гибельные суррогаты,

издавна обычные русскому простонародью. Отбросивъ отъ цифры 234 мил. четв., 12 милліоновъ, составлявшихъ средній ежегодный вывозъ за границу въ 1870—72 г., мы получимъ, что въ это трехлѣтіе ежегодно приходилось по 3,1 четверти на душу всего урожая, за отдѣленіемъ изъ котораго $^1/_4$ части на посѣвъ, оставалось для годоваго потребленія 2,4 четв. на душу, чего, въ общемъ итогѣ, достаточно, если человѣкъ кромѣ хлѣба ѣстъ еще и другіе продукты: овощи, мясо, молоко и т. п. Только ужь о составленіи запасовъ на случай неурожаевъ, тутъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи, кромѣ рѣдкихъ, исключительныхъ случаевъ (такъ оно и есть).

Но если хлѣбопашество, по общему объему своихъ произведеній, еще не въ положительномъ упадкѣ, то другая важная отрасль земледѣльческой промышленности, скотоводство, значительно уменьшилась по своимъ размѣрамъ во многихъ губерніяхъ. Такъ, если сравнить оффиціальныя данныя за 1864 и 1870 года о числѣ лошадей, то окажется, что въ 23-хъ губерніяхъ, изъ 50 составляющихъ европейскую Россію, въ послѣднемъ году этихъ животныхъ было менѣе, чѣмъ въ первомъ. И замѣчательно, что это уменьшеніе произошло, главнымъ образомъ, въ мѣстностяхъ приволжскихъ, отъ Твери до Астрахани, или приокскихъ, отъ Курска и Орла до Нижняго Нов-

города, т. е. именно въ великорусскихъ губерніяхъ, къ которымъ должно еще присоединить провинціи литовскія и остзейскія. Такъ какъ лошадь составляетъ почти единственную рабочую силу у земледѣльцевъ всей Россіи, а особенно средней и приволжской, то понятно, что и хлѣбопашество не могло улучшиться въ названныхъ провинціяхъ. И если часть этого упадка коневодства должно приписать замѣнѣ лошадей паромъ при перевозкѣ тяжестей; то вѣдь не нужно забывать, что возрастаніе населенія требовало распашки новыхъ полей, а слѣдовательно и увеличенія числа рабочихъ лошадей. При этомъ слѣдуетъ присовокупить, что оффиціальныя цифры не вездѣ находятся въ согласіи съ другими фактами относительно коневодства, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ его упадкѣ. Такъ таблицы министерства внутреннихъ дѣлъ удостовѣряютъ, что въ землѣ войска донскаго произошло возрастаніе числа лошадей въ шесть лѣтъ на 23.000; а между тѣмъ въ 1876-8 годахъ, при мобилизаціи донскихъ полковъ, оказалось, что многимъ казакамъ не на чемъ выѣхать въ строй, чего прежде не случалось. Ясно, что войсковая администрація въ 1870 году слишкомъ усердно руководствовалась, при составленіи отчета объ экономическомъ положеніи области, извѣстнымъ бюрократическимъ правиломъ: „честь имѣю донести, что

подъ управленіемъ моимъ все преуспѣваетъ".

Если мы отъ лошадей перейдемъ къ рогатому скоту, который не только служитъ рабочею силою во многихъ провинціяхъ Россіи, но и повсемѣстно даетъ народу молочную, а для нѣкоторыхъ счастливцевъ и мясную пищу, равнымъ образомъ удовлетворяетъ потребностямъ въ салѣ, кожахъ, полевомъ удобреніи и пр., то увидимъ, что тутъ упадокъ скотоводства еще значительнѣе, потому что уменьшеніе числа коровъ и быковъ замѣтно въ цѣлыхъ 30 губерніяхъ изъ 50-ти. И опять это губерніи приволжскія и приокскія съ присоединеніемъ къ нимъ даже такихъ, какъ харьковская, екатеринославская, воронежская, бессарабская, таврическая, гдѣ волы служатъ для обработки пашенъ. Чему же удивляться, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи приростъ населенія слабъ или даже переходитъ въ убыль: *народу мѣстами, просто, нечего пѣсть.*

Число свиней, которыхъ мясо столь любимо русскимъ народомъ, особенно въ Малороссіи, опять-таки уменьшилось и притомъ не въ частности по тѣмъ или другимъ губерніямъ, а въ цѣлой Россіи. Число тонкорунныхъ овецъ —также. Послѣдній фактъ имѣетъ двойную важность. Съ одной стороны онъ показываетъ, что русскому народу стало не до улучшенія одежды, а съ другой, что у насъ уменьшилось производство хорошей шерсти, т. е. такого

предмета, который долгое время составлялъ выгодную и важную статью отпускной торговли. Упадокъ тонкорунаго овцеводства, слѣдовательно, обусловливаетъ отчасти тотъ упадокъ денежнаго курса, который тяготѣетъ надъ Россіей въ послѣдніе годы и грозитъ ей государственнымъ банкротствомъ.

Въ виду этихъ печальныхъ фактовъ относительно упадка скотоводства, утѣшительнымъ является возрастаніе числа овецъ простыхъ, тѣхъ, которыя доставляютъ простому народу его зимнюю одежду. Оно простирается за шесть лѣтъ до $3^1/_2$ милліоновъ головъ и очевидно обусловливалось какъ возраставшею потребностью въ тулупахъ, такъ и расширеніемъ крестьянскихъ пастбищъ. Впрочемъ, послѣдній фактъ не имѣетъ особенно серьезнаго значенія. Овцы значительную часть года пасутся на паровыхъ поляхъ, и если при этомъ удобряютъ таковыя, то вмѣстѣ и обнажаютъ ихъ отъ всякой растительности до такой степени, что вѣтеръ потомъ легко уноситъ лучшія, плодороднѣйшія частицы почвы.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ сельскихъ хозяевъ, близко ознакомившимся съ упадкомъ русскаго скотоводства, показалось, что однимъ изъ лучшихъ средствъ къ поднятію его будетъ введеніе въ деревняхъ сыроваренія, которое бы облегчило сбытъ молочныхъ скоповъ, неудобныхъ въ другомъ видѣ для храненія и пере-

возки. Логическая посылка, на которой основывались подобные хозяева,—изъ коихъ особенно извѣстенъ Верещагинъ,—состояла въ томъ, что у русскаго народа, строго соблюдающаго посты, много молока должно пропадать даромъ или продаваться за безцѣнокъ немногимъ мѣстнымъ потребителямъ, незаботящимся о постахъ, и что слѣдовательно придать части молочныхъ скоповъ форму удобоперевозимаго сыра, значитъ увеличить доходъ хозяевъ коровы. Съ точки зрѣнія политической экономіи Сея и т. п. писателей, это такъ и есть, и даже нѣкоторые крестьяне, особенно въ тверской губерніи, соблазнились новымъ промысломъ, дававшимъ имъ деньги на уплату податей и слѣд. обезпечивавшимъ отъ сѣченія розгами; но болѣе дальновидные люди, какъ Энгельгардтъ, справедливо замѣтили что сыровареніе выгодно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда у крестьянъ много пастбищъ и скота, такъ что молоко получается въ избыткѣ противъ домашнихъ потребностей; въ противномъ же случаѣ избѣгать розогъ помощью приготовленія сыра значитъ лишать молочной пищи дѣтей, которые будутъ отъ того умирать или выростать безжизненными, вялыми. Подъ вліяніемъ подобныхъ замѣчаній, основательности которыхъ нельзя не признать, манія къ сыроваренію, одно время распространившаяся-было довольно широко,

сама собою прошла, и принялись лишь тѣ сыроварни, которыя возникли въ условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ.

Таковы наиболѣе выдающіеся факты изъ исторіи развитія отраслей земледѣльческой промышленности въ Россіи со времени крымской войны и въ особенности со времени большаго экономическаго переворота, произведеннаго освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 1861 г. Мы видимъ, что среди ихъ встрѣчаются явленія отрадныя; но въ общемъ выводѣ картина русскаго земледѣлія представляется мало утѣшительною, чтобы не сказать печальною. Нѣкоторымъ вознагражденіемъ за эти неподвижность или даже упадокъ крупныхъ отраслей земледѣльческой промышленности служатъ успѣхи отраслей второстепенныхъ, именно разведенія картофеля, свекловицы, табаку и винограда. Первый отчасти замѣняетъ хлѣбъ и притомъ требуетъ меньше удобренія, почему, хотя уступаетъ хлѣбу въ питательности, разводится очевидно съ пользою для народа, тѣмъ болѣе, что растетъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ урожаи зерновыхъ растеній не велики. Если довѣрять оффиціальнымъ таблицамъ, то выходитъ, что за трехлѣтіе съ 1864 по 66 г. ежегодный средній урожай картофеля былъ 23.372.000 четвертей, а за трехлѣтіе 1870—72 уже 37.000.000 четвертей. Часть его, какъ и зерноваго хлѣба, шла на

приготовленіе водки. Свекловица требовалась въ постоянно возраставшемъ количествѣ на приготовленіе сахара, и ея воздѣлываніе сдѣлало особые успѣхи въ губерніяхъ кіевской, подольской и тульской. Табакъ съ каждымъ годомъ становился все большею потребностью народа русскаго, а потому плантаціи его очень размножились; но этому разумѣется радоваться нельзя, потому что обращеніе народныхъ денегъ въ дымъ конечно не можетъ способствовать обогащенію націи. Въ южной Россіи табаководство однако сдѣлало столь значительные успѣхи, что часть русскаго табаку пошла за границу, даже въ Турцію. Тамъ же сдѣлало не малые успѣхи и винодѣліе, хотя высшіе сорты винъ Россія продолжала получать изъ-за границы, преимущественно изъ Франціи и съ Пиренейскаго полуострова. Вины кн. Воронцова, въ Крыму, и нѣкоторые сорты кахетинскаго, въ Закавказьѣ, пріобрѣли довольно значительную извѣстность и гораздо большій кругъ распространенія, чѣмъ они имѣли до 1855 года.

Но если нѣкоторыя отрасли садоводства и огородничества увеличились по размѣрамъ производства и улучшились по качествамъ его; то есть и такія вѣтви земледѣльческой промышленности, которыя и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ пришли въ положительный упадокъ. Во главѣ ихъ стоитъ лѣсоводство. Конеч-

но, уже Палласъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, жаловался, что лѣса истребляются въ Россіи безъ всякой расчетливости, что Россія уже не та лѣсная Московія, которую изобразилъ Герберштейнъ; но такого систематическаго истребленія древесной растительности, какъ въ наше время, не было ни въ XVIII вѣкѣ, ни даже въ первой половинѣ XIX-го. Главныхъ причинъ этому двѣ. Одна — историческая, дѣйствовавшая искони и только усилившаяся съ размноженіемъ населенія — это употребленіе исключительно дерева на постройки и на отопленіе ихъ; другая — характеристическая исключительно для нашей эпохи —это продажа лѣсовъ на срубъ помѣщиками, крайне нуждавшимися въ средствахъ къ жизни послѣ освобожденія крестьянъ. Совокупное дѣйствіе этихъ двухъ причинъ произвело то, что не только юговосточная Россія, искони бывшая степною, но и вся средняя, подмосковная, нынѣ почти не имѣютъ не только большихъ лѣсовъ, но сколько-нибудь значительныхъ рощъ. Правительство испугалось, наконецъ, этого обезлѣсенія страны и, чтобы положить ему предѣлъ, съ одной стороны издало правила о поощреніи лѣсоводства преміями, а съ другой озаботилось устройствомъ особой желѣзной дороги, донецкой, которая должна будетъ доставлять каменный уголь донецкаго бассейна во всѣ безлѣсныя мѣстно-

сти. Послѣдняя мѣра особенно важна, потому что съ осуществленіемъ ея можно будетъ обязать всѣ желѣзныя дороги Россіи, или по крайней мѣрѣ лежащія южнѣе Москвы, жечь въ локомотивахъ минеральный уголь, а не дрова. *) Что до первой, т. е. до раздачи медалей и премій, то мѣра эта очевидно ребяческая, доказывающая только незрѣлость экономическихъ понятій у Валуева и другихъ составителей закона 1874 года, и обнаруживающая патріархальность правительства и стремленіе бюрократіи во все вмѣшиваться и все опекать. Вмѣсто ея предусмотрительному правительству лучше бы было употребить свою энергію на охраненіе лѣсовъ, напримѣръ, въ басейнахъ сѣверной Двины, Печоры и Олонецкой губерніи, гдѣ разные хищники-коммерсанты безжалостно переводятъ милліоны вѣковыхъ деревьевъ, не вознаграждая страну за эту потерю почти ничѣмъ.

Изъ другихъ отраслей добывающей промышленности, пришедшихъ въ упадокъ, назовемъ рыболовство въ Каспійскомъ морѣ и на нѣкоторыхъ рѣкахъ его басейна, разведеніе марены въ прикаспійскомъ краѣ, звѣроловство

*) Разумѣется, для этого нужно, чтобы владѣлецъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, на которыя выходитъ донецкая, превосходительный Самуилъ Поляковъ, не стѣснялъ провоза угля, принадлежащаго не ему, какъ онъ началъ уже дѣлать въ 1878 году.

на всемъ сѣверѣ. На уменьшеніе рыбы въ Каспійскомъ водоемѣ обращено было вниманіе еще при императорѣ Николаѣ, и академикъ Бэръ долженъ былъ изслѣдовать причины его и указать мѣры къ искорененію зла. Но практически не только непослѣдовало такого искорененія, а напротивъ рыболовство стало еще болѣе хищническимъ, чѣмъ прежде. Уничтоживъ крупныя монополіи, существовавшія непрерывно со временъ Шуваловыхъ, т. е. императрицы Елизаветы, правительство хотя и признало рыбный промыселъ свободнымъ для всѣхъ, но въ сущности осталось при откупной системѣ, а, главное, не приняло серьезныхъ мѣръ противу рыболовства хищническаго, т. е. ведущаго къ уменьшенію рыбы. Откупная система явилась напр. во всемъ безобразіи на р. Курѣ, гдѣ арендаторъ ловель, Мирзоевъ, однажды дерзнулъ даже перегородить всю рѣку частоколомъ и такимъ образомъ лишить рыбы цѣлыхъ двѣ губерніи, елисаветпольскую и тифлисскую. Истребленіе рыбы, неуспѣвшей еще выбросить икру, шло также безъ всякихъ препятствій, хотя время метанія икры давно хорошо извѣстно, и запрещеніе въ эту пору лова могло бы не быть фактивнымъ. — Изъ рѣкъ Каспійскаго бассейна издавно былъ знаменитъ обиліемъ рыбы лучшаго качества Уралъ, на которомъ нѣтъ судоходства; но въ послѣдніе годы и въ немъ количество рыбы умень-

шилось, впрочемъ вѣроятно лишь потому, что устья рѣки обмелѣли и стали зарастать камышомъ. Пріемы же рыболовства на Уралѣ остались прежніе.

Упадокъ рыбнаго промысла замѣченъ еще и на сѣверномъ океанѣ, т. е. въ предѣлахъ архангельской губерніи, и здѣсь причина его состоитъ въ простой политической ошибкѣ, сдѣланной еще при Николаѣ. Именно, нами была уступлена Норвегіи Варангерская бухта, и изъ нея то норвежцы стали выходить на промыслы къ нашимъ берегамъ гораздо раньше, чѣмъ то могутъ дѣлать наши архангельскіе рыболовы, которымъ такимъ образомъ часто приходится довольствоваться остатками отъ эксплуатаціи русскихъ водъ иностранцами. Но должно замѣтить, что если пострадали архангельскіе поморы, то вообще-то рыбныя ловли на водахъ сѣвероокеанскаго водоема не уменьшились, потому что рыболовы стали промышлять по Печорѣ, Оби, Енисеѣ, у береговъ Новой Земли. Особенно же выгоднымъ для русскаго рыболовства было—или по крайней мѣрѣ могло быть — присоединеніе къ Россіи Амура, конечно самой богатой рыбою изъ всѣхъ русскихъ рѣкъ. Къ сожалѣнію, правильныхъ промысловъ не основалось доселѣ ни на самомъ Амурѣ, ни въ Татарскомъ проливѣ, ни на Суйфунѣ и другихъ притокахъ Японскаго моря.—Небезвыгодны рыбные про-

мыслы и въ Аральскомъ морѣ, ставшемъ русскимъ озеромъ особенно съ 1873 года.

Объ уменьшеніи добычи отъ звѣроловства нѣтъ надобности много распространяться, потому что это уменьшеніе совершенно естественно вслѣдствіе вырубанія лѣсовъ и движенія колонизаціи въ лѣсистыя страны. Но должно замѣтить, что многіе мѣха вздорожали ужь слишкомъ быстро, и причиною этого конечно служитъ усовершенствованіе оружія у охотниковъ, которые мѣстами совсѣмъ истребили дичь. Впрочемъ, то, что въ этомъ отношеніи было потеряно звѣроловами европейской Россіи и западной Сибири, то во многомъ вознаграждено для цѣлаго государства добычею соболей и другихъ лѣсныхъ животныхъ во вновь пріобрѣтенномъ Амурскомъ краѣ. Первые два-три года по появленіи русскихъ на Амурѣ нѣкоторыми оборотливыми людьми соболи покупались по 75 к., по 1 р. за штуку; позднѣе установились цѣны въ 3—5 рублей, а на ирбитской ярмаркѣ, главномъ мѣховомъ рынкѣ, они продавались по 15—20 р. за штуку. Отсюда видно, какъ наживались на нихъ купцы; но для самихъ охотниковъ Забайкалья, Амурскаго края и другихъ частей Сибири звѣриный промыселъ не приносилъ большихъ выгодъ; ибо эти стрѣлки—казаки обыкновенно находятся въ зависимости отъ скупщиковъ, которые, давая имъ впередъ товары

или даже деньги, сами уже становятъ цѣны на мѣха. Подъ вліяніемъ меньшей противу прежняго удачливости охоты, тунгузы, которые живутъ исключительно звѣроловствомъ, уменьшились даже въ числѣ.

Отъ указаній на развитіе тѣхъ отраслей добывающей промышленности, которыя имѣютъ дѣло съ произведеніями царствъ растительнаго и животнаго, переходя къ продуктамъ минеральнымъ, остановимся прежде всего на каменномъ углѣ, значеніе котораго въ экономической жизни Россіи едва ли не болѣе важно, чѣмъ въ какой другой странѣ, потому что топливо нужно у насъ не только для заводовъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, но и для частныхъ жилищъ въ количествѣ гораздо большемъ, чѣмъ въ прочихъ государствахъ Европы. Успѣхи каменноугольныхъ разработокъ огромны. Въ самомъ дѣлѣ, не дальше 1863 г. въ Россіи добывалось всего 9.710.766 пудовъ угля, въ 1873 году добыча была въ 71.477.722 пуд. а въ 1876 г. она достигла 111 мил. п. Особенное развитіе получилъ каменноугольный промыселъ на Дону и Донцѣ; но и въ среднихъ губерніяхъ, рязанской, калужской, тульской возрастаніе его шло очень быстро, такъ что изъ 1.300.000 п. въ 1863 году добыча обратилась въ 12.000.000 п. въ 1873. Уголь былъ разысканъ и подвергнутъ выработкѣ во многихъ мѣстностяхъ,

гдѣ прежде до него не касалась человѣческая рука, при чемъ оказалось, что въ одной европейской Россіи площадь каменноугольныхъ и лигнитовыхъ залежей простирается до 24.000 кв. миль. Превосходное минеральное топливо было открыто за Кавказомъ, въ Туркестанѣ, въ южноусурійскомъ краѣ, на Сахалинѣ. Словомъ, эта промышленность преуспѣвала, и если еще не достигла такого развитія какъ въ Англіи или Бельгіи, то находится на пути къ тому и конечно усилится еще болѣе, когда откроется для движенія донецкая желѣзная дорога. Отдадимъ въ этомъ случаѣ особую похвалу правительству: оно нетолько поощряло дѣятельность частныхъ лицъ, по отысканію и разработкѣ угля, но и само занималось ими въ широкомъ размѣрѣ. И если напр. сахалинскія копи не даютъ того дохода, который онѣ могутъ давать, то одною изъ причинъ этого служитъ самая недавность ихъ открытія и отдаленность Сахалина отъ средоточія государства, хотя конечно и обычная неумѣлость русской администраціи во всемъ, что касается государственнаго хозяйства, тутъ много значитъ.

Немаловажные успѣхи оказала добыча и другаго важнаго въ повседневной жизни минеральнаго вещества, соли. Въ 1857 году ея вырабатывалось не болѣе 26.660.000 пудовъ, въ 1863-мъ—30.929.000 п., а въ 1873-мъ

уже 50.398.000 пудовъ. За всѣмъ тѣмъ потребность въ ней росла сильнѣе производства, и почти вся западная Россія, не исключая и столичнаго города С.-Петербурга, довольствовалась солью, привозною изъ-за границы. Обложенная большою пошлиною, соль въ Россіи дорога, и хотя она составляетъ предметъ первой необходимости въ питаніи нетолько людей, но и животныхъ, а также во многихъ заводскихъ производствахъ; но цѣна на нее не убавляется, потому что министерство финансовъ вовсе не желаетъ отказаться отъ 12.000.000 рублей солянаго акциза или хотя бы отъ части этой суммы. Любопытно въ исторіи солянаго промысла въ Россіи то, что, не смотря на богатство страны каменною солью, продолжаетъ существовать выварка ея изъ солесодержащихъ источниковъ, при чемъ конечно истребляется много дровъ; и кажется, что владѣльцы подобныхъ солеваренъ, между которыми мы встрѣчаемъ императорскую фамилію, *) графовъ Строгановыхъ и нѣкоторыхъ другихъ „вельможъ,“ больше всего заботятся, чтобы акцизъ съ каменной соли не уменьшался, ибо иначе ихъ жидкая собственность перестанетъ приносить имъ доходъ.

Выработка нефти и графита есть положи-

*) По старорусскимъ варницамъ, которыя безъ церемоніи взяты были въ 1857 г. изъ казны въ удѣлъ.

тельное пріобрѣтеніе нашего времени, такъ какъ до 1855 года ни того, ни другаго вещества въ Россіи совсѣмъ не добывалось. Нефть особенно изобильна около Баку, и тамъ нынѣ существуетъ цѣлый рядъ заводовъ для переработки ея въ керосинъ, при чемъ еще получаются остатки, годные на топливо. Менѣе важные источники той же смолы находятся на западномъ Кавказѣ и на о. Челекени, посреди Каспійскаго моря, гдѣ разработка пока невелика. Въ общемъ итогѣ добыча нефти въ 1873 г. простиралась до 1.254.000 пудовъ, но съ того времени она возрасла, такъ что на Каспійскомъ морѣ стали употреблять ее какъ топливо для пароходовъ. Графитъ былъ найденъ въ трехъ мѣстностяхъ Сибири: въ Саянѣ Алибером, въ киргизскихъ степяхъ Поповымъ и на сѣверѣ енисейской губерніи Сидоровымъ, при чемъ вездѣ оказался отличнаго качества и нашелъ хорошій сбытъ за границу, такъ какъ въ самой Россіи основать карандашной фабрики не удалось, хотя на Кавказѣ и Туркестанѣ имѣется карандашное дерево.

Переходя отъ соли и углеродистыхъ веществъ къ металламъ, мы можемъ замѣтить, что производство важнѣйшаго изъ нихъ, желѣза, значительно подвинулось впередъ. Именно, въ 1863 году всѣ русскіе заводы выплавили не болѣе 14.904.000 пудовъ чугуна, а

въ 1873 году уже 23.464.000; желѣза они выдѣлали въ 1863 году 10.564.000 пуд.. а въ 1873 г. 15.623.000 пуд.; стали приготовили въ первомъ году всего 119.700 пуд., а въ послѣднемъ 610.000 п. Возникли цѣлыя новыя отрасли желѣзодѣланія, напр. приготовленіе рельсовъ и брони для кораблей, выдѣлка машинъ. Не говоря пока о послѣдней, замѣтимъ, что однимъ рельсамъ посвятили себя большіе заводы алапаевскіе, юзовъ, путиловскіе, и ихъ издѣлія вышли очень недурны. Прокатка брони, требующая огромныхъ паровыхъ машинъ, развилась въ окрестностяхъ Петербурга и въ пермской губерніи. Въ этихъ же мѣстностяхъ широко развилось и приготовленіе литой стали, въ которомъ отличился горный инженеръ Обуховъ. Конечно, Россія еще далеко не можетъ удовлетворять своихъ требованій на желѣзо однимъ домашнимъ его производствомъ; но все же мы теперь далеко ушли отъ той бѣдности въ этомъ полезномъ металлѣ, которая ощущалась лѣтъ тридцать назадъ. Правительство нашло нынѣ возможнымъ обязывать вновь строющіяся желѣзныя дороги употреблять въ дѣло преимущественно русскій желѣзный матеріалъ.

Желѣзодобывательная промышленность конечно оказала бы еще большіе успѣхи, если бы имъ не препятствовали два обстоятельства. Съ одной стороны значительная часть

заводовъ принадлежала казнѣ и удѣламъ, которые конечно никогда не могли вести дѣла какъ хорошіе хозяева; съ другой почти всѣ уральскіе заводчики и сама казна съ 1861 г. лишились даровыхъ рабочихъ рукъ и перевозочныхъ средствъ, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дальнѣйшее производство желѣзодѣланія оказалось невыгоднымъ. Вопросъ о продажѣ казенныхъ заводовъ сталъ самъ собою на очередь, и для предварительнаго изученія его былъ посланъ на Уралъ экономистъ Безобразовъ, который и написалъ объ уральскомъ горномъ хозяйствѣ особое сочиненіе (впрочемъ, не очень авторитетное). Казна сдѣлала опытъ передачи въ частныя руки цѣлаго горнозаводскаго округа, гороблагодатскаго, который поступилъ во владѣніе Башмакова. Но вообще еще дѣло объ окончательномъ отказѣ правительства отъ заводской дѣятельности недалеко ушло впередъ, конечно потому, что казеннымъ горнымъ инженерамъ не хочется выпустить изъ рукъ столь лакомую статью дохода, какъ управленіе заводами, положимъ убыточное для правительства, но всегда выгодное для нихъ.

Каменный уголь, нефть, соль и желѣзо были главными минеральными продуктами, выработка которыхъ сдѣлала существенные успѣхи. О большинствѣ прочихъ металловъ и минераловъ можно сказать, что добыча ихъ

не измѣнилась съ 1855 года или даже упала. Такъ мѣди въ 1853 году было выработано 394.549 пудовъ, а въ 1873 г. всего 223.282 пуда; серебра въ 1853-мъ 1.024 пуда, а въ 1873-мъ—606 п., свинца въ 1863-мъ 71.721 п., а въ 1873-мъ 57.606 п. Но впрочемъ добыча наиболѣе драгоцѣннаго изъ металловъ, золота, сдѣлала также успѣхи, главнымъ образомъ отъ открытія новыхъ пріисковъ въ бассейнахъ Амура и Лены и отъ разширенія свободы самаго золотаго промысла. Въ 1853 году въ Россіи было добыто золота 1463 пуда, а въ 1873 уже 2025 пудовъ. Для облегченія золотопромышленниковъ въ ихъ коммерческихъ операціяхъ, правительство устроило новую золотоплавильню, въ Иркутскѣ, къ большому неудовольствію барнаульскихъ горныхъ инженеровъ, которые долго наслаждались монополіею переплавки сибирскаго золота, приносившею имъ по 160 рублей съ пуда и столь привлекательною, что напр. одинъ, завѣдывавшій плавильнею, капитанъ заплатилъ 2.500 р. въ горный департаментъ, чтобы его на годъ обошли чиномъ, потому что иначе ему приходилось передать свое выгодное мѣсто другому.

Этими замѣтками объ горныхъ промыслахъ мы и заключимъ нашъ краткій очеркъ развитія добывающей промышленности вообще. Мы видимъ, что многія ея отрасли сдѣлали

несомнѣнные успѣхи; но что два важнѣйшія для русскаго народа занятія, землепашество и скотоводство, если не пришли въ положительный упадокъ, то перестали приносить выгоды и мѣстами даже уменьшились въ размѣрахъ. Разумѣется, слѣдствіемъ этого было возрастаніе дороговизны на предметы первой необходимости; и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что нынѣ жизнь въ Россіи стала несравненно дороже прежняго, а значительная часть населенія положительно обнищала, такъ что подати изъ нея нужно выколачивать розгами, да и тѣ иногда оказываются безсильными. *) О запасахъ хлѣба у сельскаго населенія, еще 20 лѣтъ назадъ бывавшихъ столь обильными, что на крестьянскихъ гумнахъ изъ году въ годъ стаивали скирды немолоченной ржи или пшеницы, нынѣ почти нѣтъ рѣчи, и отъ того въ случаѣ неурожая страданія народа бываютъ очень велики, какъ было напр. въ 1874 году въ губерніи самарской, считавшейся еще, до того времени, одною изъ житницъ Россіи. Желѣзныя дороги и пароходныя сообщенія

*) Въ 1875 г. въ слободскомъ уѣздѣ вятской губерніи было пересѣчено 1.329 крестьянъ за недоимки, и все-таки послѣднихъ взыскать неудалось. Въ 1878 г. въ Ряжскѣ былъ судебный процессъ, изъ котораго оказалось, что становый приставъ Поповъ пересѣкъ множество жителей въ нѣсколькихъ волостяхъ, доставляя при этомъ себѣ удовольствіе употреблять розги соленыя и распаренныя; выбить недоимокъ ему то же неудалось.

конечно облегчаютъ вредъ такихъ бѣдствій, давая возможность подвозить хлѣбъ изъ мѣстностей, гдѣ онъ изобиленъ; но вѣдь для покупки привознаго хлѣба нужны деньги, а ихъ большею частію у русскаго крестьянина нѣтъ, и для добыванія ихъ мужичку центральныхъ, малоземельныхъ губерній приходится отправляться далеко отъ дома—въ Петербургъ или въ южнорусскія степи. Эти отхожіе промыслы можно считать однимъ изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни русскихъ земледѣльцевъ, и до чего доходитъ ихъ обширность, видно изъ того, что напр. одна нижегородская губернія высылаетъ ежегодно на заработки въ другія провинціи отъ 90 до 110 тысячъ рабочихъ, какъ свидѣтельствуютъ данныя, собранныя Гациссимъ. О значеніи отхожихъ промысловъ для цѣлой Россіи можно получить понятіе изъ труда статистика и экономиста Чаславскаго, и тогда не трудно себѣ составить понятіе о тѣхъ потеряхъ, которыя несутъ крестьяне при этихъ ежегодныхъ кочеваніяхъ съ сѣвера на югъ и обратно. Конечно, этимъ потерямъ можно бы было положить предѣлъ, допустивъ полное переселеніе людей безземельныхъ или малоземельныхъ въ мѣстности, гдѣ земля есть въ избыткѣ; но мы уже видѣли, что такому переселенію противится правительство, побуждаемое съ одной стороны интересами среднерусскихъ помѣщиковъ, а съ другой собствен-

нымъ опасеніемъ, что дозволь только крестьянамъ переселяться,—они уйдутъ массами вдаль и тѣмъ уменьшатъ доходы подушный, питейный и пр. во многихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне впрочемъ не отправляются на отхожіе промыслы, а остаются, по окончаніи полевыхъ работъ, дома и занимаются разными ремеслами или такъ-называемыми у статистиковъ кустарными промыслами. На изученіе ихъ въ наше время обращено нѣкоторое вниманіе; но достигнутый результатъ пока не великъ. Какъ справедливо замѣтили авторы „Сборника матеріаловъ о кустарной промышленности“, кн. Мещерскій и Модзолевскій, „масса кустарной работы въ Россіи громадна, кустари существуютъ сотнями тысячъ, производятъ на десятки милліоновъ рублей; но вотъ и все, что о нихъ знаютъ“. Къ этому мы можемъ прибавить, что въ наше время промыслы эти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжали существовать и даже развиваться, иногда при поддержкѣ земства, а въ другихъ напротивъ падали, уступая напору промышленности заводской, вооруженной машинами, съ которыми ручныя орудія, конечно, бороться не могутъ. Есть примѣры, гдѣ кустари однако же выдерживали конкурренцію производства капиталистическаго, соединяясь въ ассоціаціи, и о

подобныхъ явленіяхъ можно найдти любопытныя свѣдѣнія въ „Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи,“ изданномъ „комитетомъ о сельскихъ сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“.

Отъ кустарныхъ промысловъ или ремеслъ до мануфактурной промышленности въ европейскомъ смыслѣ—одинъ только шагъ, и потому мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію судебъ послѣдней. Успѣхи ея по нѣкоторымъ отраслямъ были огромны; но къ сожалѣнію числовыя данныя, служащіе основаніемъ для такого вывода, не отличаются точностью, какъ можно напр. видѣть изъ сравненія цифръ, публикованныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1866 и 1868 годахъ. Впрочемъ, для нашей цѣли—представить картину успѣховъ или упадка заводской промышленности въ самыхъ общихъ чертахъ—имѣющихся фактовъ достаточно и мы даже находимъ ихъ вполнѣ сортированными въ атласѣ Темирязева, къ сожалѣнію только несопровождаемомъ пояснительнымъ текстомъ, но обнимающемъ какъ-разъ время съ 1855 г. Слѣдуя даннымъ этого статистика, очень выгодно поставленнаго для изученія своего предмета, одна фабричная выработка тканей усилилась съ 1855 по 1874 годъ на 95 мил. рублей, при чемъ особенно быстрымъ развитіемъ от-

личилось производство хлопчатобумажное, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ.

	Въ 1855 г.	Въ 1874 г.	Приростъ.
Хлопчатобумажныхъ тканей.	11,5 м. р.	58 м. р.	46,5 м. р.
Шерстяныхъ	19 »	43,6 »	24,6 »
Льняныхъ и коноплянныхъ .	2,9 »	20,1 »	17,2 »
Шелковыхъ	4,9 »	11,6 »	6,7 »

При этомъ должно замѣтить, что годовое производство хлопчатобумажныхъ тканей въ 1874 году въ дѣйствительности было больше показаннаго здѣсь, потому что все населеніе вновь пріобрѣтеннаго Туркестанскаго края одѣвается въ этого рода ткани, которыя приготовляются на мѣстѣ и которыхъ количество вовсе не входило въ расчеты статистика, потому что оно неизвѣстно. Для фабрикаціи русскихъ хлопчатобумажныхъ тканей употребляется большею частью американскій хлопокъ, покупаемый въ Ливерпулѣ, почему въ годы междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, 1861—64, фабрикація эта была въ упадкѣ; но съ 1865 г. вновь открылся для фабрикантовъ не только этотъ источникъ необходимаго имъ сырья, а еще и другой, который прежде доставлялъ хлопка на русскіе рынки очень немного, именно средняя Азія, часть которой завоевана нами въ 1865—75 годахъ. Соотвѣтственно такому наплыву дешевѣйшаго матеріала для тканей, значитель-

ная доля русскихъ простолюдиновъ, прежде носившая одежду и бѣлье изъ конопли, льна и шерсти, обработываемыхъ дома, нынѣ стала одѣваться въ ситцы и миткали фабричнаго приготовленія.

Про шерстяныя ткани можно сказать, что изъ нихъ особенно возросло производство высшихъ сортовъ, которыми прежде Россія почти исключительно снабжалась изъ-за границы. Въ одной московской губерніи нынѣ есть 59 суконныхъ и 125 другихъ шерстоткацкихъ фабрикъ, приготовляющихъ товару на сумму до 25 мил. рублей; губерніи гродненская, лифляндская, пензенская, петербургская, симбирская и черниговская также производятъ суконъ на милліоны рублей, и можно думать, что съ введеніемъ минеральнаго топлива на югѣ Россіи, — на что даетъ надежду окончаніе донецкой желѣзной дороги,—сильно разовьется приготовленіе шерстянныхъ тканей на самыхъ мѣстахъ производства шерсти, въ губерніяхъ екатеринославской, таврической, херсонской, въ землѣ войска донскаго, на Кубани и пр. Тогда русскій народъ въ состояніи наконецъ будетъ одѣваться хоть сколько-нибудь сходно съ западо-европейскими націями, сходно не въ смыслѣ покроя, вовсе непригоднаго для нашего климата, а въ смыслѣ доброкачественности матеріаловъ для одежды, столь неприглядныхъ и непрочныхъ въ боль-

шей части Россіи. Армія нынѣ уже одѣта значительно лучше, чѣмъ въ первой половинѣ нашего вѣка, и то же можно сказать про купцовъ, многихъ мѣщанъ, ремесленниковъ и даже болѣе зажиточныхъ изъ крестьянъ.

Приготовленіе льняныхъ и коноплянныхъ полотенъ, т. е. главнымъ образомъ рубашечнаго холста и парусины, сдѣлало огромные успѣхи, особенно въ губерніяхъ владимірской, ярославской, костромской, петербургской и въ Польшѣ; но мы все-таки должны признаться, что огромное количество льну продается сырьемъ за границу, откуда онъ возвращается къ намъ въ видѣ тканей, которыя стоютъ дорого и которыя могли бы приготовляться дома и продаваться дешевле. Поэтому разширеніе сферы механическаго льнопряденія составляетъ одну изъ дезидератъ нашей промышленности, хотя бы при этомъ и упало ручное приготовленіе пряжи и холста, столь значительное, что интендантство въ началѣ 1870-хъ годовъ въ 32 губерніяхъ и въ Польшѣ насчитало до 94,5 мил. аршинъ разныхъ ручныхъ полотенъ, вывозимыхъ ежегодно крестьянами на продажу, какъ избытокъ за удовлетвореніемъ ихъ домашней потребности. Механическое ткачество на столько уже сдѣлалось общеизвѣстнымъ въ Россіи нашего времени, что при основаніи новыхъ полотняныхъ заводовъ недостатка въ рабочихъ не

будетъ. Русскіе ткачи такъ отличились искусствомъ приготовленія тончайшихъ матерій, что возбудили удивленіе иностранцевъ на парижской выставкѣ 1878 года, когда международное *jury* выразило было даже сомнѣніе, дѣствительно ли выставленныя московскія издѣлія приготовлены въ Москвѣ, а не въ Ліонѣ или Парижѣ.

И фабрикація шелковыхъ тканей не осталась безъ движенія впередъ, хотя она по прежнему сосредоточивается преимущественно въ однихъ столицахъ съ окружающими ихъ мѣстностями. Съ присоединеніемъ Туркестана, богатаго шелкомъ, были сдѣланы опыты введенія улучшеннаго разматыванія коконовъ и даже, кажется, тканья шелковыхъ матерій на европейскихъ станкахъ; но дѣло это недостаточно удалось, и среднеазіятскія шаи, падчаи и пр. продолжаютъ фабриковаться традиціонными способами; избытокъ же мѣстнаго шелка-сырца находитъ себѣ покупателей между московскими фабрикантами, которые скупаютъ и шелкъ закавказскій. Между шелковыми тканями, составляющими особенность русскихъ фабрикъ, заслуженною извѣстностью продолжали пользоваться парчи, въ которыхъ конечно болѣе видная роль принадлежитъ золоту, а не шелку; производство же тѣхъ великолѣпныхъ собственно-шелковыхъ матерій, которыми славится Ліонъ, все еще не приви-

лося у насъ. Само собою разумѣется, что, слѣдуя общему направленію моды, русскіе шелковые фабриканты приготовляли много матерій полушелковыхъ, почему нынѣ стало нерѣдкостью видѣть въ такихъ платьяхъ даже горничныхъ, тогда какъ прежде шелкъ былъ исключительно достояніемъ дамъ большаго свѣта, мелкія чиновницы и дворянки ограничивались однимъ-двумя платьями на многіе годы, а горничныя и мѣщанки могли только любоваться на подобныхъ счастливицъ.

Какъ характеристическую для нашего времени черту въ исторіи русской шелковой промышленности отмѣтимъ еще, что съ распространеніемъ въ западной Европѣ болѣзни шелковичныхъ червей, многіе европейскіе шелководы направляли своихъ прикащиковъ въ русскій Туркестанъ для закупки тамъ яичекъ вполнѣ здоровыхъ шелкопрядовъ; но эта торговля, въ видахъ охраненія русскаго шелководства, была запрещена.

Между другими заводскими учрежденіями, посвященными выработкѣ предметовъ человѣческой одежды, важное мѣсто занимаютъ заводы кожевенные, и развитіе ихъ производства за двадцатилѣтіе съ 1855 по 1874 годъ также очень значительно. Именно, стоимость выдѣланныхъ кожъ возрасла съ 9,6 м. рублей до 32,4 милліоновъ. По обширности производства высшія мѣста занимаютъ Петербургъ,

Москва, Казань и губерніи пермская, вятская, тверская, тульская, орловская, т. е. отнюдь не тѣ мѣстности, гдѣ разводится скотъ, а гдѣ онъ убивается или гдѣ издавна населеніе привыкло къ занятію кожедѣліемъ (Болховъ, Осташковъ, Касимовъ, Кунгуръ, Сарапулъ и пр.) и находитъ по близости дубильныя вещества. Русскія кожи продолжали занимать видное мѣсто между европейскими издѣліями того же рода; но къ сожалѣнію предметы, изъ нихъ приготовляемые въ Россіи, невсегда отличались изящестомъ и даже прочностью. Исконное производство сапоговъ въ Кимрахъ, напримѣръ, сильно упало вслѣдствіе конкурренціи болѣе современной обуви варшавской и петербургской. Многіе высшіе сорты кожи все еще шли за границу, откуда возвращались къ намъ въ видѣ дамскихъ ботинокъ, портфелей, шорныхъ издѣлій и пр. Очевидно, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ промышленности, сказывался недостатокъ рабочихъ съ высшею техническою подготовкою, которая была и невозможна по отсутствію ремесленныхъ училищъ, едва лишь въ наше время возникшихъ, да и то въ небольшомъ числѣ. Въ дѣлѣ приготовленія обуви стоитъ замѣтить введеніе механическаго шитья сапоговъ съ подошвами, прикрѣпляемыми деревянными гвоздями. На бывшей въ 1872 г. въ Москвѣ политехнической выставкѣ военное

интендантство привлекало множество посѣтителей въ свою сапожную мастерскую именно этою машинною выдѣлкою обуви, при чемъ крестьяне говорили: „вишь, нынче одна баба можетъ обуть всю деревню“.

Около кожевеннаго производства можно поставить скорняжное, занимающееся выдѣлкою овчинъ и вообще мѣховъ. Оно издавна развито во многихъ великорусскихъ губерніяхъ, ярославской, владимірской, московской, рязанской, вятской, пермской и пр.; но составляетъ болѣе кустарный промыселъ крестьянъ, чѣмъ промышленность заводскую. Также и шитье изъ готовыхъ овчинъ тулуповъ есть занятіе крестьянскаго населенія многихъ мѣстностей въ названныхъ губерніяхъ. Что промыселъ этотъ не падаетъ, доказательствомъ служитъ успѣшное изготовленіе въ 1877 г. въ одномъ шуйскомъ уѣздѣ до 50.000 полушубковъ для войскъ въ Турціи. Романовскіе дубленные полушубки составляютъ роскошь овчиннаго дѣла. Но если бы статистика и обладала точными цифрами скорняжныхъ издѣлій; то мы все-таки не могли бы сказать, преуспѣвало ли оно въ Россіи за послѣднее время или нѣтъ. Въ техническомъ отношеніи можно, кажется, безъ ошибки сказать, что нѣтъ; а что до объема производства, то онъ не могъ много измѣниться, потому что и число овецъ въ странѣ измѣнилось очень мало. Что же

касается до дорогихъ мѣховъ дикихъ звѣрей, то хотя занятіе Амура одно время выдвинуло на рынокъ многія тысячи соболей и другихъ дорогихъ шкурокъ; но этотъ наплывъ не произвелъ существеннаго измѣненія ни въ цѣнахъ на мѣха, ни въ степени ихъ распространенности. Скорѣе даже можно сказать, что количество ихъ въ оборотѣ уменьшилось нынѣ противу прежняго, почему многіе стали носить воротники и одежду изъ мерлушекъ вмѣсто прежнихъ собольихъ, бобровыхъ, лисьихъ и пр. Причиною этого явленія служитъ какъ продажа американцамъ нашихъ владѣній въ Америкѣ, откуда прежде привозилось много мѣховъ, такъ и уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей въ Сибири и особенно въ европейской Россіи.

Оставаясь еще въ предѣлахъ производствъ, берущихъ первый матеріалъ изъ царствъ растительнаго и животнаго, упомянемъ теперь о заводахъ свеклосахарныхъ, салотопенныхъ, мыловаренныхъ, стеариновыхъ, восковыхъ, резиновыхъ, смологонныхъ, поташныхъ и писчебумажныхъ, которые большею частію сдѣлали значичительные успѣхи. Въ 1855-56 годахъ вся Россія производила не болѣе 640.373 п. сахарнаго песку, что давало примѣрно по одному пуду на каждые сто душъ населенія; въ 1860-61 гг. это количество возросло до 1.322.037 пудовъ, т. е. слишкомъ вдвое, а въ

1874 г. оно превосходило уже 9 мил. пудовъ, что давало на 100 жителей 11 пудовъ; и хотя при этомъ вмѣсто домашняго песка сталъ употребляться большею частью заграничный, но въ общемъ результатѣ сахарнозаводская промышленность въ Россіи такъ развилась, что въ 1877 г. русскій рафинадъ явился на заграничныхъ рынкахъ, именно во Франціи. Это довольно важный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что сахаръ вообще подешевѣлъ и слѣд. сталъ доступенъ гораздо большему числу потребителей. Благодаря послѣднему обстоятельству, теперь значительная часть нетолько городскаго, но и сельскаго населенія пьетъ чай съ сахаромъ. Въ Кіевѣ, который служитъ центромъ сахарнозаводской промышленности, есть нынѣ сахарная биржа и даже поставленъ памятникъ графу Бобринскому, главнѣйшему двигателю русскаго сахароваренія, хотя, по справедливости, прежде постановки монумента съ него слѣдовало бы взыскать тѣ огромныя субсидіи, которыми онъ пользовался на счетъ казны въ теченіе многихъ лѣтъ.

Сало говяжье, баранье и свиное издавна было изобильно въ Россіи; но только со второй половины XIX вѣка этотъ важный матеріалъ промышленности сталъ у насъ получать формы болѣе совершенныя, чѣмъ сальныя свѣчи и простое мыло. Стеариновое производство особенно развилось въ послѣдніе

30 лѣтъ въ губерніяхъ петербургской, московской, казанской, минской, херсонской и пр., такъ что въ 1870 г. русскіе заводы изготовили слишкомъ на 7 1/2 милліоновъ рублей свѣчъ, которыя по качеству считаются лучшими въ мірѣ и возбуждаютъ поддѣлку (обложекъ) за границею. — Производство мыла нынѣ также значительно, особенно въ обѣихъ столицахъ и губерніяхъ пермской, херсонской, воронежской, курской, орловской и пр., такъ что если мѣрить объемомъ этого производства степень цивилизаціи, какъ дѣлалъ это Либихъ, то у Россіи есть важное доказательство, что она въ послѣднее время сдѣлала серьезные успѣхи въ пріобрѣтеніи культурныхъ обычаевъ.—Сало, а также растительное масло, конопляное, требовалось еще, въ возроставшихъ размѣрахъ, на смазку машинъ на пароходахъ и фабрикахъ и колесъ на желѣзныхъ дорогахъ, и приготовленіе этихъ смазокъ совершалось исключительно изъ туземныхъ матеріаловъ. Мало того, эти матеріалы продолжали отпускаться въ значительномъ количествѣ за границу.—Со введеніемъ въ общее употребленіе стеариновыхъ свѣчъ, воскъ конечно утратилъ значительное число своихъ потребителей; однако и доселѣ есть значительные заводы для выдѣлки изъ него свѣчей въ губерніяхъ московской, курской, владимірской, воронежской, пермской, кіевской и пр. Любопытно,

что этою фабрикаціею стало нерѣдко заниматься церковное начальство, которое учреждало эпархіальные свѣчные заводы и всячески старалось монополизировать свѣчно-восковую торговлю, какъ средство пополнять доходы духовенства и церквей, оскудѣвавшіе вмѣстѣ съ усердіемъ „стада христова“ къ религіи.— Смолокуреніе, вываркa скипидару, приготовленіе поташа и деревянной посуды вообще были въ упадкѣ вслѣдствіе уменьшенія лѣсовъ, но однако во многихъ мѣстностяхъ они продолжали давать сельскимъ жителямъ кое-какіе заработки*). За то сдѣлала важные успѣхи переработка привозныхъ смолистыхъ веществъ, гутта-перчи и каучука, такъ что въ одномъ Петербургѣ нынѣ работаетъ нѣсколько резиновыхъ фабрикъ, которыхъ издѣлія очень хороши и сбываются даже за границу. То же можно сказать про переработку волокнистыхъ растительныхъ тканей, иногда даже прямо древесины, въ бумагу. Нынѣ русскія книги печатаются на бумагѣ хотя недостигающей еще такого совершенства, какъ въ Англіи и

*) Въ исторіи поташнаго производства, издавна существовавшаго на сѣверовостокѣ Россіи, стоитъ замѣтить уничтоженіе военной организаціи башкиръ въ 1860-хъ годахъ. До того времени эти злополучные люди, у которыхъ приготовленіе поташа было національнымъ промысломъ, должны были выплачивать, въ видѣ взятки, по рублю съ боченка своимъ кантоннымъ начальникамъ, изъ которыхъ иные имѣли такимъ образомъ до 20.000 годоваго дохода.

Франціи, но не уступающей бумагѣ германской, и то же должно разумѣть про бумагу писчую, которой производство особенно велико въ Петербургѣ съ его окрестностями и въ губерніяхъ калужской, ярославской, владимірской и пр. Въ столицахъ утвердилось и разширилось также приготовленіе бумаги обойной, тогда какъ прежде обои были по большей части привозные. Изъ того же почти матеріала, какъ и бумага, сталъ приготовляться кровельный толь, нововведеніе нашего времени, мало по малу распространяющееся и полезное для замѣны на крышахъ соломы, желѣза и теса особенно въ сельскихъ и дачныхъ постройкахъ.

Мы не станемъ упоминать о многихъ другихъ отрасляхъ заводской промышленности, почерпающихъ первоначальный матеріалъ для обработки въ царствахъ растительномъ и животномъ, потому что эти отрасли либо остались in statu quo, либо хотя и развились, но самымъ этимъ развитіемъ свидѣтельствуютъ скорѣе объ упадкѣ націи, чѣмъ о ея прогрессѣ. Послѣднее особенно справедливо относительно винокуренія, которое съ 25 мил. ведеръ въ 1863 г. поднялось до 28½ мил. въ 1873-мъ и слѣд. поглотило въ этомъ послѣднемъ по крайней мѣрѣ на 20.000.000 рублей изъ народнаго достоянія болѣе, чѣмъ въ первомъ. Перейдемъ къ отраслямъ заводской индустріи,

обработывающимъ металлы и минералы, и прежде всего остановимся на тѣхъ, которыя особенно важны для будущности всего фабричнаго дѣла въ Россіи, т. е. на машинныхъ заводахъ. Извѣстно, что русскія фабрики издавна снабжались машинами изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ Англіи и Бельгіи. Теперь въ 33 губерніяхъ, не считая вовсе Польшу, есть не менѣе 124 машиностроительныхъ заведеній, и они ежегодно производятъ на 25—30 мил. рублей. Значительную часть машинъ на русскихъ пароходахъ, не мало локомотивовъ и разныхъ фабричныхъ механизмовъ нынѣ мы приготовляемъ дома; и хотя эти издѣлія невсегда бываютъ вполнѣ совершенными, но важно уже то, что они — свои и что, благодаря ихъ приготовленію, у насъ образовался классъ русскихъ техниковъ, тогда какъ еще въ 1840-хъ и даже въ 1850-хъ годахъ русскую фабрику почти нельзя было вообразить безъ техника-иностранца. Главные центры этого машиностроительнаго дѣла суть Петербургъ, Москва и губерніи владимірская, пермская, костромская и херсонская. Къ выдѣлкѣ машинъ примыкаютъ съ одной стороны приготовленіе разныхъ ручныхъ инструментовъ на Уралѣ, въ губб. тульской, нижегородской и петербургской, а съ другой выдѣлка оружія въ тѣхъ же провинціяхъ. Послѣднее производство у насъ монополизировано

казною, и лишь небольшое количество охотничьихъ ружей и пистолетовъ приготовляется на частныхъ заводахъ въ Тулѣ и Петербургѣ. Тульскій казенный заводъ успѣлъ достигнуть значительнаго совершенства въ выдѣлкѣ оружія, такъ что какой нибудь винтъ взятый изъ одного ружья, совершенно удобно можетъ быть вставленъ въ соотвѣтственную гайку другаго; но одновременно съ этимъ техническимъ успѣхомъ начальство завода положило основаніе упадку самаго сословія тульскихъ оружейниковъ, лишивъ ихъ права производить военное оружіе на дому, т. е. обративъ всѣхъ въ рабочихъ завода, въ пролетаріевъ, посредствомъ сильной конкурренціи отбивающихъ другъ у друга хлѣбъ и впадающихъ въ бѣдность, которая заставляетъ многихъ изъ нихъ оставлять свое традиціонное ремесло. Тульскіе самоварники поддерживали свою давнишнюю извѣстность, и даже издѣлія ихъ получили сбытъ за границею; но странно, что доселѣ въ ихъ городѣ не возникло большаго механическаго, напр. локомотивнаго завода, на которомъ они могли бы находить хорошіе заработки. Между тѣмъ такой заводъ устроился въ Коломнѣ, т. е. въ 120 верстахъ отъ Тулы.

Освобожденіе изъ крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ вызвало развитіе фабрикаціи разныхъ сельско-хозяйственныхъ механизмовъ, которые бы могли замѣнять руч-

ную работу земледѣльцевъ; но развитіе это больше замѣтно въ Польшѣ и отчасти въ южныхъ губерніяхъ, чѣмъ въ собственной Россіи. Наши среднерусскіе помѣщики не владѣли достаточными капиталами, чтобы немедленно послѣ 19 февраля 1861 г. завестись локомобилями, жатвенными машинами, вѣялками, молотилками и пр. Отъ того теперь, если въ какомъ имѣніи встрѣчаются подобные механизмы, то это почти навѣрное въ имѣніи иностранца, пріобрѣтенномъ покупкою послѣ 1861 г., или же въ имѣніи богатаго барина-земца, не желающаго служить.

Выдѣлка экипажей сдѣлала значительные успѣхи; но она осталась сосредоточенною въ столицахъ, Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, и двухъ-трехъ большихъ губернскихъ городахъ, какъ Харьковъ и Кіевъ. Собственно желѣзнодорожные экипажи, т. е. вагоны, приготовляются нынѣ въ Петербургѣ, Ковровѣ, Коломнѣ, Ельцѣ и проч.; но все-таки русскія желѣзныя дороги до послѣдняго времени продолжали массу своихъ вагоновъ получать изъза границы такъ, что правительство рѣшилось наконецъ положить предѣлъ этому ввозу. Постройка желѣзныхъ судовъ доселѣ ничтожна и онѣ обходятся у насъ дорого. Броню для военныхъ кораблей могутъ приготовлять два-три завода въ Петербургѣ и около него, да пермскій заводъ, обладающій огромною на-

ковальнею въ 80.000 пудовъ. Пароходные заводы возникли даже въ Сибири, на рѣкахъ которой теперь плаваетъ до 50 пароходовъ.

Изъ другихъ производствъ, занимающихся обработкою металловъ, заслуживаютъ вниманія по успѣхамъ серебряное, мельхіоровое, слесарное и мѣднолитейное. Серебряныя издѣлія московскихъ фабрикантовъ Сазикова, Хлѣбникова, Овчинникова заслужили себѣ извѣстность въ цѣлой Европѣ, и магазины этихъ фабрикантовъ въ Москвѣ и Петербургѣ обыкновенно посѣщались разными знатными иностранцами, пріѣзжавшими въ Россію. Издѣлія изъ мельхіора находили все большій и большій сбытъ, вытѣсняя столовые приборы изъ серебра съ одной стороны, изъ олова съ другой.

Обработка другихъ минеральныхъ продуктовъ также не осталась безъ движенія. Стеклянныя издѣлія значительно увеличились по количеству и улучшились по качеству, и то же можно сказать про фарфоровыя, хотя все еще Россія не можетъ обходиться безъ привозныхъ хрусталя, фарфора и фаянса.— Приготовленіе металлическихъ и другихъ красокъ сдѣлало важные успѣхи, особенно въ губерніяхъ московской, владимірской, ярославской, вятской и въ Петербургѣ; были введены въ употребленіе краски анилиновыя, значительно болѣе дешевыя, чѣмъ большая часть металлическихъ и растительныхъ. Расширеніе добычи

каменнаго угля значительно облегчило устройство газовыхъ заводовъ для освѣщенія; но впрочемъ и доселѣ изъ русскихъ городовъ только 12 освѣщаются газомъ; остальные жгутъ по ночамъ спиртъ, масло или же просто пребываютъ во мракѣ, такъ что лица, вынужденныя появляться на улицѣ ночью, должны бываютъ брать собственные фонари или брести въ потьмахъ, рискуя сломать ноги, особенно, когда улицы мощены, что обыкновенно уменьшаетъ въ значительной степени ихъ удобопроходимость. Любопытно, что введенію газоваго освѣщенія иногда противились мѣстныя власти, находя, что „масло выгоднѣе,“ конечно, для нихъ, властей, распоряжавшихся освѣщеніемъ, и для ламповщиковъ, кравшихъ масло. Случай подобнаго рода былъ именно въ Москвѣ при генералъ-губернаторѣ Закревскомъ и оберъ-полиціймейстерѣ Берингѣ, такъ что этотъ „столичный“ городъ началъ освѣщаться газомъ не ранѣе 1870-хъ годовъ, при городскомъ головѣ кн. Щербатовѣ. Въ Петербургѣ было первоначально забраковано освѣщеніе электрическое, равно какъ и тушеніе пожаровъ углекислотою; но теперь, кажется, электричество войдетъ въ употребленіе.

Значительное развитіе мануфактурной промышленности, естественно возникающей главнымъ образомъ въ городахъ, особенно большихъ, неизбѣжно должно было способствовать

увеличенію процента городскаго населенія на счетъ сельскаго, и въ самомъ дѣлѣ мы уже не разъ говорили, что число горожанъ значительно возрасло. Но тому же стремленію населенія сосредоточиваться въ городахъ содѣйствовало и оживленіе торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Прежде внутренняя торговля въ Россіи сосредоточивалась главнѣйше на ярмаркахъ, т. е. на временныхъ съѣздахъ купечества, гдѣ продавались и покупались товары въ запасъ на цѣлый годъ или на нѣсколько мѣсяцевъ. Кто не успѣвалъ сбыть свои товары, тотъ долженъ былъ везти ихъ на какую-нибудь другую ярмарку и во всякомъ случаѣ нести убытокъ отъ несвоевременной реализаціи капитала. Съ другой стороны тотъ торговецъ, который почему-либо не успѣвалъ на данной ярмаркѣ закупить нужный ему годовой запасъ товаровъ (обыкновенно въ кредитъ до слѣдующей), — оставался иногда, въ срединѣ междуярмарочнаго періода, безъ возможности удовлетворять своихъ обычныхъ покупателей или долженъ былъ выписывать нужные припасы изъ столицы или губернскаго города за наличныя деньги, по дорогимъ цѣнамъ. Всѣмъ этимъ явленіямъ отсталой экономической жизни былъ положенъ предѣлъ устройствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и расширеніемъ рѣчнаго пароходства, благодаря которымъ подвозъ товаровъ можетъ быть

сдѣланъ почти во всякое время, по первому требованію, и слѣд. нѣтъ надобности загружать магазины годовыми запасами и затрачивать для того большой капиталъ. Но какъ желѣзнодорожная и пароходная сѣти охватили далеко не все государство, то, разумѣется, остались еще мѣстности, гдѣ прежняя система торговли существуетъ. Къ мѣстностямъ этимъ можетъ быть причисленъ весь сѣверовостокъ Россіи, начиная отъ линіи Петербургъ—Нижній-Новгородъ—Оренбургъ. Тамъ еще существуютъ и нынѣ большія ярмарки: нижегородская, ирбитская, мензелинская, ивановская и проч. Что же касается до центральныхъ, южныхъ и западныхъ губерній, то въ нихъ уцѣлѣли или остались безъ значительнаго уменьшенія лишь тѣ ярмарки, на которыя свозятся сырыя произведенія мѣстностей, сосѣднихъ ярмарочному пункту и притомъ такія, которыя поступаютъ въ продажу лишь въ опредѣленное время года, напр. шерсть въ Харьковѣ, Полтавѣ, Варшавѣ; прочія же ярмарки юго-западной Россіи—въ упадкѣ.

Русское географическое общество издало въ 1858 г. замѣчательное изслѣдованіе объ украинскихъ ярмаркахъ, принадлежащее перу И. Аксакова. Этому же обществу, совмѣстно съ вольно-экономическимъ, принадлежитъ заслуга изслѣдованія хлѣбной торговли въ европейской Россіи и обнародованія относящихся

сюда трудовъ Янсона, Барковскаго, Чубинскаго и пр. Эти два изданія, по справедливости, должны быть признаны важными вкладами въ экономическую исторію Россіи за наше время; но къ сожалѣнію ни они, ни изданія центральнаго статистическаго комитета не дадутъ возможности будущему историку охватить русское торговое движеніе за 1855—78 гг. во всей его цѣлости. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что это движеніе возросло въ сильной степени, какъ можно напр. видѣть изъ увеличенія числа пароходовъ на внутреннихъ водахъ европейской Россіи, которое выражается слѣдующими цифрами:

Въ 1853 г.

Въ бас.	Бѣлаго моря было . .	1	парох. въ	40	силъ.
„	Каспійскаго моря было.	60	„	5.576	„
„	Азовскаго „ „	4	„	190	„
„	Чернаго „ „	8	„	318	„
„	Балтійскаго „ „	43	„	2.649	„
	Итого. . .	116	„	8.773	„

Въ 1869 г.

Въ бас.	Бѣлаго моря было . .	10	парох. въ	570	„
„	Каспійскаго моря было.	423	„	33.725	„
„	Азовскаго „ „	25	„	1.338	„
„	Чернаго „ „	47	„	2.735	„
„	Балтійскаго „ „	118	„	6.763	„
	Итого. . .	623	„	45.131	„

Само собою разумѣется, что главнымъ путемъ для этого пароходнаго движенія служила

Волга; но не мало паровыхъ судовъ плавало по Невѣ, Камѣ, Днѣпру, Западной Двинѣ, Нѣману и другимъ рѣкамъ, составляющимъ естественные пути внутренней торговли. Въ 1850 годахъ длинныя пароходныя линіи возникли и въ Сибири, отъ Тюмени до Томска и Семипалатинска, отъ Минусинска до Туруханска, отъ истока Ангары изъ Байкала до Кяхты и отъ Стрѣтенска до Николаевска и береговъ оз. Ханкая. Въ одномъ обскомъ бассейнѣ нынѣ плаваетъ до 35 пароходовъ. Были даже попытки основать торговое пароходство на Кубани, на Ленѣ, на Сыръ- и Аму-дарьяхъ, на Балкашѣ и Или; но онѣ не отличались успѣхомъ.

Соотвѣтственно успѣхамъ внутренней торговли развивалась и внѣшняя. Если взять для сравненія годы 1856 (первый послѣ крымской войны, т. е. при нормальныхъ условіяхъ) и 1876 (послѣдній при такихъ же условіяхъ), то увидимъ, что обороты по заграничнымъ привозу и отпуску возрасли такъ:

	Привозъ.	Вывозъ.	Всего.
Въ 1856 г. былъ на	166.042.000	138.781.000	304.823.000 р.
» 1876 »	477.600.000	400.700.000	878 300.000 »

Это даетъ, въ среднемъ выводѣ, для ежегоднаго прироста оборотовъ внѣшней торговли 8%, а въ совокупности за всѣ 20 лѣтъ 189%: цифры утѣшительныя, потому что даютъ по-

нятіе о быстромъ возрастаніи участія Россіи во всемірныхъ торговыхъ сношеніяхъ, столь способствующихъ мирному сближенію націй. —Но впрочемъ, не будемъ обольщаться значеніемъ голыхъ цифръ и скажемъ откровенно, что подробный анализъ ихъ приводитъ къ выводамъ далеко не всегда радостнымъ. Россія какъ была при Николаѣ, такъ осталась и теперь продавицею сырья и покупщицею предметовъ заводской промышленности. Она, кромѣ того, нынѣ болѣе покупаетъ, чѣмъ продаетъ и, слѣдовательно, вынуждена приплачивать огромныя суммы чистыми деньгами, что сильно подрываетъ ея денежный курсъ и дѣлаетъ чрезвычайно рѣдкими въ ней металлическія деньги—единственное надежное мѣрило цѣнностей. До чего же эти денежныя приплаты увеличились въ послѣднее время, видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Привезено.	Вывезено.	Разность.
Метал. ден. въ 1856 г.	16.219.059 р.	5.792.342 р.	+10.416.687 р.
» » » 1876 »	4.645.000 »	101.896.000 »	—97.251.000 »

Сравненіе съ Соединенными Штатами, гдѣ внѣшняя торговля постоянно доставляетъ странѣ драгоцѣнные металлы, объясняетъ, почему Россія не въ состояніи исправить своего денежнаго курса съ 1857 года, тогда какъ Штаты достигли al-pari въ 15 лѣтъ, съ 1864 по 1879 г.

Главными предметами товарнаго отпуска изъ Россіи по прежнему оставались хлѣбъ, ленъ, льняное сѣмя, сало, шерсть и лѣсные продукты. Вывозъ большинства ихъ возрастаетъ; но шерсть нынѣ требуется въ Европу менѣе, чѣмъ 25 лѣтъ назадъ, потому что на европейскихъ рынкахъ появилось много австралійской шерсти.—Важнѣйшими предметами ввоза служили колоніальные товары (сахаръ, чай, кофе и т. п.), напитки, т. е. вина, металлы въ издѣліяхъ и особенно хлопокъ; много также привозилось заграничныхъ тканей разнаго рода, шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ; но этого рода привозъ возрасталъ медленно или не возрасталъ совсѣмъ, даже иногда падалъ, соотвѣтственно развитію собственныхъ мануфактуръ.

Мы не пишемъ здѣсь монографіи внѣшней торговли, а потому, замѣтивъ, что нынѣ каждый русскій, среднимъ числомъ, участвуетъ въ ней на 10 рублей, тогда какъ въ 1856 году участвовалъ лишь на 5,—остановимся еще лишь на тѣхъ фактахъ, которые составляютъ важнѣйшія историческія фазы въ области заграничныхъ коммерческихъ сношеній Россіи съ 1855 года. Первымъ изъ такихъ фактовъ должно признать изданіе въ 1857 году новаго тарифа, хотя по существу и охранительнаго, какъ прежній, канкринскій, но все же сдѣлавшаго значительныя уступки

началамъ свободной международной торговли. Другимъ, въ хронологическомъ порядкѣ, важнымъ событіемъ изъ исторіи русской внѣшней торговли было уничтоженіе въ 1861 году кяхтинской монополіи на торговлю чаемъ. Это уничтоженіе перевело русскую чайную торговлю изъ Кяхты въ Одессу и еще болѣе въ Лондонъ и Кенигсбергъ. Затѣмъ стоитъ замѣтить: уничтоженіе оренбургско-сибирской таможенной линіи, открывшее свободный доступъ русскимъ товарамъ въ киргизскія степи и въ Среднюю Азію, а среднеазіятскимъ въ Россію; установленіе безпошлиннаго транзита европейскихъ товаровъ въ Персію черезъ Закавказье; устройство коммерческихъ портовъ въ Севастополѣ, Николаевѣ и Либавѣ; увеличеніе числа таможенъ на границѣ съ Германіею и пр. Но важнѣе этихъ фактовъ было установленіе уплаты, съ 1-го генваря 1877 года, таможенныхъ пошлинъ золотомъ, вызвавшее бурю негодованія въ нѣмцахъ по ту и по сю сторону границы. Нужно замѣтить, что съ 1855 г. торговые обороты Россіи съ Германіею постоянно расли, тогда какъ напр. съ Голландіею, Италіею, Соединенными Штатами уменьшались, а съ Франціею оставались почти неизмѣнными; эта русско-германская торговля производится большею частію нѣмцами, которые и возымѣли благую мысль овладѣть русскимъ рынкомъ для сбыта гер-

манскихъ мануфактурныхъ издѣлій, немогущихъ соперничать съ англійскими и французскими на другихъ рынкахъ. Русское правительство поняло это стремленіе Германіи, столь опасное для нашихъ фабрикъ, и настойчиво противодѣйствовало ему, возбуждая негодованіе не только въ гамбургскихъ и кенигсбергскихъ купцахъ, но и въ Бисмаркѣ, упорно добивающемся заставить Россію ослабить таможенныя условія, дѣйствительно очень строгія.

Желаніе освободиться отъ экономической опеки Германіи вызвало также проведеніе цѣлыхъ трехъ желѣзно-дорожныхъ линій, отъ Вильны, отъ Динабурга и отъ Риги къ Либавѣ, какъ къ такому русскому порту, который не замерзаетъ круглый годъ. Но дорого стоившая мѣра эта пользы не принесла. Либавскій портъ, очень дурной отъ природы, и еще болѣе ухудшенный сдѣланными въ немъ „улучшеніями“, которыя стоили многіе милліоны рублей, не составилъ конкурренціи кенигсбергскому, а проведенныя къ нему желѣзныя дороги едва влачатъ свое существованіе, требуя ежегодно большихъ правительственныхъ издержекъ по гарантіи. Кромѣ того нѣмцы организовали цѣлую систему контрабанды по русскимъ берегамъ Балтійскаго моря, и правительству пришлось завести особую крейсерскую флотилію для борьбы съ контрабандистами.—Затѣмъ для созданія національно-рус-

ской торговли въ Балтикѣ неразъ поднимался вопросъ о сооруженіи тамъ, не безъ издержекъ конечно со стороны народа, русскаго торговаго флота. Въ этихъ видахъ основалось даже, въ Петербургѣ и Москвѣ, общество для содѣйствія русскому торговому мореплаванію. Но на дѣлѣ мысль о такомъ мореплаваніи не была осуществлена, и едва ли скоро осуществится, потому что новорожденному флоту пришлось бы не только вести борьбу съ иностранными судами, но и замерзать каждый годъ на 5-6 мѣсяцевъ въ своихъ портахъ или скитаться по портамъ иностраннымъ безъ увѣренности находить тамъ выгодную работу. Притомъ замѣтимъ, что въ Балтійскомъ морѣ есть уже много финляндскихъ судовъ, плавающихъ подъ русскимъ флагомъ,

Гораздо большимъ успѣхомъ сопровождалась попытка завести собственно русскій торговый флотъ въ незамерзающемъ Черномъ морѣ, гдѣ къ концу разсматриваемаго нами времени имѣлось до 80 русскихъ пароходовъ, принадлежавшихъ впрочемъ одной компаніи-монополисткѣ, именно пресловутому „Русскому обществу пароходства и торговли“. Исторіи этого постыднаго и раззорительнаго для казны предпріятія мы коснемся въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же только замѣтимъ, что оно во всякомъ случаѣ оживило торговыя сношенія между русскими черноморскими портами и до

нѣкоторой степени освободило заграничную торговлю этихъ портовъ отъ произвола судохозяевъ иностранцевъ. На тѣхъ же почти основаніяхъ, какъ черноморское „Русское“ общество, образовалось на Каспійскомъ морѣ общество „Кавказъ и Меркурій“, которое имѣетъ значительный паровой флотъ для торговли между Астраханью, т. е. европейскою Россіею, Кавказомъ и Персіею. Попытки создать русское пароходство для заграничной торговли были дѣласмы и въ Тихомъ океанѣ, впрочемъ безъ большаго успѣха; а въ самое послѣднее время начала возникать, отчасти при посредствѣ русскихъ же купцовъ и судохозяевъ, заморская торговля Сибири черезъ Сѣверный океанъ.

Вотъ мы и у конца нашего обзора промышленнаго движенія, обнаружившагося въ Россіи съ 1855 года. Обзоръ этотъ очень коротокъ; но какъ онъ содержитъ въ себѣ рядъ фактовъ, наиболѣе важныхъ, наиболѣе выдающихся, то мы можемъ, по принятому обычаю, сдѣлать изъ него нѣсколько заключеній. Онѣ также немногочисленны, а именно:

1. Россія сдѣлала послѣ крымской войны важные промышленные успѣхи, особенно въ области торговли и заводской обработки сырья.

2. Очень замѣтны также успѣхи горнаго

дѣла, и ихъ слѣдуетъ считать весьма важнымъ шагомъ для будущаго экономическаго преуспѣянія русскаго народа. *)

3. Русское земледѣліе развивалось очень медленно, при чемъ нѣкоторыя его отрасли пришли даже въ упадокъ. И какъ русскій народъ до сихъ поръ главнымъ образомъ земледѣльческій, то этотъ упадокъ основнаго промысла вредно отозвался на благосостояніи народныхъ массъ, въ очень лишь немногихъ случаяхъ улучшившихъ свой бытъ, не смотря на освобожденіе труда отъ крѣпостной зависимости.

4. Правительство не оставалось равнодушнымъ къ успѣхамъ національной промышленности и помогало ей тѣми мѣрами, которыя казались ему раціональными, напр. установленіемъ покровительственнаго тарифа, участіемъ

*) По климатическимъ условіямъ Россіи она *никогда* не въ состояніи будетъ производить такую массу органическихъ веществъ, которая была бы достаточна для удовлетворенія потребностей ея населенія въ той мѣрѣ, какая доступна жителямъ Франціи, Италіи и пр. Среднимъ числомъ десятина русской земли всегда будетъ родить меньше западоевропейской десятины. А затѣмъ останется для полученія въ обмѣнъ недостающихъ органическихъ веществъ расплачиваться за нихъ неорганическими, т. е. минеральными, какъ теперь дѣлаетъ Англія. Современное развитіе минеральныхъ производствъ въ Россіи очевидно составляетъ важный шагъ перехода къ этому будущему порядку вещей, шагъ, можетъ быть, еще безсознательный, но который долженъ быть замѣченъ исторіею.

въ созданіи русскаго торговаго флота, устройствомъ выставокъ, особенно же сооруженіемъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Но какъ по отношенію къ послѣднему вопросу надъ экономическими соображеніями часто брали верхъ стратегическія, то существующая желѣзнодорожная сѣть далеко не удовлетворяетъ еще хозяйственнымъ нуждамъ страны.

5. Русское общество сильно интересовалось успѣхами національной промышленности, результатомъ чего вышли не только обширная экономическая литература, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но и живое участіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, акціонерныхъ и частныхъ. Для надобностей земледѣлія и торговли возникли многочисленные банки, страховыя, пароходныя и желѣзнодорожныя общества.

Къ двумъ послѣднимъ предметамъ, т. е. къ устройству путей сообщеній и банковъ, мы и перейдемъ теперь, чтобы развить этотъ очеркъ важнѣйшихъ явленій экономической жизни Россіи за разсматриваемые 23 года.

Желѣзныя дороги, телеграфы, почты, шоссе, водяныя сообщенія.

Грѣхъ не бѣда,—молва не хороша.
Грибоѣдовъ.

Если бы нужно было привести фактъ, рѣзко характеризующій разницу въ національныхъ стремленіяхъ и вкусахъ двухъ какихъ-нибудь народовъ, то трудно было бы выбрать примѣръ болѣе убѣдительный для показанія такой разницы между Россіею и Англіею, какъ устройство первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ этихъ двухъ странахъ. Англичане, какъ народъ самостоятельный и дѣловой, провели первую рельсовую линію между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, т. е. между двумя большими промышленными центрами; русскіе, какъ народъ подавторитетный и потому неразсуждавшій, прежде всего озаботились устроить рельсовый путь изъ Петербурга въ Царское Село, т. е. въ мѣстность, гдѣ нѣтъ никакой промышленности, а есть только легкія развлеченія для двора и столичной публики, да

и то лишь въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ въ году. И что замѣчательно: эта царскосельская дорога оставалась единственною въ Россіи цѣлые 12 лѣтъ, пока наконецъ въ 1851 году не открылась линія петербургско-московская. Крымская война, во время которой приходилось платить по 5 рублей за перевозку одной бомбы изъ Измаила въ Севастополь и вообще нести огромные расходы на перевозку казенныхъ тяжестей, впервые убѣдила общество и правительство, что безъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ въ наше время для государствъ нѣтъ спасенія не только въ экономическомъ, но даже въ стратегическомъ смыслѣ. Вотъ почему немедленно по заключеніи парижскаго мира возникла живая потребность въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, которыя бы соединили главные города средней Россіи съ окраинами ея, особенно южной и западной. Мы уже имѣли случай упомянуть, что при этомъ правительство нашло лучшимъ отказаться отъ системы постройки казною, чтобы не подвергать ее грабежу клеинмихелевскихъ инженеровъ; а потому понятно, что пришлось обратиться къ основанію большихъ желѣзнодорожныхъ компаній, по примѣру государствъ западной Европы. Такая компанія и была составлена въ 1856 году для устройства сѣти въ 4.000 верстъ, которая должна была состоять изъ линій: петербургско-варшавской

(начатой уже самимъ правительствомъ), московско-нижегородской и московско-севастопольской. Во главѣ ея оффиціально стоялъ петербургскій банкиръ Штиглицъ, а дѣйствительною боевою пружиною служилъ факторъ Наполеона III, Перейра, съ особымъ комитетомъ изъ парижскихъ банкировъ. Пріобрѣтеніе значительнаго числа акцій этой компаніи придворною казною и разными аристократами Петербурга развязало ей руки на всякій произволъ, и хищничество вышло едва ли не хуже клеинмихелевскаго, такъ что наконецъ возбудило негодованіе всего русскаго общества, особенно благодаря печатнымъ обличеніемъ Воскобойникова и Перозіо. Правительство само увидѣло, что нужно положить предѣлъ мерзостямъ, совершаемымъ разными Колиньонами и другими французскими инженерами-эксплуататорами, бравшими напр. съ компаніи по 4.000 р. за поѣздку изъ Москвы въ Петербургъ; а потому воспользовалось несостоятельностью „главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ,“ обнаруженною имъ при постройкѣ севастопольской линіи, чтобы измѣнить концессію и самый уставъ его. Для того же, чтобы придворная казна и Строгановы, Бобринскіе, Мейендорфы, Барановы и пр. не потерпѣли убытковъ, оно уступило несостоятельному обществу лучшую изъ русскихъ линій, петербургско-московскую. Съ тѣхъ поръ

дѣла титулованныхъ акціонеровъ поправились, и только одинъ эпизодъ былъ еще непріятенъ для нихъ. На петербургско-московской линіи локомотивы и вагоны еще при казенномъ управленіи составляли собственность американца Уайненса, который бралъ огромныя цѣны за отпускъ ихъ на службу. Чтобы покончить съ этимъ корыстнымъ янки, обществу пришлось заплатить ему нѣсколько милліоновъ рублей за разорваніе контракта, и какъ оно заплатило акціями, то заатлантическій проходимецъ и сталъ главнымъ его акціонеромъ, чрезвычайно вліятельнымъ во всемъ, что касается веденія дѣлъ компаніи.

Вслѣдъ за „главнымъ“ желѣзнодорожнымъ обществомъ начали возникать и другія; но сначала для постройки лишь небольшихъ линій въ родѣ петергофской и волго-донской, конечно потому, что своихъ капиталовъ на сооруженіе большихъ линій въ Россіи не было, а иностранцы или желали слишкомъ раззорительныхъ процентовъ за ссуду ихъ, или отказывали въ нихъ совсѣмъ, какъ изъ политическаго нерасположенія къ русскому государству, такъ и потому, что опасались затрачивать деньги „въ странѣ указовъ,“ могущихъ всегда безнаказанно поколебать ея благосостояніе, а слѣд. и способность къ уплатѣ долговъ. Не безъ нѣкоторой трудности образовались въ 1859 году общества дорогъ московско-

ярославской и московско-рязанской, при чемъ поверстная стоимость линій опредѣлена очень высоко и правительство вынуждено было гарантировать съ затраченныхъ капиталовъ хорошій доходъ. Къ концу 1862 года, т. е. черезъ 6 3/4 лѣтъ послѣ окончанія крымской войны, Россія все еще не имѣла и 2.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, и въ этомъ году не было вовсе концессій на новыя линіи. Такое положеніе дѣлъ обезпокоивало правительство, особенно послѣ того, какъ московско-крымская линія осталась несооруженною пресловутымъ „главнымъ обществомъ.“ Пришлось вернуться къ системѣ казенныхъ построекъ, и вотъ мы видимъ въ 1863 г. начало работъ на дорогѣ одесско-балтской, а въ 1864 — на московско-курской. Обѣ эти дороги замѣчательны высотою поверстной ихъ стоимости, особенно первая, хотя она пролегаетъ по горизонтальной мѣстности, не имѣетъ мостовъ и даже порядочной станціи въ Одессѣ. Секретъ дороговизны, впрочемъ, понятенъ: строителемъ этой дороги состоялъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, зять генерала Коцебу, а послѣдній въ это время былъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Московско-курская дорога, сверхъ дороговизны, замѣчательна еще и тѣмъ, что по поводу ея съ совершенною ясностью обнаружилось, что у правительства, непозволяющаго сомнѣваться въ его непогрѣшимости и въ исклю-

чительномъ правѣ заботиться объ интересахъ страны, вовсе не было хорошо обдуманнаго плана русской желѣзно-дорожной сѣти. Этотъ планъ созрѣлъ неранѣе 1866 года; но и послѣ того подвергался безчисленнымъ передѣлкамъ и отступленіямъ, въ зависимости отъ фантазіи прожектеровъ, болѣе или менѣе, конечно, вліятельныхъ, т. е. умѣвшихъ являться куда слѣдуетъ съ надлежащимъ бакшишемъ или съ равноцѣнными ему личными услугами. До чего это отсутствіе системы въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ простиралось, видно напр. изъ того, что и доселѣ богатый металлами Уралъ и цѣлая Сибирь не связаны рельсовою линіею съ средней Россіей, тогда какъ въ Литвѣ построены дороги изъ Вильно въ Либаву и изъ Шавлей въ Калкуны, параллельно Волгѣ проведена линія изъ Ржева на станцію Осташковскую, параллельно Днѣпру линія фастово-александрійская, и т. п.

То обстоятельство, что правительство не остановилось передъ постройкою новыхъ линій казенными средствами, вызвало наконецъ движеніе и въ средѣ тѣхъ аферистовъ, которые доселѣ уклонялись отъ участія въ русскихъ желѣзно-дорожныхъ работахъ въ надеждѣ тѣмъ возвысить стоимость своихъ услугъ. Скоро явилась даже цѣлая толпа концессіонеровъ, которая жадно осаждала двери министерства финансовъ, гдѣ производилась

продажа концессій. Разныя акулы въ родѣ Абазы, Башмаковыхъ, Бетлинга, *) Бліоха, Варшавскаго, Гладина, Гешена, Губонина, Девріера, Дервиза, Киреева, Кронеберга, Лендорфа, Левестама, Лупандина, Мекка, Пито, Полякова, Струсберга, Унгернъ-Штернберга, Штейнгеля и проч., составили себѣ милліонныя состоянія въ самое короткое время, разумѣется, подѣлившись съ кѣмъ слѣдовало. И конечно ихъ гнусные подвиги въ дѣлѣ раззоренія русскаго народа заслуживали бы подробнаго оглашенія; но мы предпочтемъ о нихъ умолчать, отсылая любопытствующихъ къ сочиненію Головачева, а здѣсь коснемся лишь основнаго источника зла—продажности самаго правительства. Его главнѣйшимъ органомъ въ этомъ дѣлѣ явился министръ финансовъ, Рейтернъ, получившій это мѣсто въ 1862 году по предстательству великаго князя Константина Николаевича. Введенная имъ система состояла главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Прежде всего онъ озаботился устранить свободную конкурренцію между концессіонерами. Къ жирнымъ кускамъ народнаго мяса, называемымъ концессіями, стали допускаться лишь тѣ лица, которыхъ сначала ми-

*) Этотъ господинъ, столь извѣстный по дѣлу рыбинско-бологовской дороги, въ трудную минуту скрылся изъ Россіи за границу и теперь роскошно поживаетъ въ одной прирейнской мѣстности.

нистръ путей сообщенія, а потомъ министръ финансовъ признавали „благонадежными.“ При этомъ Рейтернъ повелъ дѣло такъ, что, по выраженію панегириста его, банкира Рафаловича, напечатанному въ 1878 году въ Journal des Débats „министерство путей сообщенія стало лишь отдѣленіемъ его собственнаго,“ и никто не могъ серьезно воспротивиться этому, потому что всѣ знали, кто за Рейтерномъ стоитъ. О законѣ же, олицетворяемомъ сенатомъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи, потому что въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь законъ есть паутина, въ которую попадаются лишь такія мухи, которыя не въ силахъ ее прорвать. Министръ Бобринскій попробовалъ было воспротивиться идеальной оцѣнкѣ благонадежности подрядчиковъ однимъ лицомъ и ввести въ дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ свободную конкурренцію между концессіонерами; но, по простонародному выраженію, сломилъ себѣ шею, и Рейтернъ спокойно продолжалъ находить, что самые благонадежные, т. е. честные строители желѣзныхъ дорогъ въ Россіи суть евреи: Поляковъ, Варшавскій, Кронебергъ, Струсбергъ et tutti quanti. Благонадежные концессіонеры эти обыкновенно дѣйствовали такимъ образомъ. Разрѣзавъ пополамъ толстыя пачки сторублевыхъ ассигнацій, они вносили одну половину кому слѣдовало авансомъ, а другую оставляли у себя, при чемъ

обычный размѣръ бакшиша составлялъ 5.000 р. съ версты, иногда и болѣе. Одновременно со взяткою вносилась ими смета на сооруженіе дороги, чрезвычайно раздутая, напр. на 55.000 руб. съ версты вмѣсто 19.000, составлявшихъ дѣйствительную стоимость дороги. Выполнивъ это и продолжая гдѣ нужно подмазывать мелкія пружины, концессіонеръ ждалъ „проведенія его дѣла“ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, и когда концессія утверждалась за нимъ, онъ вносилъ вторую половину ассигнацій *) и получалъ въ руки желанный актъ на право составить акціонерное общество. Само собою разумѣется, что если бывали концессіонеры-соперники, то дѣло оставалось за тѣмъ, кто далъ больше. Такъ напримѣръ, въ 1869 году на постройку воронежско-ростовской дороги явились соискателями извѣстный строитель ладожскаго канала Гладинъ и еврей Поляковъ; цѣна предложенная первымъ, была на 6.000 рублей съ версты ниже поляковской, что давало экономію для казны въ 3.129.000 рублей; но Поляковъ найденъ былъ „надежнѣе“ и дорога осталась за нимъ. А какъ она устроена и содержится, про то знаетъ теперь вся Россія,

*) Для поясненія всей этой махинаціи слѣдуетъ вспомнить, что кредитные билеты имѣютъ цѣнность лишь тогда, когда представлены съ обоими номерами, на нихъ находящимися, справа и слѣва.

потому что нигдѣ не бываетъ столькихъ несчастій, какъ на этой дорогѣ. И журналы тщетно требуютъ передачи всѣхъ вообще поляковскихъ дорогъ въ казенное управленіе, такъ какъ онѣ построены на счетъ казны: правительство остается глухо. Бывали и такіе примѣры, что изъ двухъ соперниковъ дѣло не отдавалось сполна ни одному, и тогда болѣе ловкій и настойчивый бралъ съ болѣе жадного отступныя деньги, какъ напр. взялъ Бліохъ съ Кронеберга по концессіи на привислинскую дорогу. Разумѣется, Кронебергъ выручилъ потомъ эти деньги съ казны. Другой пріемъ къ вящему обворовыванію государства, придуманный концессіонерами совокупно съ министерствомъ финансовъ, состоялъ въ слѣдующемъ. Концессія обыкновенно обязывала владѣльца ея составить общество изъ акціонеровъ, которые бы внесли нужный на постройку дороги капиталъ и потомъ юридически были хозяевами дороги, рискуя за дурное веденіе дѣлъ остаться безъ дохода на акціи. Это создавало надъ концессіонеромъ контроль, хотя на дѣлѣ нерѣдко фиктивный, но все же контроль. Чтобы избѣжать его, концессіонерамъ было пріятно замѣнить акціи облигаціями, владѣльцы которыхъ на акціонерныхъ собраніяхъ неучаствуютъ. На этотъ облигаціонный капиталъ дорога строилась, а акціи всѣ или большею частію оставались въ

карманѣ концессіонера даромъ и приносили ему тѣмъ большій доходъ, чѣмъ дорога имѣла больше сборовъ. Акціонерныя годовыя собранія иногда составлялись изъ *одного* акціонера и изъ выбранныхъ имъ директоровъ. Этимъ путемъ составили себѣ колосальное состояніе: Дервизъ, строитель дорогъ московско-рязанской и рязанско-казловской, Меккъ и многіе другіе, успѣвшіе поладить съ министромъ финансовъ, отъ котораго зависѣло опредѣлять, какая часть капитала должна быть въ акціяхъ, а какая въ облигаціяхъ. Разумѣется, за такую исключительную привиллегію быть единственнымъ или почти единственнымъ акціонеромъ въ предпріятіи, приносящемъ милліонные доходы, платилося очень щедро.— Но это еще не всѣ продѣлки союзнаго концессіонерамъ министерства финансовъ. Съ 1870 года оно ввело въ дѣло собиранія желѣзнодорожныхъ капиталовъ такую систему, при которой могло дважды прикасаться къ каждому проходившему черезъ его руки червонцу, при чемъ разумѣется каждый разъ на рукахъ его оставались частички золота. Введенъ былъ выпускъ консолидированныхъ 5% облигацій русскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ имени правительства, которое уже само снабжало желѣзнодорожныя компаніи деньгами. Такимъ образомъ министерство получало „гонораръ“ и съ банкировъ, которымъ поручало реализацію займовъ, и съ концессіо-

неровъ, которыхъ ссужало деньгами. А чтобы лучше спрятать концы въ воду, оно допускало послѣднихъ основывать акціонерныя общества, т. е. скрываться отъ всякой личной отвѣтственности передъ судомъ за безличными правленіями и общими собраніями акціонеровъ. Такимъ образомъ любимецъ министерства, Поляковъ, *) организовалъ подобное общество на харьковско-азовскую линію даже тогда, когда дорога собственно была построена имъ однимъ и оставалось бы только подвергнуть ее правительственному осмотру, чтобы открыть по ней движеніе.

Въ заслуживающемъ всякаго уваженія трудѣ Головачева объ исторіи постройки русскихъ желѣзныхъ дорогъ собрана значительная часть фактовъ, показывающихъ, какъ обкрадывалась казна при этой постройкѣ. Нерѣдко тамъ названы и имена воровъ съ показаніемъ сколько именно положено ими въ карманъ на основаніи той или другой концессіи. Такъ знаменитая европейская желѣзно-дорожная акула, Струсбергъ, получилъ неменѣе 3.500.000 р.

*) Близость отношеній Полякова къ министерству доходила до того, что однажды онъ фамиліарно *забылъ* въ канцеляріи министра сумму въ 400.000 рублей. Но, вѣроятно, эта сумма оказалась недостаточною для удовлетворенія чьихъ слѣдуетъ аппетитовъ и потому возвращена Самуилу Саломоновичу. Фактъ этой находки сообщенъ автору самимъ нашедшимъ чиновникомъ А—мъ.

за одну только уступку своихъ учредительскихъ правъ компаніи Брестско-Граевской дороги. Такъ Поляковъ положилъ въ карманъ 6 1/2 милліоновъ акціонернаго капитала воронежско-козловской дороги и 5 1/4 милліоновъ —воронежско-ростовской. Извѣстно также, что земскіе дѣльцы, Лупандинъ, Рославлевъ и К° взяли съ Гладина милліонъ рублей, чтобы передать ему постройку дороги тамбовско-саратовской. Но ни Головачевъ, ни кто другой не смѣлъ коснуться тѣхъ столповъ, которыми собственно держалася и держится хищническая система русскаго желѣзно-дорожнаго дѣла. Эти столпы вѣдь носятъ громкіе титулы, иногда даже живутъ во дворцахъ. Нестѣненные, подобно Головачеву, русской цензурой, мы можемъ привести хоть два-три факта, показывающіе ихъ участіе въ этомъ государственномъ воровствѣ. Въ 1868 году было рѣшено государственнымъ совѣтомъ продать петербургско-московскую дорогу обществу московскихъ капиталистовъ. Дѣло уже пошло на утвержденіе во дворецъ, какъ въ послѣднемъ появились два noblemen'a, С. и Б., оба акціонеры главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и убѣдили кого слѣдовало отдать дорогу этому обществу, мотивируя свой совѣтъ тѣмъ простымъ доводомъ, что вѣдь и императорская фамилія состоитъ въ числѣ тѣхъ же акціонеровъ. Разумѣется, это

удалось, и напрасно потомъ Аксаковъ громилъ въ своей газетѣ „невидимую руку“, которая вырвала николаевскую линію, первую въ Россіи по доходности, изъ рукъ москвичей, предлагавшихъ за нее деньги, а не обязательства, какъ главное общество. — Въ 1872 году на т-гской таможнѣ былъ остановленъ богатый серебряный сервизъ, высланный П-мъ изъ Парижа и назначенный для одной высокой особы въ Тифлисѣ. Возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли брать пошлину съ предмета, адресованнаго такой особѣ? И хотя свѣдѣніе о томъ нетолько распространилось на всемъ югѣ Россіи, но достигло до Петербурга, гдѣ уже знали о желаніи тифлисскихъ властей выдать концессію на ростовско-владикавказскую дорогу П-ву; однако до скандала дѣло не дошло, а ограничилось тѣмъ, что П-въ былъ дважды наказанъ за неосторожность: тѣмъ, что сервизъ его даромъ поступилъ въ кладовую особы, и тѣмъ, что въ концессіи ему Бобринскій отказалъ.... Но самое дѣятельное и вовсе не невидимое участіе въ желѣзно-дорожномъ хищничествѣ принимали лица еще болѣе близкія къ трону, напр. предсѣдатель одного изъ высшихъ государственныхъ установленій, одинъ изъ личныхъ друзей императора, и т. д. Первый изъ нихъ, черезъ своихъ повѣренныхъ, К-а, У-о, П-а и др., являлся учредителемъ разныхъ желѣзнодорожныхъ компаній: рыбинско-боло-

говской, орловско-витебской, донецкой, путиловской, а также и нѣкоторыхъ заводовъ, имѣющихъ отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ; не говоря уже про банки, порты и т. п. Къ нему обыкновенно обращались и разные заграничные прожектеры, желавшіе эксплуатировать Россію, напр. Лессепсъ и Барранъ, которые хотѣли заручиться концессіею на среднеазіятскую желѣзную дорогу и на канализацію Туркестана, при чемъ Россія должна была бы для этихъ аферистовъ сдѣлать заемъ въ 180.000,000 рублей и потомъ имъ же выплатить болѣе милліарда рублей. Будущему историку русскаго желѣзнодорожнаго разврата вообще можно будетъ посвятить не одну страницу участію въ немъ названнаго предсѣдателя, который еще въ придачу долго считался одною изъ опоръ русскаго либерализма; здѣсь же мы напомнимъ еще одинъ важный фактъ, конечно не забытый современниками, но который могъ бы ускользнуть отъ потомства. Когда министръ путей сообщеній А. П. Бобринскій, вслѣдствіе составленія имъ непріятнаго для акціонерныхъ тузовъ проэкта закона объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ компаній за увѣчья проѣзжихъ и за растрату ихъ имущества, а также за противодѣйствіе видамъ морскаго министерства и протежируемаго имъ аферіста Путилова по устройству петербургскаго порта, полу-

чилъ увольненіе отъ должности и переселился въ тульскую деревню, тогда онъ рѣшился открыть императору Александру все зло желѣзнодорожнаго грабежа и степень участія въ немъ разныхъ членовъ камарильи, какъ изъ Зимняго, такъ и изъ Мраморнаго дворцовъ. Письмо было послано въ Ливадію и произвело такой взрывъ гнѣва у императора, что онъ воскликнулъ: „а, подлый рабъ! арестовать его!“.... Но арестовать серьезно не рѣшились, чтобы не сдѣлать скандала, и ограничились тѣмъ, что поставили Бобринскаго на три мѣсяца подъ надзоръ сотскаго, который и сопровождалъ его всюду, наприм. въ церковь, сидя на козлахъ графскаго экипажа... *) Что до одного изъ ближайшихъ друзей императора, именно того самаго, который вѣчно занимаетъ деньги и никогда ихъ не отдаетъ, то объ участіи его въ торговлѣ желѣзнодорожными концессіями, сверхъ напримѣръ графа Адлерберга, можетъ многое разсказать... ну хоть г. Н-чъ, свой человѣкъ у „друга“, изящный жуиръ, которому за его протекцію

*) Приводимъ этотъ случай, какъ онъ разсказывался въ Петербургѣ, при чемъ замѣтимъ, что шефъ жандармовъ, Потаповъ, получивъ депешу объ арестованіи Бобринскаго, не зналъ, какъ это сдѣлать, и хотѣлъ свалить дѣло на нач. гл. шт. графа Гейдена, говоря, что Бобринскій—военный генералъ. Но графъ, разумѣется, отказался, и пришлось просить инструкцій изъ Ливадіи, въ ожиданіи которыхъ изнывать отъ трепета за собственную судьбу.

платились деньги не только въ Россіи, но и за границею, напр. въ Парижѣ. Нужно ли здѣсь говорить, что всѣ эти продѣлки „опоръ престола“ проходили безнаказанно, хотя императоръ Александръ постоянно негодовалъ на предсѣдателя и неразъ сурово распекалъ друга? Всемогущій и безжалостный по отношенію къ простымъ подданнымъ, абсолютизмъ совершенно безсиленъ противу тѣхъ, кто по его же капризу или по другой случайности занимаетъ высокое положеніе, знаетъ домашнія тайны двора и потому можетъ смѣло совершать всякія преступленія во вредъ народу, лишь бы преступленія эти не были гласными. Вѣдь Грибоѣдовъ давно сказалъ:

Грѣхъ не бѣда,—молва не хороша!

и фавориты всѣхъ неограниченныхъ монарховъ, даже самыхъ лучшихъ, всегда держались этого правила.

Впрочемъ, наши желѣзнодорожные воротилы не слишкомъ церемонились и съ молвой, т. е. съ общественнымъ мнѣніемъ. Пышныя оргіи справлялися всенародно, когда та или другая дорога открывалась для движенія или даже только закладывалась. Концессіонеры не жалѣли денегъ, чтобы ублаготворить начальство, ревизоровъ и членовъ пріемныхъ коммиссій, и всегда достигали успѣха. Сколько разъ было, что на едва построенной дорогѣ

черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разрушалось полотно, проваливались мосты, станціи размывало дождемъ, потому что онѣ построены вмѣсто камня или кирпича изъ глины съ соломой (ростовско-владикавказская линія), рельсы раздроблялись въ куски, потому что они накуплены изъ числа забракованныхъ въ Бельгіи, и пр., и пр. *) И все ничего, все сходило даромъ концессіонерамъ и инженерамъ! Напрасно журналы печатали корреспонденціи о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ на желѣзныхъ дорогахъ: имъ не внимали, а сильное вѣсомъ своихъ акціонеровъ „главное общество“ даже пробовало затѣвать процессы противъ огласителей его безчинствъ. Въ концѣ концовъ дошло до того, что алчныя компаніи стали сокращать необходимый для безопасности движенія личный составъ и тѣмъ причиняли крушенія поѣздовъ. Такъ было напр. въ 1876 г. на одесско-балтской дорогѣ, гдѣ управляющій ею, адм. Чихачевъ, довелъ уменьшеніе персонала служащихъ до того, что некому было подавать сигналы объ опасностяхъ, и поѣздъ съ нѣсколькими стами

*) Въ 1877 г. для бендерской желѣзной дороги куплены были во Франціи и Швейцаріи отслужившіе свой срокъ и забракованные локомотивы, которые мѣстными жителями въ насмѣшку назывались „Бурбаки“. Этотъ фактъ извѣстенъ всей Европѣ, кромѣ, кажется, русской желѣзнодорожной администраціи.

солдатами слетѣлъ съ высокой тилигульской насыпи, при чемъ одни пассажиры были убиты, другіе заживо сгорѣли отъ распространившагося въ вагонахъ пожара, третьи были изувѣчены. Подъ самымъ Петербургомъ, въ Гатчинѣ, „главное общество“ возило публику по гнилымъ шпаламъ, пока наконецъ не послѣдовало также крушеніе поѣзда. И все прошло безнаказанно! Чихачева даже поощрили, не смотря на признаніе его вины судомъ. Теперь онъ главный эксплуататоръ всего юга Россіи и, умѣя доставлять кому слѣдуетъ огромные доходы, конечно, будетъ безнаказанно продолжать свое выгодное занятіе

Но отвернемся, наконецъ, отъ печальныхъ сторонъ русскаго желѣзнодорожнаго дѣла и посмотримъ, что въ немъ есть утѣшительнаго. Самое утѣшительное, конечно, есть то, что Россія, которая имѣла въ 1855 г. не болѣе 980 верстъ желѣзныхъ дорогъ, владѣла въ 1878 г. уже 19.615 верстами такихъ дорогъ. Вотъ послѣдовательное развитіе этой обширной сѣти:

Въ 1857 г. было	980 вер.	Въ 1864 г.	3.461 в.	Въ 1871 г.	13.162 в.
1858	1.093	1865	3.682	1872	13.680
1859	1.251	1866	4.351	1873	14.110
1860	1.491	1867	4.790	1874	16.283
1861	1.953	1868	6.566	1875	17.006
1862	3.174	1869	7.748	1876	17.694
1863	3.371	1870	10.231	1877	18.765

Наконецъ къ 1 іюля 1878 г. было открыто

всего 19.615 верствъ, что даетъ для средняго годоваго увеличенія 870 верствъ, при чемъ особенно быстрое возрастаніе числа верстъ открытыхъ для движенія рельсовыхъ путей падаетъ на годы 1869—74 г., послѣ чего эта быстрота уменьшается. Въ 1876—78 годахъ, когда государственное казначейство было обременено огромными военными расходами, о постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, разумѣется, не было и рѣчи, но разрѣшенныя прежде продолжали открываться.

Цифра 19.615 вер. сама по себѣ очень значительна и даетъ Россіи четвертое мѣсто между европейскими государствами по размѣрамъ ея желѣзнодорожной сѣти; но когда мы вспомнимъ, что одна европейская часть нашего отечества превосходитъ пространствомъ всю остальную Европу, и что въ этой послѣдней есть не менѣе 130.000 верствъ рельсовыхъ путей, тогда увидимъ, что огромный самъ по себѣ прогрессъ желѣзнодорожнаго дѣла у насъ оставляетъ еще желать очень многаго. Прежде всего бросается въ глаза неравномѣрность распредѣленія желѣзныхъ дорогъ по государству. Меридіанъ Ярославля, Рязани и Ростова на Дону раздѣляетъ Европейскую Россію на двѣ равныя по пространству части; онъ же дѣлитъ всю имперію на двѣ части почти равныя по населенію. Между тѣмъ изъ 19.615 верствъ едва лишь 4.600 приходится на восточную

половину государства, а 15.000—на западную. Это предпочтеніе западной половины, объясняемое почти исключительно стратегическими соображеніями и стремленіемъ европейскихъ капиталистовъ удешевить привозъ къ нимъ изъ ближайшихъ частей Россіи сырья, крайне невыгодно для восточной, имѣющей однако много естественныхъ богатствъ, важныхъ для самаго народа русскаго и остающихся втунѣ, благодаря отсутствію хорошихъ путей для сбыта. Желаніе уравнять обѣ половины было совершенно естественно и неразъ высказывалась публично. Русское общество напр. настоятельно требовало желѣзной дороги въ Сибирь; но ея то именно оно и не могло добиться отъ правительства, не смотря на ежегодные почти адресы купечества, торгующаго на ярмаркахъ въ Ирбити и Нижнемъ, на просьбы жителей Казани, на заявленія ученыхъ обществъ и даже мѣстной сибирской администраціи. Любопытно, что причины такого равнодушія къ интересамъ восточной Россіи нерѣдко бывали чисто личными. Такъ въ 1875 году дѣло уже совсѣмъ было готовилось принять благопріятный оборотъ, потому что въ основѣ было рѣшено построить сибирскую дорогу до Тюмени. Но тутъ вышло разногласіе въ самой правительственной средѣ. Большинство министровъ желало проведенія линіи отъ Нижняго Новгорода по правой сто-

ронѣ Волги, черезъ Казань и Сарапулъ къ Екатеринбургу и Тюмени; но Посьетъ воспротивился этому южному направленію и отстаивалъ свое, сѣверное, отъ Рыбинска на Вятку и Пермь, и это не почему иному, какъ потому, что онъ, еще бывъ спутникомъ вел. кн. Алексѣя при его путешествіи въ Архангельскъ, обѣщалъ архангельцамъ похлопотать о соединеніи ихъ полярнаго города съ средней Россіей, а для исполненія этого адмиральскаго обѣщанія вести сибирскую дорогу по сѣверному направленію лучше, потому что тогда разстояніе между Архангельскомъ и ближайшимъ пунктомъ желѣзнодорожной сѣти будетъ короче.—Были и другіе случаи чисто личныхъ вліяній на выборъ правительствомъ той или другой линіи. Такъ уральская горнозаводская дорога была изогнута самымъ причудливымъ образомъ, лишь бы захватить въ кругъ своихъ дѣйствій заводы нѣкоторыхъ аристократовъ; и вѣроятно она была бы построена по этому аристократическому проэкту, если бы не опасеніе строителей остаться безъ грузовъ, когда устроится прямая линія между Екатеринбургомъ и Камою. Фастовская линія построена главнымъ образомъ въ интересахъ двухъ-трехъ сахарныхъ заводчиковъ кіевской губерніи; константиновская—для удовольствія одного лица, англичанина Юза, который построилъ въ Еленовкѣ рельсовый заводъ и тре-

бовалъ, чтобы это учрежденіе „для пользы всей Россіи“ было связано съ желѣзно-дорожною сѣтью. *) Нужно ли говорить, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ давались, гдѣ слѣдовало, значительные бакшиши? Не говоря уже про министерство финансовъ, требовавшее кушей, въ министерствѣ путей сообщенія также приходилось оставлять не малыя крупицы, изъ которыхъ напр. одинъ пресловутый градоправитель-генералъ, Г., въ бытность свою, въ теченіе 2—3 лѣтъ, довольно замѣтнымъ чиновникомъ названнаго министерства, составилъ себѣ капиталъ, давшій возможность купить имѣніе въ 180.000 рублей. О другихъ хищникахъ того же вѣдомства мы и не говоримъ: про нихъ самъ императоръ сказалъ однажды министру: „ты окруженъ дурными людьми.“

Такъ какъ значительная часть русскихъ желѣзныхъ дорогъ построена на казенныя

*) Выраженіе «для пользы всей Россіи» представляетъ чистую иронію, потому что теперь, благодаря привиллегіямъ Юза, никакой новый рельсовый заводъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ на югѣ. Правительство обязало-было построить таковой же Полякова; но ловкій концессіонеръ, получивъ для этого землю и каменноугольныя копи и пообѣщавъ сдѣлать дѣло, въ удостовѣреніе чего внесъ залогъ въ 500.000 р.,— отказался потомъ отъ обѣщанія, которое исполнить значило бы понести убытки. Разумѣется, залогъ ему былъ возвращенъ, потому что вѣдь это—его превосходительство С. С. Поляковъ, другъ министра финансовъ и многихъ другихъ «вельможъ.»

деньги; то конечно государство должно бы было отъ нихъ имѣть доходъ, представляющій по крайней мѣрѣ сумму годовыхъ процентовъ и погашенія по займамъ, сдѣланнымъ казною для концессіонеровъ. Доходъ этотъ и существуетъ, но только онъ никогда не вносится въ казну аккуратно, потому что желѣзнодорожныя правленія или, точнѣе, главы ихъ, концессіонеры и другіе „тузы,“ находясь въ ладахъ съ администраціей, не считаютъ себя обязанными быть исправными плательщиками. Отъ того долги на желѣзныхъ дорогахъ ростутъ, и особенно знаменито въ этомъ случаѣ „главное общество,“ которое однако же владѣетъ дорогами изъ Петербурга въ Варшаву и Вержболово и изъ Москвы въ Петербургъ и Нижній Новгородъ, т. е. вообще очень доходными линіями. [1]) Примѣру его слѣдуютъ и другія компаніи, [2]) такъ что напр. въ 1875 г., очень доходномъ для всѣхъ русскихъ желѣз-

[1]) Долги главнаго общества казнѣ, къ 1 янв. 1876 г. по отчету госуд. контр. простирались: 1) по уплатѣ процентовъ и погашенія по акціямъ и облигаціямъ — до 55.659.595 р., 2) по ссудамъ на постройку желѣзныхъ дорогъ—до 61.280.948 р., 3) по недоимкамъ за облигаціи Николаевской желѣзн. дороги —до 3.511.423, всего до 120 милліоновъ рублей, за которые давно бы можно было отобрать у общества въ казну напр. Николаевскую дорогу, если бы акціонерами его не состояли тузы.

[2]) Всего 1 янв. 1876 г. состояло за желѣзнодорожными обществами долга казнѣ 239.580.346 р.

ныхъ дорогъ, эти компаніи вмѣсто слѣдовавшихъ съ нихъ 20.151.379 р. внесли въ казну лишь 17.069.209 р., а 3.082.169 р. предоставили правительству искать внѣ широкихъ компанейскихъ кармановъ, напр. выколачивать, изъ крестьянъ розгами. Между тѣмъ казна не смѣетъ запаздывать уплатой денегъ, слѣдующихъ отъ нея компаніямъ въ видѣ такъ-называемыхъ гарантій, которыхъ суммы по нѣкоторымъ линіямъ, напр. либавской, ежегодно достигаютъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, по лозово-севастопольской въ 1876 г. простирались до милліона, а по кіево-бресткой въ 1875 году до 1.589.689 руб. Мало того; для удовлетворенія волчьяго аппетита компаній правительство разрѣшило имъ, въ послѣднее время, возвысить плату за проѣздъ людей на 15—25%, а относительно установленія платы за провозъ товаровъ никогда не рѣшилось и голоса подать въ пользу товароотправителей. Между тѣмъ порядки или, лучше сказать, безпорядки въ этомъ отношеніи таковы, что товароотправители нерѣдко терпятъ огромнѣйшіе убытки, какъ бывало неразъ даже въ Петербургѣ, не говоря уже про второстепенныя провинціальныя станціи. Между Балтою и Одессою напр. бывали случаи отправленія пшеницы на волахъ, параллельно-рельсовому пути, ибо это скорѣе приводило грузы по назначенію. Въ виду этихъ безпорядковъ

и для прекращенія ихъ правительство назначило, по принятымъ бюрократіею обычаямъ, коммиссію, разумѣется, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта и даже члена государственнаго совѣта (Баранова); но разумѣется также, что, безъ особаго чуда, коммиссія эта ничего не сдѣлаетъ, кромѣ развѣ напечатанія ста одного тома трудовъ, которые будутъ своевременно съѣдены мышами или проданы на обертки. Зло, обуревающее русскія желѣзныя дороги, не таково, чтобы противу него что-либо могла сдѣлать какая-либо коммиссія изъ чиновниковъ, особенно когда предсѣдателемъ ея одинъ изъ главныхъ акціонеровъ и даже членъ совѣта управленія „главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.“ Замѣтимъ при этомъ, что зло это, т. е. присвоеніе народнаго достоянія нѣкоторыми акулами, титулованными и нетитулованными, изъ нѣмцевъ и изъ евреевъ, природными русскими и иностранцами, растетъ съ каждымъ годомъ, и что для вящаго успѣха и безнаказанности своего хищничества, акулы соединяются въ ассоціаціи, какъ было напр. при соединеніи обществъ одесско-балтской, кіевско-брестской, граевской, и знаменско-николаевской желѣзныхъ дорогъ въ одно общество дорогъ юго-западныхъ, съ прямою цѣлью монополизировать эксплуатацію торговаго движенія въ богатѣйшихъ отъ природы частяхъ

Россіи. Еврей Поляковъ, благоразумно уготовавшій на всякій случай себѣ роскошное убѣжище въ Берлинѣ, и русскій нѣмецъ фонъ-Дервизъ, устроившій такое же убѣжище въ Ниццѣ, эксплуатируютъ юго-восточную Россію; еврей Кронебергъ хозяйничаетъ въ Польшѣ, а международное „главное общество,“ съ американцемъ Уайненсомъ во главѣ, сосетъ самую средину страны, отъ Москвы до Петербурга и Нижняго Новгорода и отъ Петербурга до границы Германіи. Что скажетъ объ этомъ явленіи то поколѣніе русскихъ людей, которое наконецъ добьется права контролировать расходователей народнаго достоянія,—объ этомъ мы можемъ только догадываться...

Набросавъ самыя краткія, самыя выдающіяся черты изъ исторіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, мы можемъ теперь коснуться и другого сходнаго и тоже принадлежащаго нашему времени дѣла, устройства телеграфовъ. При Николаѣ, до 1853 года, въ Россіи не было телеграфовъ или былъ одинъ оптическій, между Петербургомъ и Варшавой, служившій для собственнаго употребленія императора. Только подъ самый конецъ его царствованія политическія и военныя обстоятельства заставили начать устройство телеграфовъ электрическихъ къ сторонѣ Европы и на югѣ Россіи; но даже въ 1857 г. эта сѣть простиралась не болѣе какъ на 3.725 верстъ.

Сооруженіе же тѣхъ линій, которыя нынѣ протягиваются на 90.000 верстъ и имѣютъ около 2.200 станцій, есть дѣло нашего времени. Мало того: оно болѣе всего дѣло правительства, и притомъ исполненное успѣшно. Что стоимость устройства у насъ телеграфовъ велика, это справедливо; но не должно забывать, что значительную часть приборовъ намъ долгое время приходилось выписывать изъ-за границы. Кромѣ того поддержаніе телеграфныхъ линій въ исправности у насъ стоитъ дороже, чѣмъ на Западѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ физико-географическихъ условій, напр. гололедицъ, разлива рѣкъ и т. п. Наконецъ число депешъ, отправляемыхъ у насъ, долгое время было такъ невелико по сравненію съ числомъ жителей, что по одному этому за пересылку приходилось брать дороже, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Швейцаріи или Англіи. Отъ этого и выходило, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что плата за прямое извѣстіе изъ Петербурга въ Одессу была выше платы того же извѣстія черезъ Австрію, по международной таксѣ. Постепенно этотъ недостатокъ исчезъ, и теперь телеграфныя сношенія развиваются все больше и больше, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ	1857	г. было депешъ	105.442
„	1866	— —	1.286.389
„	1876	— —	5.353.190

Соотвѣтственно сему возрасталъ и телеграфный доходъ, такъ что въ 1876 г. онъ уже простирался до 5.590.419 р. и телеграфное вѣдомство было однимъ изъ немногихъ казенныхъ управленій, приносившихъ прибыли, а не убытки. Замѣтимъ при этомъ еще одну любопытную черту изъ исторіи того же вѣдомства: оно первое нашло возможнымъ принимать къ себѣ на службу женщинъ, тогда какъ всѣ другія *soi-disant* просвѣщенныя власти загораживали женщинамъ всякую дорогу къ общественной дѣятельности.

Значительно меньше, чѣмъ телеграфы, сдѣлалъ успѣховъ другой способъ передачи извѣстій, почта. Какъ при Николаѣ, такъ и теперь, почтовые чиновники занимаются чтеніемъ чужихъ писемъ, отчасти изъ личнаго любопытства, отчасти по порученію свыше, т. е. изъ III отдѣленія собств. е. в-ва канцеляріи. *) Къ этому заглядыванію въ чужую

*) Въ 1858 г. чиновникъ Беклемишевъ доложилъ ген.-губ. Муравьеву, что нерчинскій почтмейстеръ беретъ, въ свою пользу, дополнительные сборы съ отправителей посылокъ. „Что же я могу здѣсь сдѣлать?“ отвѣчалъ ген.-губернаторъ, котораго въ недостаткѣ честности и энергіи по искорененію золъ никто не можетъ обвинить. „Развѣ велѣть городничему, по ошибкѣ, высѣчь почтмейстера въ потемкахъ?... Вы знаете, что я самъ дѣлаю въ Иркутскѣ визиты почтмейстеру собственно для того, чтобы онъ моей корреспонденціи не подпепечатывалъ и не читалъ. Почтовое вѣдомство у насъ status in statu, и я совершенно безсиленъ противъ золъ, имъ совершаемыхъ“.

переписку, достигающему до того, что въ 1868 г. Валуевъ перехватилъ письмо наслѣдника престола къ Аксакову, присоединилось еще, съ 1865 года, чтеніе чужихъ журналовъ и газетъ, которые нынѣ можно отправлять неиначе, какъ подъ бандеролью, а не заклеенными въ глухіе пакеты. Введеніе марокъ, наклеиваемыхъ на конверты, подало также поводъ къ пропажѣ самихъ писемъ вслѣдствіе отклеиванія марокъ почтальонами. Что касасается до важнаго въ смыслѣ прогресса уменьшенія платы за пересылку писемъ и посылокъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ вовсе не принадлежитъ русскому почтому вѣдомству, а есть слѣдствіе международныхъ обязательствъ, возникшихъ изъ того, что Россія вступила въ общенародный почтовый союзъ. И хотя это уменьшеніе пересыльной платы, вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности и образованія въ народѣ, сильно увеличило размѣры пересылаемой по почтѣ корреспонденціи, а съ нею и почтовый доходъ; но почтовое вѣдомство все еще не успѣло выйдти изъ дефицита, который въ 1877 г. составлялъ 1.686.953 р. при доходѣ 12.840.684 руб. Его стремленія исправить это зло черезъ сокращеніе даровой казенной корреспонденціи, были недовольно удачны, потому что всѣ затѣвавшіяся по этому поводу „мѣропріятія“ для уменьшенія административной переписки, были недовольно

радикальны, такъ что напр. въ 1877 году почта перевезла не менѣе 63.333 пудовъ казенныхъ конвертовъ, тогда какъ частной корреспонденціи было всего 46.875 пудовъ. *)— Само собою разумѣется, что устройство желѣзныхъ дорогъ много ускорило пересылку почтовой корреспонденціи; но это лишь тамъ, гдѣ есть желѣзныя дороги; что же касается до мѣстностей, гдѣ рельсовыхъ путей нѣтъ, т. е. до $^5/_6$ имперіи, то тамъ почта нынѣ едва ли не менѣе исправна, чѣмъ при Николаѣ. Лошади повсюду плохи, возятъ почту и проѣзжающихъ отвратительно, взяточничество почтовыхъ властей—таково же, какъ и 50 лѣтъ назадъ. Да оно иначе и не можетъ быть, потому что съ одной стороны почтовые чиновники получаютъ очень скудное содержаніе, а съ другой ихъ высшіе начальники, въ родѣ бывшаго долгое время почтъ-директоромъ Лаубе, извѣстны корыстолюбіемъ, такъ что Лаубе наприм. участвовалъ въ содержаніи станцій между Казанью и Тюменью, по тракту такъ-

*) Частная корреспонденція въ Россіи простиралась въ 1857 г. до 35.000.000 конвертовъ, а въ 1877 г. до 55.000.000; казенная въ 1857 г.—40.000·000 пакетовъ, а въ 1877 не болѣе 23.500.000, но, какъ сказано въ текстѣ, корреспонденція эта была въ полтора раза тяжеле частной. Неизлишне при этомъ замѣтить, что уменьшеніе таксы на частную переписку уменьшило количество нелегальной переписки казенной, ибо прежде чиновники нерѣдко пересылали свои письма въ казенныхъ конвертахъ.

называемыхъ вольныхъ, т. е. въ сущности монопольныхъ почтъ. Про преемника его, Вельо, можно сказать, что это человѣкъ довольно поверхностный. Онъ напр. въ 1875 г. *обревизовалъ* нѣсколько сотъ конторъ и станцій въ теченіе трехъ мѣсяцовъ, что даетъ понятіе о характерѣ ревизіи и что однако, вмѣсто отставки, доставило ему репутацію энергическаго дѣятеля.

Впрочемъ, значительная доля неустройства почтъ въ Россіи падаетъ на дурное состояніе дорогъ. Еще недавно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, русское общество слѣдило со вниманіемъ за газетными статьями объ неустройствѣ сибирскаго тракта въ предѣлахъ пермской губерніи; безъ преувеличенія, то же можно бы сказать почти о всѣхъ дорогахъ Россіи, за исключеніемъ финляндскихъ и отчасти польскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже ухудшились въ послѣдніе 20 лѣтъ, какъ напр. прекрасныя нѣкогда дороги Забайкалья, ставропольской губерніи и т. п. Правительство, занятое устройствомъ рельсовыхъ путей, совершенно забыло объ обыкновенныхъ дорогахъ и вовсе не продолжало той сѣти шоссе, которую началъ было строить Николай I. За исключеніемъ хорошей дороги черезъ Кавказскій хребетъ между Владикавказомъ и Тифлисомъ, построенной при кн. Барятинскомъ, нѣтъ ни одного монументальнаго сооруженія,

которое могъ бы назвать историкъ русскихъ нерельсовыхъ путей сообщенія за все время съ окончанія крымской войны. Само собою разумѣется, что наибольшее невниманіе къ нуждѣ народа въ хорошихъ дорогахъ оказано при этомъ правительствомъ восточной Россіи, т. е. собственно-русскимъ провинціямъ. Саратовская губернія наприм. даетъ въ государственный доходъ 11 милліоновъ рублей; но правительство въ ней расходуетъ только два, и то на чиновниковъ, а не на дороги; девять же милліоновъ, изъ числа платимыхъ саратовцами, идутъ въ Петербургъ, къ нѣмцамъ, жидамъ, англичанамъ и пр. Саратовскій лапотникъ-крестьянинъ очевидно еще не достоинъ того, чтобы для него строили удобопроходимыя дороги. И разумѣется онъ будетъ оставаться недостойнымъ, пока вмѣсто саратовской губерніи не явится саратовскій штатъ, саратовскій кантонъ, или, по-русски, саратовская земля, какъ болѣе или менѣе самостоятельная часть великой русской земли.

Почти такимъ же малымъ вниманіемъ, какъ обыкновенныя сухопутныя дороги, пользовались, у петербургской бюрократіи, и водяныя сообщенія, которыя однако въ Россіи важнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, по причинѣ неустройства хорошихъ сухопутныхъ и по огромности разстояній между промышленными центрами. Больше всего надѣлала шума марьинская сис-

тема, по которой доставляются съ Волги въ Петербургъ хлѣбные грузы и которая начала-было приходить въ упадокъ. Возстановленіе ея въ удовлеворительномъ видѣ, вмѣстѣ съ прорытіемъ новаго ладожскаго канала есть одно изъ полезнѣйшихъ дѣлъ нашего времени и дѣлаетъ честь правительству. Между другими его заботами объ устройствѣ водяныхъ путей обращаютъ еще вниманіе: недавно возникшее предположеніе направить Аму-дарью въ Каспійское море, для чего уже сдѣлано немало приготовительныхъ работъ; подобныя же предположенія и предварительныя разслѣдованія по устройству канала между Обью и Енисеемъ; углубленіе одесскаго порта; постройка порта петровскаго; улучшеніе судоходства въ донскихъ гирлахъ; начало устройства большихъ портовъ въ Петербургѣ, Либавѣ и Поти; попытки основать портъ въ Темрюкѣ и сдѣлать судоходною Кубань и пр. Но все это, какъ видимъ, начатки, иногда очень неудачныя, какъ наприм. потійскій и темрюкскій порты; *) денегъ на все издержа-

*) По поводу темрюкскаго порта и кубанскаго пароходства слѣдуетъ замѣтить, что ради нихъ было обокрадено на полмилліона рублей черноморское казачье войско, слѣдующимъ образомъ: Управляющій дѣлами рус. общ. пар. и тор., Новосельскій, взялся устроить пароходство на Кубани, если ему будетъ дано впередъ 500.000 руб. на покупку пароходовъ и если Кубань будетъ расчищена отъ карчей. Барятинскій велѣлъ выдать деньги изъ казны черноморцевъ, но не сооб-

но много, а результаты пока достигнуты малые или даже совсѣмъ отрицательные.—Гораздо успѣшнѣе правительства дѣйствовали по установленію водяныхъ сообщеній частныя общества и лица, которыя конечно не занимались большими гидротехническими работами, но за то развили пароходство на русскихъ рѣкахъ и отчасти даже моряхъ. При обзорѣ торговли мы привели численныя данныя относительно этого пароходства; здѣсь же напомнимъ наиболѣе выдающіеся факты изъ исторіи его развитія. Одною изъ первыхъ компаній рѣчнаго пароходства былъ „Самолетъ“, пользовавшійся почтовымъ флагомъ и подъ прикрытіемъ его совершавшій разныя безчинства на Волгѣ. Его соперниками явились какъ многія другія товарищества — Лебедь, Дружина и пр.,—такъ и частные люди, преимущественно купцы. Два изъ такихъ товариществъ, Кавказъ и Меркурій, соединившись, составили могущественное торговое общество, котораго пароходы плаваютъ не только по Волгѣ, но и по Каспійскому морю, гдѣ

разилъ, что Кубань расчистить нельзя. На другой годъ пароходы пришли въ Темрюкъ, но въ Кубань войдти не могли. Разумѣется, это были не какіе-либо особые пароходы, а изъ общаго состава флота общества. Новосельскій деньги положилъ въ карманъ, а черноморцамъ предоставилъ пользоваться акціями одной лопнувшей компаніи, данными имъ въ залогъ и не стоившими ни гроша.

компанія успѣла заручиться контрактомъ съ казною на перевозку ея грузовъ, разумѣется, за извѣстную и очень немалую субсидію. Это впрочемъ было съ ея стороны лишь подражаніемъ „Русскому обществу пароходства и торговли“, которое основалось немедленно по уничтоженіи нашего черноморскаго военнаго флота и имѣло цѣлью отчасти замѣнить этотъ флотъ въ случаѣ войны. Только отношеніе между двумя компаніями, каспійскою и черноморскою, было и есть такое же, какъ между щукою и акулою, которыя хотя обѣ принадлежатъ къ рыбамъ хищнымъ и очень прожорливымъ, но отличаются размѣрами утробы. Въ то время, какъ пароходы Кавказа и Меркурія извлекаютъ изъ казны сотни тысячъ, Русское общество беретъ съ нея милліоны, хотя половина его основнаго капитала дана была казною. Причина этому проста и есть та же самая, что въ главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ: въ числѣ акціонеровъ компаніи есть безсмѣнные члены высшихъ правительственныхъ сферъ, для которыхъ, разумѣется, самые наглые способы эксплуатаціи Россіи суть и самые лучшіе. Довѣривъ свои интересы сначала извѣстному аффериету Новосельскому, а потомъ ловкому моряку Чихачеву, титулованные акціонеры русскаго общества пароходства заставили казну платить себѣ помильную плату за совершенно

ненужные для Россіи рейсы пароходовъ общества и приняли мѣры, чтобы убить всякую конкурренцію другихъ пароходныхъ компаній, которыя пробовали было возникать въ Одессѣ, но быстро приходили въ упадокъ. Новосельскій и Чихачевъ постарались вернуть акціонерамъ половину ихъ капитала, т. е. 150 р. изъ 300, составлявшихъ первоначальную цѣну акцій, и за то теперь достигли чиновъ одинъ тайнаго совѣтника, а другой свиты его величества контръ-адмирала, оба не неся государственной службы.... Въ послѣднее время дерзнулъ было имъ подражать чиновникъ Бутовскій, обѣщавшій завести пароходство на водахъ Японскаго моря и также поживившійся при этомъ на счетъ казны; но онъ забылъ правило: „что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ“, и, нужно надѣяться, попадетъ подъ судъ, послѣ чего, если не будетъ водворенъ на томъ самомъ Сахалинѣ и среди тѣхъ самыхъ каторжныхъ, которыхъ эксплуатацію взялъ на себя, то переселится въ мѣста менѣе отдаленныя....

Заключимъ этотъ краткій очеркъ или набросокъ исторіи средствъ сообщенія въ Россіи со времени крымской войны слѣдующими выводами, для подтвержденія которыхъ, надѣемся, читатель уже имѣетъ достаточно данныхъ:

1) Способы сообщеній въ европейской Россіи сдѣлались нынѣ многочисленнѣе и лучше,

чѣмъ были четверть вѣка тому назадъ. Магистральныя желѣзнодорожныя линіи изъ Москвы, какъ центра Россіи, къ берегамъ Финскаго и Рижскаго заливовъ, въ юго-западный край, въ Крымъ, на Кавказъ окончены сполна; линіи къ сторонѣ Средней Азіи, Сибири и Бѣлаго моря начаты. Телеграфная сѣть болѣе или менѣе охватила всю имперію; пароходство получило значительное развитіе какъ на внутреннихъ водахъ, такъ и на нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ морей.

2) Но всѣ эти пріобрѣтенія, важныя для успѣха гражданственности, куплены слишкомъ дорогою цѣною, и причина тому—хищничество такъ-называемыхъ высшихъ сферъ, противъ котораго абсолютная верховная власть оказывалась безсильною, а народъ ничего не могъ сдѣлать по отсутствію права на какой-либо контроль надъ своими правителями.

3) Правительство, руководившее устройствомъ новыхъ способовъ сообщенія, нанесло большой ударъ экономическому развитію восточной Россіи, затративъ извлеченные изъ нея капиталы въ западныхъ провинціяхъ, менѣе всего русскихъ. Оно, можно сказать, строило желѣзныя дороги не для Россіи, а для Европы, которая ищетъ эксплуатировать послѣднюю. Восточной Россіи теперь трудно будетъ подняться на одну высоту съ западною въ экономическомъ смыслѣ.

4) Ни правительство, ни общество, въ лицѣ земствъ, не заботились объ устройствѣ сѣти шоссейныхъ дорогъ, безъ которыхъ однако же самые рельсовые пути не могутъ быть достаточно выгодными, потому что подвозъ къ нимъ грузовъ труденъ. Отъ того по многимъ желѣзнымъ дорогамъ казнѣ или земству приходится нынѣ выплачивать большія гарантіи, выговоренныя капиталистами по концессіямъ.

4) Почтовое вѣдомство сдѣлало по своей части нѣкоторыя улучшенія; но все же русскія почты хуже всѣхъ европейскихъ.

5) Водяныя сообщенія сдѣлали успѣхи вездѣ, гдѣ была приложена къ дѣлу свободная иниціатива частныхъ лицъ и обществъ; правительственные же начинанія были по большей части неудачны, обходились дорого и нерѣдко оставались незавершенными.

Акціонерныя общества и банки.

Нѣтъ въ политической экономіи вопроса, который бы представлялъ столько недоразумѣній и спутанности понятій, какъ вопросъ о функціяхъ кредита.

Д. С. Миллъ.

„Кредитъ есть душа торговли, безъ кредита не образуются капиталы, а безъ капиталовъ невозможна никакая промышленность“ — таковы извѣстныя положенія буржуазной политической экономіи. Ея противники, съ своей стороны, увѣряютъ, что кредитъ есть лишь средство въ рукахъ жадныхъ богачей выжимать послѣдніе достатки изъ людей бѣдныхъ, что если онъ есть душа торговли, то душа безчестная, что обремененіе долгами себя и особенно своихъ потомковъ, широко практикуемое въ наше время, не есть идеалъ человѣческаго благосостоянія, что капиталистическое производство должно быть замѣнено коллек-

тивнымъ трудомъ рабочихъ, безъ участія особыхъ хозяевъ-капиталистовъ, что даже среди богачей банкротства и раззоренія стали тѣмъ чаще, чѣмъ шире развились кредитныя учрежденія, и пр. Но не вступая въ теоретическія размышленія о нравственномъ и экономическомъ значеніи кредита, признаемъ за *эмпирическій* законъ современной цивилизаціи, что она немыслима безъ обширнаго развитія кредитныхъ учрежденій, что расширеніе и улучшеніе ихъ составляютъ знаменіе прогресса, а не упадка, и затѣмъ посмотримъ съ этой точки зрѣнія на судьбу кредита въ Россіи съ 1855 года. Она замѣчательна и въ высшей степени характеристична для нашего времени.

При Николаѣ Россія почти не знала тѣхъ разнообразныхъ формъ кредита, подъ которыми онъ являлся въ западной Европѣ и Америкѣ. Самъ императоръ и его министры финансовъ, Канкринъ и Вронченко, почти не допускали основанія частныхъ акціонерныхъ компаній, особенно банковыхъ. Помѣщикамъ подъ залогъ имѣній давались деньги изъ опекунскихъ совѣтовъ, купцамъ—изъ коммерческаго и заемнаго банковъ, все деньги казенныя; и лишь очень немногіе банкиры существовали въ большихъ городахъ, занимаясь переводомъ денегъ за границу, учетомъ векселей и ростовщичествомъ. Россійско-амери-

канская компанія, два страховыхъ отъ огня общества, два-три пароходныхъ и промышленныхъ представляли весь акціонерный міръ въ Россіи. Однимъ изъ первыхъ проявленій духа новаго времени было образованіе именно акціонерныхъ компаній. И само правительство явилось покровителемъ ихъ, отчасти вольнымъ, какъ акціонеръ, отчасти невольнымъ. Послѣднее должно разумѣть въ томъ смыслѣ, что, издержавъ на восточную войну огромные капиталы опекунскихъ совѣтовъ и не имѣя возможности платить вкладчикамъ ихъ тѣхъ процентовъ, какіе платило прежде, правительство заставило публику вынуть эти капиталы изъ банковъ, угрожая въ противномъ случаѣ сильнымъ пониженіемъ процентовъ. Это сразу бросило на рынокъ множество сбереженій чиновниковъ, помѣщиковъ, откупщиковъ и пр., которыя покоились въ сохранныхъ казнахъ. Куда ихъ было дѣвать?—А вотъ тутъ то и явился къ услугамъ духъ алчности, спекуляціи, долгое время скованный мѣрами консерватора Канкрина и наконецъ разнузданный новымъ, либеральнымъ правительствомъ. Возникли вопросы о желѣзныхъ дорогахъ, пароходствѣ, объ эксплуатаціи разныхъ естественныхъ богатствъ Россіи, а главное, самое существенное, объ опустошеніи кармановъ довѣрчивыхъ людей финансовыми дѣльцами; и деньги сейчасъ нашли помѣщеніе. Проценты

на нихъ предлагались или, по крайней мѣрѣ, обѣщались огромные, и все, что имѣло свободные капиталы, бросилось помѣщать ихъ въ акціи. Это было время акціонерной горячки, которое началось въ 1856 году и тянулось 8 или 10 лѣтъ, пока у наивныхъ людей были деньги, и финансовыя щуки еще находили въ общественномъ прудѣ карасей. Первыми изъ такихъ обществъ были черноморское пароходное и „главное“ желѣзнодорожное, принявшія въ свои кассы капиталы разныхъ тузовъ. Затѣмъ, какъ грибы послѣ дождя, стали появляться мелкія акціонерныя компаніи, старавшіяся уловить въ свои сѣти мелкихъ капиталистовъ. Перечислять ихъ нѣтъ возможности, но назовемъ нѣкоторыя, съ присоединеніемъ краткихъ отмѣтокъ о томъ, какая судьба ихъ постигла:

Гидростатъ, компанія для поднятія изъ воды затонувшихъ судовъ,—не существуетъ болѣе.

Компанія для торговли металлами и минералами—изчезла.

Закавказкое торговое товарищество Кокорева и Новосельскаго—лопнуло.

Общества Глинковской мануфактуры, Измайловской бумагопрядильни, Торговли льномъ, Царскаго мыла, Улей (для улучшенія быта рабочихъ), Строительное въ Митавѣ, и пр. и пр.—отошли въ вѣчность.

Амурская компанія—получила отъ Бенар-

даки по 17 копѣекъ за рубль и уничтожилась.

Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ—развалилось, опустошивъ карманы акціонеровъ въ пользу аффериста, а нынѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чиновника особыхъ порученій при намѣстникѣ кавказскомъ и вмѣстѣ откупщика кавказскихъ минеральныхъ водъ, Байкова.

Пароходныя общества Танамъ, Куронія, туэрнаго пароходства между Петербургомъ и Кронштадтомъ, Бѣломорское—Мурманскаго срочнаго пароходства, цѣпнаго пароходства между Тверью и Рыбинскомъ,—гдѣ онѣ?

Лѣсопромышленникъ, Иртышъ-Дегеленская компанія горнозаводскихъ работъ въ западной Сибири, Русскіе землеудобрительные туки, Подспорье..... кто же помнитъ о нихъ, кромѣ наивныхъ людей, ввѣрившихъ имъ свои деньги?

Но, повторяемъ, перечислять всѣ неудавшіяся акціонерныя предпріятія нѣтъ возможности, а потому мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которыя установились и дѣйствуютъ доселѣ. Многія изъ нихъ были привѣтствованы при ихъ появленіи такимъ горячимъ сочувствіемъ публики, что полиція должна была принимать мѣры противу возможнаго разрушенія толпою подписчиковъ на акціи самыхъ помѣщеній обществъ, какъ было напр.

относительно петербургскихъ водопроводовъ. Другія возбуждали восторгъ огромными дивидентами, которыя были выдаваемы въ первые годы дѣятельности. Третьи — и нужно ли прибавлять, что это было большинство?— отличались совершенною бездоходностью затѣянныхъ предпріятій и грубою эксплуатаціею акціонеровъ директорами.

Наибольшею прочностью отличились сначала нѣкоторыя пароходныя компаніи, какъ то было и естественно, ибо успѣхъ ихъ въ то время былъ обезпеченъ недостаточностью другихъ средствъ сообщенія и быстро развивавшимися потребностями торговли. Нѣкоторымъ же удалось упрочить свое положеніе и на долгій срокъ. Русское общество пароходства и торговли особенно замѣчательно въ этомъ случаѣ. Оно нетолько вернуло акціонерамъ половину ихъ капиталовъ, но постоянно давало отличные дивиденты и теперь готовится возвратить остальные 150 р. на акцію, владѣльцы коихъ, такимъ образомъ, будутъ получать доходы на незатраченный капиталъ. Но этотъ блестящій успѣхъ, нужно замѣтить, купленъ цѣною безсовѣстной эксплуатаціи публики и казны. Компанія, какъ мы уже упомянули, пользуется отъ государства помильною платою за рейсы, дѣлаемые ея судами, и совершенно монополизировала перевозку пассажировъ и грузовъ въ портахъ Чер-

наго моря. И надѣяться на перемѣну этихъ порядковъ нельзя, потому что, какъ мы тоже говорили, въ дѣлахъ компаніи заинтересованы разныя правительственныя лица, которыя конечно не выпустятъ изъ своихъ рукъ акцій, которыя имъ стоятъ 150 рублей, а на биржѣ продаются по 850 и приносятъ дохода по 12 и 15% на эту послѣднюю цифру.

Недурны успѣхи и другаго поддерживаемаго казною пароходнаго общества, Кавказъ и Меркурій, котораго акціи котируются по 350 р., имѣя нарицательную цѣну въ 250 р. Что касается до прочихъ, то съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ дѣла ихъ мало-по-малу приходятъ въ упадокъ, и напр. пресловутый въ 1850-хъ годахъ Самолетъ стоитъ на биржѣ около 200 р. вмѣсто нарицательныхъ 250.

Желѣзно-дорожныя предпріятія естественно должны были выдвинуться на счетъ пароходныхъ въ странѣ, гдѣ зимою, т. е. иногда на 5 или даже на 7 мѣсяцевъ плаваніе прекращается. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ послѣднее время акціи напр. орловско-витебской дороги стоятъ 168 вмѣсто 125, рижско-динабургской 152 вмѣсто 125, тамбовско-саратовской 143 вмѣсто 125, главнаго общества 262 вмѣсто 125, а московско-рязанской даже 399 вмѣсто 100. Но есть и такія желѣзныя дороги, которыя едва въ состояніи давать 1—1 ½ % своимъ акціонерамъ, соот-

вѣтственно чему ихъ акціи котируются въ 2 и 3 раза ниже номинальной цѣны, напр. кинешмо-ивановскія 55 р. вмѣсто 100, новоторжскія только 38 вмѣсто 100. И нужно замѣтить, что эти низкія цѣны объясняются нетолько нераціональностью самыхъ предпріятій, но и отвратительнымъ веденіемъ ихъ дѣлъ правленіями, члены которыхъ безсовѣстно наживаются на счетъ пайщиковъ. Администрація московско-рязанской дороги попала наконецъ подъ судъ.

Изъ собственно-промышленныхъ акціонерныхъ предпріятій успѣли упрочить свое положеніе, какъ мы уже говорили, немногія, лучше всего — общества газоваго освѣщенія въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ напр. въ Петербургѣ (100:227), россійской бумагопрядильни (142:300), водопроводное въ Петербургѣ (100:265) и нѣсколько другихъ. Но водопроводное въ Одессѣ составило себѣ печальную извѣстность хищничествами, которыя въ немъ совершались, при чемъ имена хищниковъ, напримѣръ городскаго головы Новосельскаго, члена думы Гуровича и проч. были печатаемы нетолько въ иностранныхъ, но и въ русскихъ журналахъ, не причиняя этимъ господамъ ни вреда, ни даже неудовольствія. Похищенныя суммы оставались ихъ собственностію и общественное положеніе ихъ нисколько не было поколеблено.

„Вы бы сдѣлали процессъ людямъ, которые васъ чернятъ," говорили публично Новосельскому.—„Помилуйте, зачѣмъ"? отвѣчалъ этотъ беззастѣнчивый господинъ, тайный совѣтникъ и кавалеръ. „Брань на вороту не виснетъ, думалъ онъ,—а затѣешь процессъ, такъ вѣдь пожалуй нетолько осрамишься, но и попадешь въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя." И онъ продолжалъ получать за бывшія услуги по черноморскому пароходному обществу ордена и чины и обирать ежегодно на 12.000 р. Одессу, не живя въ ней, хотя и считаясь ея городскимъ головою, пока не представился случай еще разъ поэксплуатировать соотечественниковъ вообще помощью маркитанства въ дунайской арміи. А его сотрудникъ по водопроводамъ, Гуровичъ, только слегка утерся платкомъ, когда его исключили изъ мировыхъ судей за взятку во 125.000 рублей!

Нравственная философія Новосельскихъ, Гуровичей и т. п. сдѣлалась впрочемъ общимъ достояніемъ русскихъ финансистовъ и акціонерныхъ дѣльцовъ. Ею опредѣлялся ходъ важнѣйшихъ промышленныхъ предпріятій нашего времени. Но нигдѣ она не высказалась съ такимъ блескомъ, какъ въ дѣлахъ банковыхъ. Мы уже говорили, что при Николаѣ въ Россіи не было частныхъ акціонерныхъ банковъ; то же было и въ первое, лучшее время царствованія Александра II.; но по

мѣрѣ того, какъ либеральный духъ реформъ смѣнялся духомъ реакціи, общество стало наполняться, въ высшихъ слояхъ своихъ, тѣми грязными недѣлимыми, для которыхъ свято одно—нажива и всѣ средства хороши, чтобы достигнуть ея. Отличнымъ примѣромъ этого нравственнаго паденія служитъ Ламанскій, членъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, просвѣщенный и ревностный служитель науки и, черезъ какіе-нибудь 5—6 лѣтъ, управляющій государственнымъ банкомъ и перворазрядный аферистъ. Ламанскій у себя въ банкѣ пріютилъ и отогрѣлъ пресловутое петербургское общество взаимнаго кредита, въ которомъ два раза открывались милліонныя кражи, которое неразъ было наканунѣ банкротства, но которое онъ всякій разъ спасалъ посредствомъ щедрыхъ вспоможеній изъ управляемаго имъ же государственнаго учрежденія. Его родственникъ, Касаткинъ, состоя членомъ правленія и вмѣстѣ кассиромъ, т. е. исправляя въ одно время должности ревизора и ревизуемаго, обокралъ общество; это кончилось ничѣмъ для виновнаго, и его смѣнилъ другой, еще большій хищникъ, Бритневъ, который, когда попался въ воровствѣ, то нетолько не испугался приговора суда или хоть общественнаго мнѣнія, а еще старался разжалобить послѣднее, печатая въ газетахъ жалостные бюллетени о своемъ здоровьѣ. Пра-

восудіе, отзываясь на голосъ многихъ членовъ общества, думало подвергнуть ревизіи его дѣла и обнаружить его продѣлки; но, разумѣется, это было смѣшнымъ намѣреніемъ; ибо какъ же можно было разрушить банкъ, въ которомъ находились вклады разныхъ тузовъ, получавшихъ отъ сомнительныхъ спекуляцій по 25—30% годоваго дохода? *)

Не довольствуясь доходами отъ плутней, совершаемыхъ обществомъ взаимнаго кредита, Ламанскій вошелъ въ тѣсныя связи съ волжско-камскимъ банкомъ, основаннымъ и управляемымъ извѣстнымъ аферистомъ, Кокоревымъ. Банку этому тоже неразъ грозило банкротство вслѣдствіе того, что портфель его былъ наполненъ дутыми векселями самого Кокорева и его друзей; но, разумѣется, пока въ судьбѣ его принимаетъ дѣятельное участіе главный хозяинъ кредитныхъ билетовъ, ему бояться нечего.

Нечего, повидимому, бояться и спекулятивному центральному банку русскаго поземельнаго кредита, основанному для поглощенія банковъ провинціальныхъ. Дѣла его плохи; акціи его давно упали на 30—40% ниже выпускной цѣны; но 20.000 этихъ акцій,

*) Узнавъ о плохомъ веденіи дѣлъ въ обществѣ взаимн. кредита, наслѣдникъ престола вынулъ изъ него свои деньги, о чемъ писалось даже въ газетахъ; но другіе тузы не были такъ щепетильны.

благодаря Ламанскому, принадлежатъ государственному банку, и банкротство на время отстраняется посредствомъ субсидій изъ казны, достигающихъ напр. 138.000 р. въ годъ.

Та же система покровительства плутнямъ господствуетъ и въ непосредственно подчиненныхъ Ламанскому конторахъ и отдѣленіяхъ самого государственнаго банка. Во многихъ изъ нихъ открывались безпорядки и хищничество; въ кіевскомъ отдѣленіи было раскрадено 900.000 рублей; но все заминалось или затягивалось до такой степени, что юстиція не успѣла еще постановить ни одного карательнаго приговора. Въ Кіевѣ тянули такъ долго, что нѣкоторые изъ обвиняемыхъ успѣли благополучно умереть, и разумѣется, что они-то и оказались единственными виновными. О расхищеніяхъ въ Харьковѣ, въ Красноярскѣ и пр. едва возникали толки и падали въ вѣчность.

Нѣсколько больше удавалось сдѣлать правосудію по дѣламъ частныхъ банковъ, въ которыхъ не принимали участія правительственные тузы. Изъ дѣлъ этого рода особенную извѣстность пріобрѣло крушеніе московскаго ссуднаго и коммерческаго банка, который былъ обокраденъ извѣстнымъ европейскимъ аферистомъ, Струсбергомъ, при пособіи директоровъ Полянскаго и Ландау. Во время этого-то процесса Струсбергъ публично ска-

залъ, что если бы ему была дана прокурорская власть, то онъ посадилъ бы на скамью подсудимыхъ управляющихъ всѣми русскими кредитными учрежденіями. Разница, вѣроятно, оказалась бы лишь въ томъ, что не вездѣ имъ удавалось красть по шести милліоновъ, какъ Струсбергу съ двумя его друзьями..... Но правосудіе, оказавшееся достаточно сильнымъ, чтобы судить трехъ названныхъ негодяевъ и цѣлую массу другихъ, которыхъ мы здѣсь не назовемъ, оказалось безсильнымъ, чтобы ихъ дѣйствительно покарать, а, главное, возвратить вкладчикамъ банка ихъ деньги. Струсберга присудили къ высылкѣ на родину, въ Пруссію; Ландау ушелъ за границу самъ, сманивъ туда же приставленнаго къ нему полицейскаго чиновника, и только Полянскій, наименѣе виновный, поплатился ссылкою въ Сибирь. Тѣ, которые должны бы были нести имущественную отвѣтственность за цѣлость банковыхъ капиталовъ, успѣли отвертѣться отъ нея, конечнопотому, что это были столбы московской коммерціи: городской голова Шумахеръ, банкиръ Борисовскій и пр.

Вскорѣ послѣ процесса московскаго ссуднаго и коммерческаго банка обнаружено было воровство Бритнева въ петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита, о которомъ мы уже упомянули, а затѣмъ открылось слишкомъ двух-

милліонное похищеніе Юханцева въ банкѣ, долгое время пользовавшемся самою безупречною репутаціею, именно въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Разница между двумя случаями воровства сказалась только въ томъ, что „взаимный купеческій кредитъ," какъ опытный плутъ-коммерсантъ, употребилъ всѣ мѣры, чтобы замять дѣло, а „взаимный поземельный кредитъ", какъ нѣсколько простоватый помѣщикъ, началъ съ того, что немедленно по обнаруженіи пропажи капиталовъ пригласилъ къ участію въ дѣлѣ прокурора. Это, конечно, дѣлало честь администраціи „поземельнаго кредита"; но, къ сожалѣнію, и его дѣло не было проведено съ желаемою въ этихъ случаяхъ чистотою. У Юханцева были найдены росписки, разумѣется, отъ „высокихъ особъ", въ полученіи ими отъ этого хищнаго камеръ-юнкера денегъ; объ этихъ роспискахъ и ихъ происхожденіи и значеніи, разумѣется, въ судѣ не смѣли и заикнуться, хотя публика громко о нихъ говорила и даже адвокаты пробовали дѣлать наведенія, доказывая, что Юханцевъ одинъ не могъ растратить всего имъ похищеннаго, что самый процессъ кражи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, свидѣтельствуетъ о поблажкахъ вору, исходившихъ изъ вліятельныхъ сферъ. Нужно замѣтить, что общество взаимнаго поземельнаго кредита основано было, въ 1866 г., при дѣятельномъ

участіи великаго князя Константина Николаевича и что связь между нимъ и разными дворцами, графскими, княжескими и баронскими никогда не прекращалась. Самъ Юханцевъ былъ посаженъ на мѣсто тестемъ своимъ Фелейзеномъ, который за свое *гофъ*-маклерство возведенъ былъ въ баронское достоинство.....

Этихъ фактовъ, кажется, достаточно,*) чтобы показать, на какихъ основаніяхъ возникло и развилось банковое дѣло въ Россіи въ послѣдніе 10—15 лѣтъ. Кажется, ясно, что если кредитъ и явился „душою“, то душою безчестною, что если онъ и помогъ сосредоточиванію капиталовъ, то лишь въ рукахъ разныхъ аферистовъ: Ламанскаго, Касаткина, Бритнева, Кокорева, Синебрюхова, Исакова, Сущева, Полянскаго и безчисленнаго множества евреевъ, изъ которыхъ одни, какъ Ландау, Розенталь, Гинцбургъ пріобрѣли болѣе или менѣе широкую извѣстность, другіе умѣли обдѣлывать дѣла въ тихомолку, не гоняясь за славою, а только за деньгами. Сущность всѣхъ банковыхъ, да и вообще акціонерныхъ предпріятій въ Россіи нашего времени можетъ

*) Мы могли бы привести множество другихъ, напр. дѣло полковника Высоцкаго съ международнымъ коммерческимъ банкомъ, отказывавшимъ ему въ правѣ повѣрять отчеты банка съ подлинными документами, расхищеніе суммъ въ банкахъ въ Одессѣ, въ Ржевѣ, въ Кронштадтѣ и пр. Но все это варіаціи на одну и ту же тему.

быть высказана въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: собрать подъ безыменныя росписки, называемыя акціями, возможно большее количество денегъ съ участниковъ въ громко-оповѣщенномъ и раскрашенномъ предпріятіи, украсть изъ этихъ денегъ какъ можно больше, не допустить людей честныхъ проникнуть въ тайну воровства и, для достиженія послѣдней цѣли, т. е. для устраненія дѣйствительнаго, а не фиктивнаго контроля акціонеровъ, подтасовывать общія ихъ собранія вводомъ въ нихъ подставныхъ лицъ изъ подчиненныхъ банковымъ воротиламъ.... Явленіе, какъ видимъ, тождественное съ совершавшимися въ Вѣнѣ, Берлинѣ и пр. и описанными съ такою наглядностію Глогау.

Но какъ ни отвратительны были условія, при которыхъ возникали и дѣйствовали въ Россіи 1855-78 годовъ банки, потребность въ нихъ такъ настоятельна, что число ихъ безпрестанно росло. Купечество, нуждавшееся въ дешевомъ кредитѣ, особенно хлопотало объ устройствѣ банковъ городскихъ, и вотъ ихъ образовалось нѣсколько сотъ. Не то, чтобы они составляли явленіе новое въ Россіи; возникали они и въ прежнее время, но въ такомъ ничтожномъ числѣ, что въ 1857 г. такихъ городскихъ банковъ было не болѣе пятнадцати. Теперь всякій губернскій и значительная часть уѣздныхъ городовъ, даже нѣсколько

посадовъ и мѣстечекъ имѣютъ свои банки. Правительство въ 1862 г. издало нормальное для нихъ „Положеніе“ и министръ финансовъ, получивъ право утверждать ихъ уставы, не затруднялся дѣлать это безъ большихъ формальностей. Нѣкоторые изъ этихъ банковъ, отвѣчавшіе дѣйствительнымъ потребностямъ торговли и промышленности, процвѣли; другіе едва сводили концы съ концами и приносили основавшимъ ихъ городамъ не прибыли, а убытки. Само собою также разумѣется, что забиравшіеся на мѣста директоровъ въ такихъ банкахъ разныя коммерческія щуки не упускали случаевъ поживиться на счетъ общественнаго достоянія; но впрочемъ встрѣчались и банки съ честной администраціей. Только всюду эта администрація не любила контроля и по возможности не допускала его. Кругъ операцій городскихъ банковъ обыкновенно очень тѣсенъ и не потому, чтобы онъ былъ стѣсненъ „Положеніемъ“, которое, напротивъ, даетъ имъ широкій просторъ на всю Россію; нопотому, что директоры обыкновенно хлопочутъ банковыя деньги пристраивать у себя лично или въ кругу немногихъ пріятелей. Широтою своихъ операцій особенно прославился скопинскій банкъ, управляемый директоромъ Рыковымъ. Онъ принималъ вклады за очень высокіе проценты и, соотвѣтственно, бралъ съ заемщиковъ тоже немалые, но безъ

большихъ формальностей, а это русскимъ купцамъ всегда очень нравилось. Они и въ Петербургѣ волжско-камскій банкъ предпочитали государственному: „возьметъ онъ съ тебя, правда, много, да за то сейчасъ деньги въ руки и поручительствъ большихъ не нужно“ —это говорятъ спекуляторы, увѣренные, что ловкая, своевременная аффера покроетъ съ избыткомъ высокую плату за наемъ капитала. — Само собою разумѣется, что такіе „либеральные“ банки были всегда самыми близкими къ банкротству, и недавно кронштадтскій явилъ доказательство тому, раздавъ свои капиталы подъ самыя ненадежныя обязательства и „лопнувъ“ на нѣсколько милліоновъ рублей.

Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, основались такъ-называемыя городскія кредитныя общества, т. е. банки, принимающіе въ залогъ предметы городской недвижимой собственности и выдающіе за нихъ деньги, выручаемыя отъ продажи городскихъ облигацій. Этого рода банки суть самые солидные: ихъ облигаціи, выпускаемыя въ опредѣленномъ уставами количествѣ и подъ надзоромъ городскихъ управъ, стоятъ обыкновенно на биржахъ почти въ одной цѣнѣ съ государственными бумагами. Но по непрочности русской валюты они не представляютъ тѣхъ выгодъ для помѣщенія

капиталовъ, какъ банки краткосрочнаго, коммерческаго кредита или банки, производящіе обороты на металлическія деньги. Въ ихъ облигаціяхъ охотно помѣщали бы свои сбереженія разные *rentiers*, которыхъ классъ такъ увеличился въ Россіи за послѣднее время; но такое помѣщеніе представляетъ видимую опасность. Сто бумажныхъ рублей, которые городское кредитное общество очень аккуратно выплатитъ вкладчику капитала въ 2.000 рублей въ будущемъ году, какъ оно выплатило ихъ въ прошедшемъ, вовсе не будутъ имѣть той дѣйствительной стоимости, какъ два года тому назадъ. Русскій кредитный рубль напр. стоилъ въ 1875 году 320 сантимовъ, а въ 1878 едва 242 сантима: убытки для владѣльцевъ облигацій были огромные, не смотря на вѣрность дохода.

Эта зависимость всѣхъ русскихъ кредитныхъ операцій отъ колебаній основной единицы всѣхъ расчетовъ, разумѣется, неблагопріятно отзывалась нетолько на высотѣ доходовъ капиталистовъ, но и на учетномъ процентѣ, который въ русскихъ банкахъ постоянно на 2—3% выше, чѣмъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Конечно, послѣднее явленіе зависѣло, главнымъ образомъ, отъ рѣдкости въ Россіи капиталовъ по сравненію съ Англіею и Франціею; однако и дурные, притомъ постоянно падавшіе, курсы кредитнаго рубля

много ему содѣйствовали. Вотъ почему русская публика такъ усердно накинулась на тѣ немногія банковыя бумаги, которыя выпущены были въ металлической валютѣ. Главною изъ такихъ бумагъ, послѣ разныхъ государственныхъ фондовъ (особенно николаевскихъ облигацій и металлическихъ билетовъ госуд. банк.), явились закладные листы нѣкоторыхъ поземельныхъ банковъ, особенно русскаго общества взаимнаго поземельнаго кредита. Обезпеченные вообще поземельными имуществами, а въ названномъ обществѣ сверхъ того и пятимилліоннымъ вспомогательнымъ капиталомъ, даннымъ отъ правительства, закладные листы стояли вообще довольно высоко нетолько на русскихъ, но и на заграничныхъ биржахъ. Однако нужно замѣтить, что проценты, платимые по нимъ, отъ $6^1/4$ до 7% *) были очень высоки и очевидно не соразмѣрялись съ доходностью русскихъ земель, почему напр. въ Лондонѣ возникали сомнѣнія, можно ли допускать нѣкоторые изъ нихъ къ обращенію на мѣстной биржѣ, такъ какъ благонадежность ихъ очень условна. Покража слишкомъ двухъ милліоновъ, сдѣланная Юханцевымъ, заставила общество взаимнаго поземельнаго кредита подумать о выпускѣ своихъ листовъ

*) Напр. по листамъ общ. взаим. позем. кред. въ 1878 г. $6^1/_2$%, по листамъ харьковскаго земельнаго банка почти 7%; и это еще были выгоднѣйшіе для закладчиковъ имѣній.

въ кредитной валютѣ; но, облегчая такимъ образомъ заемщиковъ по реализаціи ими капиталовъ и уплатѣ процентовъ, это общество конечно уронитъ собственный кредитъ на заграничныхъ биржахъ и даже легко можетъ подпасть подъ эгиду спекулятивнаго центральнаго поземельнаго банка въ Петербургѣ, который для того и основанъ разными финансовыми акулами, чтобы понижать цѣну закладныхъ листовъ частныхъ поземельныхъ кредитныхъ учрежденій. А между тѣмъ на общество взаимнаго поземельнаго кредита приходится половина всѣхъ заложенныхъ въ Россіи имѣній.

Оказало ли существенныя услуги русскому помѣщичьему хозяйству учрежденіе поземельныхъ банковъ?—Конечно, во многихъ случаяхъ *да*; но въ общемъ этого сказать нельзя. Помѣщики, раззоренные крестьянскою реформою 1861 г., не имѣя своихъ рабочихъ орудій для воздѣлыванія полей, почти немедленно по освобожденіи ихъ крѣпостныхъ стали имъ же раздавать оставшіяся за надѣломъ земли въ наемъ по клочкамъ. Это вошло въ обычай, и когда наконецъ черезъ 5—10 лѣтъ послѣ реформы начали возникать поземельные банки, то о возстановленіи прежнихъ большихъ земледѣльческихъ хозяйствъ не могло быть и рѣчи. Деньги подъ залогъ имѣній занимались не столько для этого возстановленія, сколько для

перехода къ какой-нибудь другой промышленности, а чаще всего для удовлетворенія однихъ текущихъ потребностей жизни. Отсюда —довольно частыя несостоятельности, продажа имѣній съ аукціона и переходъ ихъ въ руки людей, вовсе незнакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ *) и имѣющихъ въ виду одно: извлечь по возможности скорѣе все, что можно, изъ поземельныхъ угодій, а землю раздать по участкамъ въ наймы либо прямо крестьянамъ, либо арендаторамъ, которые тоже сами земледѣліемъ не занимаются, и потому передаютъ обработку полей крестьянамъ же, съ надбавкою къ арендной платѣ 50-100%. Въ самое послѣднее время началась реакція противъ этихъ хищническихъ порядковъ, и нѣкоторые изъ коренныхъ помѣщиковъ вернулись изъ городовъ и даже изъ-за границы въ свои деревни. Поземельные банки именно имъ-то и оказываютъ услуги. И какъ помѣщичье земледѣліе нынѣ возможно только на плодородной черноземной почвѣ, то и всѣ земельные банки возникли только въ южной половинѣ европейской Россіи, отъ Тулы до Одессы и Саратова. Польша издавна уже имѣ-

*) Вотъ напр. свѣдѣнія за 1874-78 годы о продажѣ дворянскихъ имѣній въ елисаветградскомъ уѣздѣ: всего за 5 лѣтъ продано 75 имѣній, содержащихъ 25.664 десятины земли; изъ нихъ едва четвертая часть куплена крестьянами, а три четверти евреями.

етъ прекрасное учрежденіе, товарищество поземельнаго кредита; оно спасло мѣстныхъ помѣщиковъ отъ раззоренія, которое многимъ изъ нихъ грозило послѣ возстанія 1863 и крестьянской реформы 1864 года. Но Россія-собственно не можетъ еще устроить кредитныхъ учрежденій по польскому образцу, потому что въ ней не введены гипотеки, не смотря на то, что вопросъ о нихъ поднимался неразъ.

Почти одновременно съ первыми поземельными банками для цѣлей помѣщичьяго хозяйства возникли на русской почвѣ кредитныя учрежденія и для надобностей простаго сельскаго люда, т. е. крестьянъ. Дѣло это съ самаго начала было ведено по частному почину и успѣхами своими свидѣтельствуетъ, что русское общество, даже въ самыхъ неразвитыхъ, отсталыхъ разрядахъ своихъ, способно найдти въ себѣ достаточно умѣнья, чтобы пересадить на родную почву такія общественныя учрежденія, которыя на Западѣ выработались изъ многолѣтняго, тяжелаго опыта. Какъ именно оно развивалось, видно изъ слѣдующихъ словъ „Отчета комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ“, изданнаго въ 1873 году и позднѣе дополнявшагося почти каждогодно другими подобными же:

Отсутствіе у насъ народнаго кредита и развитіе, которое онъ принялъ въ западной Европѣ въ видѣ ссудныхъ товариществъ, навели помѣщика костромской губерніи С. Ѳ. Лугинина на мысль примѣнить на практикѣ къ сельскому населенію въ Россіи начала, выработанныя для Германіи Шульце-Деличемъ. Ознакомясь подробно съ нѣмецкими товариществами во время одной изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ, Лугининъ глубоко обдумалъ и тѣ условія, при которыхъ они оказывались возможными у насъ, и для перваго опыта выбралъ имѣніе своего отца въ рождественской волости, лежащей среди необозримаго пространства лѣсовъ въ сѣверовосточномъ углу костромской губерніи, въ 40 верстахъ отъ города Ветлуги. Съ энергіею принялся онъ за дѣло и весною 1864 года успѣлъ убѣдить 21 лицо подписать составленный имъ уставъ ссуднаго товарищества. Въ числѣ этихъ подписавшихся лицъ были: священникъ Алексѣй Соколовъ, 7 человѣкъ служащихъ при конторѣ имѣнія, 12 крестьянъ и 1 отставной унтеръ-офицеръ. Уставъ этотъ былъ посланъ на утвержденіе правительства и, послѣ болѣе чѣмъ годовыхъ странствованій по канцеляріямъ, наконецъ вернулся въ концѣ 1865 г. въ Рождественно, и хотя не засталъ уже Лугинина въ живыхъ, но былъ приведенъ въ дѣйствіе. Первое общее собраніе членовъ рождественскаго ссудо-сберегательнаго товарищества состоялось 16 іюля 1866 года, а 1 августа того же года оно открыло свои дѣйствія.

Оно дѣйствовало уже въ теченіе двухъ лѣтъ, когда газета „Москва“, излагая результаты его дѣятельности, обратила на него общее вниманіе. Послѣдствіемъ этого было, что многія земскія управы въ августѣ 1868 г. обратились въ Ветлугу за уставомъ рождественскаго товарищества и за разными другими о немъ свѣдѣніями. Въ началѣ слѣдующаго

1869 г. появилась книга А. В. Яковлева „о народномъ кредитѣ въ западной Европѣ и въ Россіи“, а въ концѣ того же года Н. П. Колюпанова „практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ“. Обѣ эти книги, идя къ той же цѣли, ратуя за одно и то же начало—необходимости и возможности устройства у насъ на твердыхъ началахъ народнаго кредита,—восполняли одна другую изложеніемъ отдѣльныхъ сторонъ того же вопроса. Съ своей стороны и правительство обратило вниманіе на возможность ссудныхъ товариществъ, и законъ 21 марта 1869 г. предоставилъ, въ видахъ возможности распространенія народныхъ кредитныхъ учрежденій, министру финансовъ, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, собственною властью утверждать уставы товариществъ, составляемые по образцу рождественскаго, и разрѣшать открытіе подобныхъ учрежденій.

Примѣръ Лугинина нашелъ послѣдователей. Весною 1870 г. учреждено было, совершенно самостоятельно, священникомъ(!) П. Воиновымъ воиновское ссудо-сберегательное товарищество въ тульской губерніи и княземъ В. Оболенскимъ—ястребинское въ петербургской. Изъ земствъ первымъ взялось за устройство подобныхъ товариществъ новгородское, которое въ одномъ 1870 году создало семь сельскихъ банковъ. Въ слѣдующемъ 1871 г. московское общество сельскаго хозяйства рѣшило выработать программу для организаціи и дѣятельности особаго комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, а также сочи-

нить образцовый для нихъ уставъ. Послѣдній хотя несовсѣмъ походилъ на выработанный въ то же время въ Петербургѣ, въ министерствѣ финансовъ, образцовый уставъ, однако очень подвинулъ дѣло организаціи мелкаго земельнаго кредита, и вотъ къ концу 1872 года мы видимъ уже въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи открытыми 153 ссудо-сберегательныя товарищества, а въ 1873 названный выше комитетъ обнародовалъ отчетъ о ихъ дѣятельности. Отчеты подобнаго же содержанія появлялись и въ слѣдующіегоды, при чемъ постоянно оказывалось, что число сельскихъ банковъ быстро растетъ, а обороты ихъ увеличиваются. Въ 1876 г. два важнѣйшіе дѣятеля по организаціи мелкаго земельнаго кредита въ Россіи, князь А. И. Васильчиковъ и А. В. Яковлевъ обнародовали прекрасное изслѣдованіе о его значеніи, и изъ него мы видимъ, что развитіе подобнаго кредита именно въ нашемъ отечествѣ особенно важно, потому что можетъ спасти его отъ образованія многочисленнаго сельскаго пролетаріата, который уже началъ появляться повсюду. *) Къ концу 1876 года

*) Къ сожалѣнію, уставы большей части существующихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ недовольно приноровлены къ достиженію этой цѣли. Руководствуясь вѣроятно смысломъ притчи о 10 талантахъ, они открываютъ кредитъ только имущимъ; крестьяне же истинно-нуждающіеся въ деньгахъ, бѣдные, съ трудомъ могутъ доставать изъ нихъ ссуды. Отсюда

всѣхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Россіи было 760, а обороты только 564-хъ изъ нихъ, о которыхъ имѣлись свѣдѣнія, простирались до 34.173.367 рублей. Эти 564 товарищества содержали слишкомъ 120.000 членовъ *) и были особенно многочисленны и многолюдны въ губб. новгородской, псковской, смоленской, тверской, рязанской, московской, петербургской, вятской и пермской, т. е. вообще на сѣверѣ Россіи, тогда какъ земельные банки для помѣщичьяго хозяйства, какъ мы уже замѣтили, основались почти исключительна югѣ.

Набросавъ такимъ образомъ самыя общія, самыя выдающіяся черты разныхъ учрежденій, основанныхъ на кредитѣ, сдѣлаемъ, по принятому обычаю, нѣсколько заключеній о нихъ:

1) Ни въ одну изъ предшествовавшихъ эпохъ русской исторіи не было ничего не только подобнаго, но даже только подходящаго къ такому широкому развитію общественнаго кредита въ Россіи. Это явленіе въ высшей степени характеристическое для времени меж-

рядъ злоупотребленій со стороны разныхъ сельскихъ воротилъ. кулаковъ и міроѣдовъ, успѣвающихъ пускать банковые деньги въ раздѣлъ между собою. См. разборъ недостатковъ сельскихъ банковъ въ От. Зап. 1878 г. № 12.

*) Въ 1877 г. было уже извѣстно существованіе 1030 товариществъ съ 131.450 членами.

ду концомъ крымской войны и берлинскимъ миромъ, при чемъ первая половина этого 23-лѣтняго періода отличается основаніемъ преимущественно пароходныхъ и разныхъ промышленныхъ обществъ, вторая—желѣзнодорожныхъ и банковыхъ.

2) Значительная часть крупныхъ акціонерныхъ и банковыхъ учрежденій отличилась крупными безпорядками въ управленіи дѣлами и хищничествомъ, которое обнаружили преимущественно тѣ лица, которымъ участники въ предпріятіяхъ предоставляли веденіе дѣлъ. Благодаря этому высокому положенію воровъ, они по большей части оставались ненаказанными.

3) Въ Россіи возникли и утвердились кредитныя учрежденія, основанныя на взаимномъ ручательствѣ лицъ кредитующихся, при чемъ эта форма кредита стала принадлежностью какъ крупныхъ банковыхъ учрежденій, ворочающихъ милліонами, такъ и самыхъ мельчайшихъ.

4) Образовалось множество ссудо-сберегательныхъ банковъ между сельскимъ населеніемъ, которое прежде вовсе не знало кредитныхъ учрежденій.

5) Всѣ эти учрежденія мелкаго поземельнаго кредита и большая часть крупныхъ банковъ и акціонерныхъ предпріятій устроились по почину частныхъ лицъ или обществъ,

иногда впрочемъ съ участіемъ или подъ руководствомъ правительства. Участіе послѣдняго всегда невыгодно отзывалось на государственномъ казначействѣ. Оно обусловливалось обыкновенно интересами нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, бывшихъ въ долѣ съ основателями предпріятій и имѣвшихъ достаточно вліянія, чтобы втянуть въ участіе въ ихъ дѣлѣ безотвѣтную казну.

Послѣднее явленіе, разумѣется, будетъ неизбѣжно имѣть мѣсто пока государственное хозяйство не станетъ прочно подъ гласный контроль общества, т. е. пока не будетъ положенъ предѣлъ господству „непогрѣшимыхъ“ абсолютной верховной власти и окружающей ее бюрократіи.

Перемѣны въ экономическомъ бытѣ народа.

Какъ ни кратки, или даже поверхностны четыре предыдущіе очерка наиболѣе отличительныхъ для нашего времени явленій экономической жизни Россіи; но они все таки могутъ быть названы монографіями, которыя изображаютъ лишь отдѣльныя группы экономическихъ фактовъ, а не цѣлостную картину сказанной жизни. Между тѣмъ для характеристики каждой исторической эпохи важнѣе всего узнать общій обликъ ея, найдти ту равнодѣйствующую, которая возникла изъ одновременнаго дѣйствія всѣхъ слагающихъ, дѣйствовавшихъ въ данное время. Начертаніе подобнаго облика есть вѣнецъ труда статистика или историка-экономиста, и чтобы достигнуть этой цѣли онъ, конечно, долженъ показать, на сколько новыя начала экономической жизни проникли въ разныя части націи, въ ея географическія, этнографическія и со-

словныя группы, въ ея общественный и домашній бытъ. По отношенію къ Россіи, чрезвычайно обширной и очень разнородной по составу населенія, эта задача намъ кажется невыполнимою, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи источниковъ нашего знанія и степени ихъ разработки; а потому мы позволяемъ себѣ, для наглядной характеристики перемѣнъ въ экономическомъ бытѣ нашего отечества съ 1855 года, ограничиться представленіемъ лишь краткихъ набросковъ того, чѣмъ онѣ являлись около времени заключенія берлинскаго мира. Вѣроятно читатели при этомъ не посѣтуютъ, если мы, для достиженія указанной цѣли, будемъ часто прибѣгать къ выпискамъ изъ трудовъ писателей-очевидцевъ, которыхъ наблюдательность и безпристрастіе заслуживаютъ довѣрія: наглядность изложенія отъ этого можетъ только выиграть.

Россія есть государство по преимуществу земледѣльческое; поэтому перемѣны въ объемѣ и направленіи ея сельскаго хозяйства больше всего вліяютъ на измѣненіе экономическаго облика страны. Въ этомъ отношеніи очень важно для характеристики нашего времени замѣтить расширеніе области хлѣбопашества къ юго-востоку отъ прежняго его района. Сѣять хлѣбъ принялись киргизы семипалатинской, акмолинской и тургайской областей, калмыки астраханской губерніи и земли вой-

ска донскаго, казаки уральскіе, вновь водворенные за Кубанью русскіе и нѣмцы, въ общемъ итогѣ масса людей въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ. Ихъ труды по обработкѣ полей не только измѣнили видъ многихъ мѣстностей, но и всю экономическую жизнь какъ ихъ самихъ, такъ и сосѣдей. Киргизы напр., долгое время питавшіеся исключительно произведеніями скотоводства, стали ѣсть хлѣбъ; они, презиравшіе осѣдлую жизнь, стали устраивать не только загоны для скота, гдѣ заготовляется на зиму сѣно, но и правильныя усадьбы для собственнаго житья. Какіе-нибудь султаны Букашъ или Валихановъ, родившіеся и воспитанные подъ переносной юртой, теперь суть настоящіе помѣщики, обитающіе въ домахъ. —Вотъ что говоритъ Чаславскій о кочевникахъ юго-восточнаго угла европейской Россіи:

Лучшія земли, принадлежащія этимъ кочевникамъ, живущимъ по преимуществу скотоводствомъ, прилегаютъ къ уже осѣдлымъ и земледѣльческимъ мѣстностямъ, и вблизи послѣднихъ-то происходитъ постепенное осѣданіе самихъ кочевниковъ и водвореніе земледѣлія. У киргизовъ Букеевской орды земледѣліе начало распространяться около 1870 года, и посѣвы у нихъ все болѣе увеличиваются. Калмыки астраханской губерніи начали пахать еще раньше: уже въ 1863 году у нихъ сѣялись хлѣбъ, табакъ и горчица. У калмыковъ въ области донскаго войска земледѣліе появилось еще раньше, и въ 1868 у нихъ насчитывался 261 плугъ, а теперь земледѣліе и очень

усилилось, особенно посѣвы льна и пшеницы. На зимовникахъ все болѣе и болѣе строются дома и хозяйственныя зданія... Въ землѣ уральскаго войска земледѣліе также развилось въ послѣднее время и теперь посѣвы хлѣба, спускаясь все болѣе и болѣе на югъ, доходятъ уже чуть не до половины разстоянія между Уральскомъ и Гурьевымъ; между тѣмъ менѣе чѣмъ 35 лѣтъ назадъ хлѣбопашество въ этой странѣ было совершенно ничтожно; казаки жили преимущественно скотоводствомъ и рыбной ловлей.

Въ землѣ терскихъ казаковъ развитіе хлѣбопашества потребовало устройства большихъ оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Терека. Еще болѣе земледѣліе сдѣлало успѣховъ въ областяхъ кубанской и донской.

Изъ первой теперь вывозятся значительныя массы хлѣба и льнянаго семени за границу, и этотъ успѣхъ сдѣланъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ..... Водворилось частное землевладѣніе, и нѣкоторые изъ пришлыхъ съ сѣвера крестьянъ поселяются на частныхъ земляхъ въ видѣ постоянныхъ жильцовъ и арендаторовъ. Овцеводы болѣе и болѣе заводятъ свои хутора и запашки; у нихъ, конечно, заводятся и постоянные рабочіе. Рядомъ съ этимъ земли начинаютъ сниматься разными спекулянтами, которые или также устраиваютъ на нихъ хутора, или раздѣляютъ землю по частямъ на распашку пришлымъ крестьянамъ за деньги или за обработку десятины за десятину. И здѣсь, въ этой молодой и просторной странѣ, обрысовывается уже начало тѣхъ порядковъ, которые существуютъ въ Заволжьѣ и Новороссіи... Въ землѣ войска донскаго съемка земель и сдача ихъ по мелочамъ приходящимъ изъ другихъ

губерній крестьянамъ, спекуляціи на посѣвъ развились еще шире. Но въ замѣнъ того хлѣбопашество у туземныхъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, очень упало. Получивъ крайне скудные надѣлы, эти крестьяне едва-едва перебиваются изъ-за куска хлѣба. Постоянная мечта донскаго крестьянина — какъ бы переселиться въ степи, гдѣ еще есть свободныя земли. Послѣ обнародованія положенія 19 февраля 1861 г. много этихъ крестьянъ ушло на Эргени. Изъ оставшихся уже въ 1868 г. вовсе не имѣли земель 9.787 человѣкъ, потому что хлѣбопашество на истощенныхъ мелкихъ надѣлахъ стало безцѣльнымъ, убыточнымъ.....

Таковы наиболѣе выдающіяся перемѣны въ экономическихъ судьбахъ юго-восточной Россіи, вовсе незнающей мануфактурной промышленности и заселенной слабо и мѣстами очень недавно. А вотъ краткая характеристика экономическаго быта одной изъ сѣверо-восточныхъ провинцій, именно вятской губерніи, гдѣ встрѣчаются уже заводы и фабрики, могущіе доставлять крестьянамъ работу въ зимнее время. Она извлечена нами изъ мемуара Верхокамскаго, обнародованнаго въ 1878 году и основаннаго на самомъ многосторонемъ изученіи данныхъ.

Государственные и земскіе налоги въ вятской губерніи падаютъ на каждую ревизскую душу въ количествѣ 7 р. 88 к. Если сюда присоединить еще страховые и мірскіе платежи, то вся подушная подать будетъ 8 руб. 20 к. Чтобы составить ясное представленіе о величинѣ этой подати, нужно знать,

какую часть составляетъ она относительно всего валоваго земледѣльческаго дохода? На каждую ревизскую душу собирается озимаго и яроваго хлѣба, круглымъ числомъ, 77½ пудовъ, на сумму 31 руб. Такимъ образомъ подать въ 8 р. 20 к. составляетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ четвертую часть *валоваго* земледѣльческаго дохода (точнѣе 29%). Но если считать только одинъ чистый доходъ, который пріобрѣтается крестьяниномъ отъ земледѣлія, то результатъ получится на столько чудовищный, что ему трудно повѣрить. Въ самомъ дѣлѣ: при доходности вятской десятины въ 1 р. 1 к., мѣстный государственный крестьянинъ платитъ съ десятины 1 руб. ½ коп., удѣльный—1 р. 8 к. и помѣщичій—2 р. 8 коп. Слѣдовательно, чистой прибыли за всю свою работу государственный крестьянинъ получаетъ съ десятины только ½ коп., а удѣльный и помѣщичій несутъ убытки. Общее количество податей въ 1858 году простиралось въ вятской губерніи до 3.000.000; теперь оно достигло до 7.000.000. Если принять во вниманіе, что количество земли на ревизскую душу уменьшилось (напр. въ глазовскомъ уѣздѣ съ 14 дес. на 9), цѣна на хлѣбъ осталась та же самая въ 1868 г., что была въ 1860 г., то понятно, что такое увеличеніе податей должно было невыгодно отразиться на экономическомъ бытѣ вятскаго края. Въ самомъ дѣлѣ, въ сороковыхъ годахъ вятскіе крестьяне были настолько состоятельны, что выплачивали подати всѣ сполна; но съ ратническаго года (1855—56) стали появляться недоимки, которыя постоянно растутъ, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ	1858 г.	ихъ было	73.000 руб.
„	1864	—	387.408 „
„	1865	—	580.069 „
„	1874	—	1.837.942 „

И отнюдь нельзя сказать, что недоимки возрастали потому, что взыскиваются полиціей и волостными правленіями недовольно энергично и пунктуально. Напротивъ. Вотъ напр. въ слободскомъ уѣздѣ, по постановленію земскаго собранія 1875 г., подвергнуто было въ одной трушниковской волости тѣлесному наказанію розгами 400 человѣкъ, т. е. почти половина всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, и недоимки все-таки были невзысканы, потому что трушниковцы настолько бѣдны, что на 10 жителей приходится только по одной овцѣ, коровѣ и лошади. Въ кайгородовской волости пересѣчено было почти поголовно все мужское населеніе, 1329 человѣкъ, и недоимки все-таки невзысканы. Въ гидаевскомъ приходѣ того же слободскаго уѣзда при одной изъ подобныхъ экзекуцій одинъ крестьянинъ былъ высѣченъ такъ, что черезъ три дня умеръ..... Чтобы избавиться отъ такихъ истязаній, что же дѣлаетъ вятскій мужикъ? А *онъ не допиваетъ и не додаетъ*: способъ удобный въ томъ отношеніи, что на него ненужно спрашивать ничьего разрѣшенія...

То, что относится до состоянія крестьянскихъ хозяйствъ въ вятской губерніи, можетъ быть безъ большихъ перемѣнъ отнесено къ большей части восточно-русскихъ губерній, лишенныхъ доселѣ хорошихъ путей сообщенія. Но, быть можетъ, въ замѣнъ того западныя и среднія губерніи представляютъ картину улучшенія сельскаго хозяйства, этой основы экономическаго быта націй?—Въ отвѣтъ на это приведемъ выдержки изъ статьи Варзера о евреяхъ-арендаторахъ въ черниговской губерніи.

Нѣтъ точныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о возрастаніи числа еврейскихъ арендъ въ нашемъ краѣ: общій голосъ говоритъ и каждому видно, что это число растетъ, что евреи все болѣе и болѣе переходятъ изъ городовъ въ села, находятъ сельскую жизнь привольнѣе городской, захватываютъ земли, аренды, сельскую торговлю и грозятъ наконецъ совершенно наводнить села. Въ 1877 году въ черниговскомъ уѣздѣ изъ 69 арендаторовъ 22 были евреи, которые снимали 41 ½% всѣхъ арендованныхъ земель; въ борзнинскомъ ихъ было 10 изъ 38, и они снимали 42% арендныхъ участковъ. Конечно, это все еще менѣе, чѣмъ напр. въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи, гдѣ двѣ трети помѣщичьихъ имѣній находятся въ арендѣ у евреевъ; но и 42% достаточно, чтобы хищная рука арендаторовъ израильтянъ чувствовалась на всемъ... Присматриваясь къ началу, къ возникновенію каждой еврейской аренды, мы замѣтимъ во-первыхъ, что самыя условія сдѣлокъ носятъ особый характеръ. Можно сказать безъ риска, что изъ 10 случаевъ въ 2—3-хъ это арендованіе производится по старымъ счетамъ запутавшагося владѣльца. Здѣсь или уплата идетъ за старые векселя, или владѣлецъ, крайне нуждающійся въ деньгахъ, получаетъ плату впередъ за годъ, за два; словомъ, аренда еврею—вынужденная сдѣлка; еврей знаетъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; онъ давно подстерегалъ свою добычу. Затѣмъ еврей арендаторъ не то, что нѣмецъ, полякъ или русскій; тѣ смотрятъ на аренду съ точки зрѣнія хозяйственныхъ выгодъ, онъ же почти исключительно арендуетъ имѣніе того села, гдѣ былъ нѣсколько лѣтъ шинкаремъ, гдѣ онъ знаетъ каждаго мужика, его семью, его нужды, его слабости, гдѣ онъ знаетъ все насквозь, и его цѣль—*эксплуатація человѣка и человѣческихъ отношеній*,

а не земледѣліе... Срокъ, на который обыкновенно арендуетъ еврей имѣнія, очень коротокъ, всего чаще три года, рѣже шесть лѣтъ.“ Теперь, каковы же результаты этого порядка вещей?—А вотъ каковы: „Поѣзжайте вдоль и поперегъ по черниговской губерніи, и если вы гдѣ-нибудь встрѣтите то зрѣлище хозяйственной неряшливости и запустѣнія, отъ котораго невольно болитъ душа каждаго хозяина, не спрашивайте,—вамъ навѣрно скажутъ: это — еврейская аренда. Если вы встрѣтите напр. печальную картину поруба, чахлаго кустарника или уже распаханнаго и выпаханнаго лѣса, по которому кружатся песчаные вихри, засыпая окружныя поля,— не спрашивайте, кто сразу вычерпалъ это лѣсное богатство, накопленное вѣками: это навѣрно арендаторъ-еврей. Если вы встрѣтите помѣщичью усадьбу еще по видимому жилую, но уже носящую всѣ признаки смерти,—не спрашивайте, кто на топливо растаскалъ сарай и заборъ, кто подрубилъ фруктовыя деревья, по чьей винѣ сожжена рига,—все это еврейская аренда. Если вы встрѣтите ниву съ неравной стрижкой сжатаго хлѣба или увидите запаханное поле съ неправильно-рѣдко проведенными сохой бороздами, не спрашивайте, почему это такъ дурно сжато, а это плохо запахано: все это сдѣлано за отработки, лишь бы сдѣлать какъ нибудь; это — еврейская аренда.

Такъ-какъ число евреевъ-арендароровъ за все время съ 1861 года постоянно расло во всей юго-западной Россіи, то понятно, въ какомъ смыслѣ измѣнилась экономическая физіономія многихъ мѣстностей этого богатаго отъ природы края. Но впрочемъ, почти въ томъ же родѣ измѣнилась и средняя Россія.

Вотъ напр. какъ художественно изобразилъ ея экономическую метаморфозу Салтыковъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ очерковъ современной провинціальной жизни:

Съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщиками овладѣло какое-то страстное желаніе ликвидировать. Безденежье, неумѣлость, неприготовленность, гнетъ старыхъ привычекъ и пріемовъ—все соединилось, чтобы поддерживать въ нихъ это стремленіе. Выраженіе: „у насъ все свое, некупленное“ сдѣлалось уже преданіемъ. Теперь у всѣхъ все купленное, и притомъ въ три дорога, потому что сдѣлать нужныя закупки оптомъ, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ нѣтъ средствъ, а мѣстный торговецъ монополистъ на все назначаетъ цѣну „по душѣ“. Доходы же приходится собирать двугривенными и пятаками, да при этомъ имѣть еще разговоръ съ мировымъ судьей. Какъ будто впервые всѣхъ поразила мысль, что существуетъ какой-то процессъ, безъ котораго пашня не производитъ хлѣба, лугъ—травы. Прежде все это производилось безъ всякаго процесса, такъ какъ то само-собою; теперь—нѣтъ. Побьется, побьется помѣщикъ и придетъ къ убѣжденію, что единственный для него выходъ—ликвидировать. А такъ какъ помѣщикъ здѣсь изстари былъ властелиномъ лѣсовъ, полей, луговъ и всего, что на землѣ, и всего, что подъ землею, то и выходитъ, что какъ будто вся мѣстность разомъ ликвидируетъ..... Въ настоящее время все составляетъ бремя для помѣщика: и вода, и небо, и земля и даже собственный, приходящій въ разрушеніе домъ. Пашни лежатъ запустѣлыми, потому что хотя и пробовали на первыхъ порахъ, пахать, но напахали себѣ въ карманъ и бросили. Луга заѣзжены и потравлены, потому что прежнее

властное слово „не смѣть“! никого ужь не сдерживаетъ. Пустоши никому не нужны и поросли чортъ знаетъ чѣмъ. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ иного спасенія, какъ ликвидація. Но вопросъ: какъ ликвидировать? Продать землю? — за нее даютъ грошъ, да и тотъ съ разсрочкой. Воспользоваться выкупною ссудой? — она давно уже пущена въ оборотъ на поправку старинныхъ помѣщичьихъ легкомысленностей. И вдругъ всѣ какъ-то разомъ прозрѣли; нашлась статья настоящая, серьезная — лѣса. Лѣса здѣсь (по верхней Волгѣ) были сплошные, береженые, на лѣсъ не было покупателя, потому что нечего было съ нимъ дѣлать. Лѣсомъ исключительно и притомъ безпошлинно пользовались крѣпостные крестьяне, которые курили смолу, сидѣли деготь, дѣлали кадки, чашки, ложки и другой щепной товаръ. Теперь въѣздъ въ помѣщичій лѣсъ крестьянамъ возбраненъ, лѣсной промыселъ палъ, и конечно надолго остался бы лѣсъ мертвымъ капиталомъ и для помѣщиковъ, и для края, если-бъ на выручку не подоспѣли желѣзныя дороги, которыя значительно приблизили пункты сбыта. Вмѣстѣ съ первымъ слухомъ о желѣзныхъ дорогахъ появились и личности изъ мѣстныхъ прасоловъ, кабатчиковъ, бывшихъ прикащиковъ, бурмистровъ и прочаго деревенскаго дѣловаго люда, которыя начали неутомимо разъѣзжать на бѣговыхъ дрожкахъ отъ помѣщика къ помѣщику, предлагая свое содѣйствіе по устройству ликвидаціи. Помѣщики ободрились. „Продать, продать“! завопили они хоромъ; „продать и затѣмъ бѣжать“!

Я ѣду и положительно ничего не узнаю. Вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ стояла сплошная стѣна лѣса; теперь по обѣимъ сторонамъ дороги лежатъ необозримыя пространства, покрытыя пеньками. Помѣщикъ зря продалъ лѣсъ; купецъ зря

рубилъ его; крестьянинъ зря выпустилъ на порубку стадо. Никому ничего не жалко; никто не заглядываетъ въ будущее; всякій спѣшитъ сорвать все, что въ данную минуту сорвать можно. И вотъ, давно ли началась эта вакханалія, а окрестность уже имѣетъ обнаженный, почти безнадежный видъ. Пеньки, пеньки и пеньки; кой гдѣ тощій лознякъ.

—Не хороши наши мѣста стали, неприглядны, говоритъ мой спутникъ, старинный житель этой мѣстности, знающій ее какъ свои пять пальцевъ: покуда лѣса были цѣлы—жить было можно, а теперь словно послѣднія времена пришли. Скоро ни гриба, ни ягоды, ни птицы—ничего не будетъ. Пошли сиверки, холода, бездождица; земля трескается, а пару не даетъ. Шутка сказать, май въ половинѣ, а изъ полушубковъ не выходимъ!

И точно: холодный вѣтеръ пронизываетъ насъ насквозь, и мы пожимаемся, не смотря на то, что небо безоблачно и солнце заливаетъ блескомъ окрестные пеньки и побѣлѣвшую прошлогоднюю отаву, сквозь которую чуть-чуть пробиваются свѣжія травинки. Вотъ вамъ и радостный май!

Въ этомъ художественномъ очеркѣ физіономіи верхняго поволжья нѣтъ однако, для оживленія пейзажа, людей. Этотъ недостатокъ впрочемъ легко пополнить, напр. слѣдующею журнальною корреспонденціею изъ Великихъ Лукъ, города сосѣдняго верхней Волгѣ и находящагося, вмѣстѣ съ своимъ уѣздомъ, почти въ тѣхъ же экономическихъ условіяхъ, какъ Осташковъ, Зубцовъ и т. п. Въ 1874 году, по случаю накопившихся на мѣстныхъ крестьянахъ недоимокъ, въ Великіе Луки была

прислана коммиссія для изслѣдованія причинъ этого явленія, которое петербургской бюрократіи, разумѣется, казалось происходящимъ отъ недостатка энергіи у мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ, предназначенныхъ ко взысканію податей. Коммиссія нашла, что за нѣкоторыми крестьянами числится недоимокъ по 40 р. съ души, что ни въ одной деревнѣ крестьянамъ не хватаетъ хлѣба для собственнаго продовольствія, что крестьянскія поля остаются почти безъ удобренія, потому что число скота уменьшилось; что крестьяне нерѣдко обязаны уплачивать съ отведенной имъ дурной земли по 2 р. съ десятины, тогда какъ при вольномъ наймѣ за нее нельзя получить и 50 копѣекъ, и т. п. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій нѣсколько деревень согласились не вносить въ казну выкупныхъ платежей, а другія самовольно уменьшили ихъ на половину. Это привело въ большое негодованіе чиновниковъ министерства финансовъ.

Да и было отъ чего прійдти, пишетъ корреспондентъ. Представьте себѣ: пріѣзжаетъ коммиссія въ одну деревню 2 участка, неплатившую выкупныхъ денегъ съ начала шестидесятыхъ годовъ. Сзываютъ крестьянъ. „Почему не платите?“ — Да не за что: земля дурная. — „Ахъ братцы, увѣщеваетъ міровой посредникъ, да вѣдь вы сами же согласились платить вмѣсто 8 рублей 3; значитъ, земля стоитъ же 3 рублей; отчего же вы ихъ-то не вносите?“ — „Нѣтъ,

видимъ теперь, что и трехъ рублей не стоитъ; не изъ чего ихъ платить."—Чиновникъ отъ министерства вспылилъ. „Ахъ вы такіе-сякіе; да какъ вы смѣете это говорить. Вы думаете, это вамъ даромъ пройдетъ: нѣтъ, отъ васъ землю отберутъ."—А и бери себѣ ее на здоровье, коли тебѣ она нужна, а намъ ея не надо, равнодушно отвѣчаютъ ему крестьяне.—„Не только землю отберутъ, продолжаетъ чиновникъ, но васъ самихъ въ арестантскія роты сошлютъ: вы должны будете тамъ отработать все, что задолжали правительству: не дарить же оно вамъ станетъ."—Въ арестантскія роты? А и въ арестантскія роты нешто; по крайности тамъ кормятъ и одѣваютъ; хоть съ голоду не околѣешь. Пущай себѣ хоть въ арестантскія роты, а платить все же не изъ чего.—„Каковы варвары!" говорилъ мнѣ чиновникъ, „даже *свободой* не дорожатъ!...."

Чтобы понять, отчего крестьяне верхняго поволжья и сосѣднихъ мѣстностей не дорожатъ не только своими землями, но и такъ-называемой свободой, возьмемъ другую корреспонденцію, нѣкоего г. А. Е. Р., въ Голосѣ 1874 года. Онъ исчисляетъ приходы и расходы крестьянской семьи средней зажиточности въ валдайскомъ уѣздѣ. Семья состоитъ изъ отца 35 лѣтъ, матери 30 лѣтъ, сына 13 и дочери 11 лѣтъ. Она владѣетъ 11 десятинами земли, изъ которыхъ около 2 д. плохаго лѣсу или зарослей, да столько же болота, на которомъ растетъ плохая жесткая трава; кромѣ того у нея есть одна лошадь, двѣ коровы, четыре овцы и шесть куръ съ пѣтухомъ.

Земледѣльческое хозяйство ея, разумѣется, трехпольное. Вотъ ея годовой бюджетъ:

На всю семью нужно въ день двѣнадцать фунтовъ хлѣба, часть котораго, конечно, замѣняется соотвѣтствующими по питательности крупами. Такимъ образомъ въ годъ требуется 2.620 ф. или 73 пуда ржаной муки. По мѣстнымъ цѣнамъ (75 к. за пудъ) это составляетъ 54 р. 75 к. Соли нужно по 12 ф. на мѣсяцъ, такъ-какъ черный хлѣбъ безъ соли съѣдается съ трудомъ; да нужно же иногда дать соли и скоту; это даетъ въ годъ 2 р. 88 к., а всего, стало быть, на харчи 57 р. 63 к. — За этими расходами на прокормленіе слѣдуютъ подати. Всѣхъ платежей въ дер. Иловатикѣ сходитъ съ души 11 р. 75 к. въ годъ; за двѣ мужскія души нашъ Антонъ платитъ 23 р. 50 к. И не заплатить этого нельзя подъ страхомъ жесточайшей порки. Вѣдь въ прошломъ году сосѣда Анисима чуть живаго на рогожѣ понесли; а 100-150 розогъ даются сплошъ и рядомъ.— И такъ на харчи и подати нужно 81 руб. 13 коп. Но это далеко еще не все. Предметы хозяйства и орудія работы требуютъ починокъ, а иногда и возобновленія. Содержаніе въ исправности телѣги обходится не менѣе 2 руб. въ годъ; лошадь подковывается только зимою, по 20 к. съ ноги, что и даетъ за зиму 1 р. 20 к. Два раза въ годъ нужно наострить въ кузницѣ лемеши сохи, по 15 к. за разъ, всего 30 к. Мужъ и жена оба косятъ; поэтому каждому нужно по косѣ, которая обыкновенно служитъ лишь 2 года, что даетъ 50 коп. ежегоднаго расхода. Серповъ надо четыре, потому что и дѣти жнутъ, и они перемѣняются ежегодно: 4×20=80 коп. На возобновленіе лопатъ, вилъ, горшковъ, квашни, боченковъ, на ремонтъ сбруи, на веревки, замки и пр. полагается всего 1 р. 50 к., а въ общемъ итогѣ на

поддержаніе хозяйства въ томъ видѣ, какъ оно есть, необходимо въ годъ 6 р. 30 к. — Значительная часть одежды дѣлается дома, изъ своего льна, шерсти и овчинъ; но за выдѣлку послѣднихъ и за шитье полушубковъ и тулуповъ нужно заплатить деньги, около 1 рубля. Женѣ и дочери Антонъ покупаетъ шесть бумажныхъ сарафановъ въ годъ: расходъ на ситецъ 4 р. 80 к. Самому ему дѣлается одна праздничная ситцевая рубаха—75 коп., да покупаются готовыми: шапка 50 к., трое рукавицъ (онъ—дровосѣкъ зимою) 1 руб. 50 к., суконные шаровары—1 р. 50 к. и наконецъ сапоги—5 рублей. Послѣдніе употребляются только зимою и осенью, потому что лѣтомъ Антонъ работаетъ босикомъ. Дѣтямъ расходуется на обувь въ годъ 4 р., женѣ 3 р.; всего, значитъ, на принадлежности одежды и обуви для цѣлой семьи расходуется въ годъ 22 р. 5 к. — Исполненіе церковныхъ требъ поглощаетъ въ годъ 3 р. 24 к., ибо если за исповѣдь и платится только 25 к., за то попы посѣщаютъ крестьянина 5 разъ въ годъ и всякій разъ ихъ нужно чѣмъ-нибудь одарить.

Сумма расходовъ на харчи, соль, подати, поддержаніе хозяйства, одежду и обувь и на церковь равняется 112 р. 72 к. На дрова и ремонтъ построекъ мы не полагаемъ ничего, потому что топливо собирается на собственныхъ зарослякъ, а строевой лѣсъ, когда его бываетъ нужно, крадется въ сосѣднемъ помѣщичьемъ лѣсу. Однако, на случай пожара избы, которая стоитъ не менѣе 250 рублей, нужно откладывать ежегодно около 10 р. Лошадь стоитъ 30 р., а какъ она служитъ до 6 лѣтъ, то на нее нужно тоже откладывать въ запасъ по 5 рублей. Затѣмъ, на наемъ пастуха, случнаго быка и разные мелкіе расходы полагается 2 р. 28 к., и тогда весь ***необходимый*** годовой расходъ семьи выходитъ 135 руб. Каковъ же ея доходъ?

Ржи Антонъ собираетъ 40 мѣръ; онѣ стоятъ 22 рубля 50 коп., а за отчисленіемъ 50 к. на перемолъ въ муку даютъ 22 р. Яровыя поля доставляютъ 19 руб. 40 к. Продажа теленка, 150 яицъ и 15 цыплятъ, которыхъ крестьянинъ самъ не смѣетъ ѣсть, даютъ 4 р. 60 к. Выходитъ, что въ годъ выручается 46 рублей, и слѣд. дефицитъ равенъ 89 рублямъ. Его пополнить нужно заработками на сторонѣ. А какъ ихъ не всегда можно найдти, то Антону, вообще человѣку честному, приходится воровать въ сосѣднемъ помѣщичьемъ лѣсу дрова и возить ихъ на базаръ въ городъ, рискуя если не попасть въ тюрьму или заплатить штрафъ, то быть порядкомъ избиту лѣсною стражею.

Невозможность кормиться около своей земли стала нынѣ почти общею въ губерніяхъ, лежащихъ сѣвернѣе Москвы или даже подъ одною съ ней широтою. Общее желаніе крестьянъ этихъ мѣстностей — переселиться на югъ; и какъ правительство не допускаетъ этого, опасаясь уменьшенія окладныхъ сборовъ въ 15—20 губерніяхъ; то крестьяне уходятъ на югъ по паспортамъ, на болѣе или менѣе продолжительные сроки. И это замѣчается не только въ губерніяхъ псковской или новгородской, отличающихся бѣдностью природы, а даже въ нижегородской, перерѣзываемой Волгою и Окою. Въ 1877 году наприм. изъ этой губерніи отлучалось не менѣе 120.085 человѣкъ, въ томъ числѣ 17.191 на годъ и болѣе, и 33.256 на полгода. Не менѣе, если не болѣе, эта эмиграція замѣчается въ губер-

ніяхъ рязанской, орловской, калужской и пр. Крестьяне изъ этихъ губерній, пользуясь желѣзными дорогами, спѣшатъ на югъ ко времени уборки тамъ сѣна и хлѣбовъ, чтобы, заработавъ тамъ въ іюнѣ и началѣ іюля деньги, вернуться съ ними на уборку собственныхъ полей и луговъ, обезпечивающихъ ихъ личное продовольствіе, но не дающихъ средствъ къ уплатѣ разнаго рода казенныхъ и общественныхъ сборовъ. Прекрасное изслѣдованіе объ этихъ и имъ подобныхъ отхожихъ промыслахъ написано Чаславскимъ: его не пропуститъ конечно никто изъ занимающихся изученіемъ современнаго экономическаго быта Россіи.

То же печальное явленіе обѣдненія народа—подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, высокихъ налоговъ и покровительствуемаго правительствомъ пьянства, — и тѣ же отхожіе промыслы (на золотыхъ пріискахъ), какъ единственное почти средство для заработки денегъ мы замѣчаемъ въ послѣднее время и въ Сибири, не такъ давно еще славившейся зажиточностью сельскаго населенія. Не имѣя возможности разсматривать этотъ предметъ во всей его обширности, ограничимся приведеніемъ одной выписки изъ сочиненія Флеровскаго „О положеніи рабочаго класса въ Россіи.“ Вотъ какъ онъ изображаетъ экономическій бытъ крестьянъ въ Кузнецкомъ округѣ, слѣд. въ

одной изъ лучшихъ по природѣ частей Сибири.

Путешественника поражаетъ здѣсь обиліе природныхъ богатствъ. Почва плодородная, покрытая богатою растительностью; душистые луга съ изобильнымъ кормомъ для скота; посѣвы даютъ хорошіе урожаи, хотя, правда, растенія болѣе нѣжныя, напр. греча, страдаютъ отъ морозовъ, а потому сѣются мало. Тутъ ли въ самомъ дѣлѣ не быть богатству?... Лѣсъ, луга, пашни недѣленные; кажется, паши, коси и рубн сколько хочешь, и сосѣдямъ все еще съ избыткомъ останется; хоть цѣлыя стада скота заводи себѣ, — этимъ никого не стѣснишь и не обидишь. Для разведенія пчелъ мѣста самыя удобныя; рѣки и озера наполнены рыбою; лѣса, озера и низменности—дичью. Для построекъ—сосна, для деревянной посуды кедръ, для каменной — глина рѣдкаго качества. Лѣсныя ягоды—въ изобиліи. Въ нѣдрахъ земли каменный уголь, иногда стоющій дешевле глины. Желѣзомъ и другими металлами Кузнецкій край тоже не обиженъ. Чего же еще требовать отъ природы?... И въ такой-то обстановкѣ живетъ населеніе несчастное, бѣдствующее. Жилища крестьянъ, въ огромномъ большинствѣ, весьма посредственны, и убогая изба безъ крыши—весьма частое явленіе. Крестьянинъ едва успѣваетъ защитить хотя на половину отъ холода и непогоды себя и свое семейство: скотъ его остается безъ всякой защиты. Конюшня составляетъ большое исключеніе: весь скотъ живетъ на открытомъ воздухѣ, безъ защиты отъ морозовъ, вѣюгъ и дождя. Мелкій скотъ вовсе не можетъ выносить такой жизни и потому встрѣчается въ совершенно незначительномъ количествѣ. Но не смотря и на малое количество скота, у крестьянъ часто не хватаетъ для него корму, и онъ гибнетъ отъ голода

или продается за безцѣнокъ. Крестьяне, по бѣдности, не въ состоянiи даже нанимать пастуховъ, и потому скотина ходитъ безъ присмотру на большихъ полянахъ, плохо огороженныхъ. Лошади и коровы свободно проникаютъ оттуда на пашни. Хозяйки коровъ не успѣваютъ находить ихъ для доенiя, и потому у большей части коровъ молоко пропадаетъ совсѣмъ. Животные продукты, какiе есть, всѣ идутъ на продажу для выручки денегъ на уплату податей; рѣдкiй крестьянинъ ѣстъ мясо самъ, даже въ праздники; лѣтомъ не ѣстъ его вовсе.... У бѣдныхъ людей обыкновенно недостатокъ въ молокѣ, и въ этомъ случаѣ ребенку дается соска, набитая чернымъ хлѣбомъ, а вмѣсто всякой жидкой пищи — отвратительный квасъ. Немудренно послѣ этого, что онъ никогда не бываетъ здоровъ и своимъ неугомоннымъ крикомъ день и ночь доводитъ мать до крайняго раздраженiя и отчаянiя. Вотъ почему для крестьянки смерть ребенка чаще приноситъ радость, чѣмъ горе.....

Но, быть можетъ, такая печальная судьба населенiя въ Кузнецкомъ краѣ, хотя и богатомъ отъ природы, есть лишь наслѣдiе прежнихъ временъ, а не произведенiе нашего, которое только оказалось безсильнымъ, чтобы поднять благосостоянiе людей, раззоренныхъ прежде?... Допустимъ, что это такъ, и затѣмъ обратимся къ краю совершенно новому, созданному сполна въ наше время. Почва его еще производительнѣе, чѣмъ алтайская; географическое положенiе таково, что въ рукахъ напр. американцевъ или англичанъ онъ давно

бы сталъ богатымъ, цвѣтущимъ; и за всѣмъ тѣмъ, что же мы видимъ?

За весьма немногими исключеніями, бытъ усурійскихъ казаковъ,—говоритъ извѣстный путешественникъ Пржевальскій,—не завиденъ. Не говоря уже про какое-нибудь довольство жизни,—большая часть изъ нихъ не имѣетъ куска хлѣба насущнаго и каждый годъ съ половины зимы до снятія жатвы казна должна кормить большую часть населенія, чтобы хотя сколько-нибудь спасти его отъ голода. Обыкновенно въ это время выдаютъ заимообразно неимущимъ казакамъ по 30 фунтовъ муки въ мѣсяцъ; но такъ-какъ этой дачи для многихъ семействъ недостаточно и притомъ же она не вдругъ выдается всѣмъ голодающимъ, то казаки къ получаемому провіанту подмѣшиваютъ сѣмена различныхъ сорныхъ травъ, а иногда даже глину. Испеченный изъ этой смѣси хлѣбъ имѣетъ цвѣтъ засохшей грязи и сильно жжетъ во рту послѣ ѣды.—Главнымъ подспорьемъ къ этому—но далеко не у всѣхъ—служитъ кирпичный чай, завариваемый съ солью, или такъ-называемый бурдукъ, т. е. ржаная мука, разболтанная въ теплой водѣ. За неимѣніемъ того и другаго казаки приготовляютъ изъ высушенныхъ гнилушекъ дуба и березы особый напитокъ, называемый шульта, и пьютъ его въ огромномъ количествѣ вмѣсто чаю.—Рыбную и мясную пищу зимою имѣютъ весьма немногіе, едва ли и двадцатая часть населенія; остальные же довольствуются шультой и бурдукомъ, т. е. такими яствами, на которыя нельзя безъ омерзенія и взглянуть свѣжему человѣку. Результатами такой ужасающей пищеты являются съ одной стороны разныя болѣзни, а съ другой—крайняя деморализація населенія, самый гнусный развратъ и апатія ко всякому честному труду. Дѣйствительно, не-

бывалому человѣку трудно даже повѣрить, до какой степени доходитъ развратъ среди усурійскаго населенія. Здѣсь вездѣ мужья торгуютъ своими женами, матери дочерьми и дѣлаютъ это не задумываясь, часто публично, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ нѣсколько минутъ обыкновенно слаживается дѣло, и невинная дѣвушка, иногда едва достигшая пятнадцати-лѣтняго возраста, продается своею же матерью много-много если за 25 рублей, а часто и того менѣе. Не только мѣстныя, но и проѣзжія личности обыкновенно запасаются такимъ товаромъ, нисколько не думая о будущей судьбѣ невинной жертвы....

Не забудемъ, что въ то время, когда знаменитый путешественникъ писалъ это, въ 1869 году, на верхнемъ Амурѣ у русскихъ поселенцевъ былъ уже избытокъ хлѣба; но онъ былъ обращенъ на винокуренный заводъ, приносившій казнѣ акцизъ; а изъ голодныхъ усурійскихъ казаковъ та же казна въ это время розгами выбивала подати.... И въ это же время по всему Амурскому краю ѣздила правительственная коммиссія генералъ-адъютанта Сколкова, стоившая болѣе ста тысячъ рублей, исписавшая горы бумаги и не принесшая ни малѣйшей пользы ни осмотрѣнному ей краю, ни даже командировавшему ее правительству.... Если бы эти сто тысячъ рублей были употреблены на улучшеніе экономическаго быта казаковъ..... Ахъ, если бы!.... Но этого никогда не бывало и *никогда не будетъ*, пока судьбами Россіи будутъ распо-

ряжаться эгоистическій деспотизмъ и бездушная, покорная ему, а не голосу совѣсти бюрократія.

Отъ картинъ экономическаго быта сельскаго населенія, которое составляетъ 9/10 всего числа жителей въ Россіи и съ судьбою котораго мы уже познакомились въ самыхъ разнообразныхъ углахъ обширной нашей земли, перейдемъ къ жителямъ городовъ.

Вотъ напр. данныя о бытѣ рабочихъ на фабрикахъ московской губерніи:

Въ селѣ Зуевѣ находится самая значительная въ Россіи бумагопрядильня, Морозова. До 10.000 рабочихъ занято тамъ; изъ нихъ до 2.000 дѣтей, изъ коихъ многимъ 9, 8 и даже 7 лѣтъ. Эти дѣти, заранѣе обрѣченные на смерть, обязаны вмѣстѣ съ взрослыми работать до 12 часовъ въ сутки. Мастерскія страшно душны и грязны. Рабочіе живутъ при фабрикѣ въ какихъ-то казармахъ, по 40 человѣкъ на комнату въ 9 кв. саженъ. Женатые, семействами въ 8-9 человѣкъ разнаго возраста и пола, живутъ въ каморкахъ въ $1^1/_2$ сажени длины и $1^1/_2$ ширины. Рабочіе спятъ на нарахъ, безъ тюфяковъ или войлока. Грязь и вонь въ жилищахъ невообразимая. Въ 1871 г. во время холеры умерло въ сосѣднемъ селѣ Зуевѣ изъ 7.000 жителей всего 7 человѣкъ, а на фабрикѣ изъ 10.000 чел.—500, т. е. смертность на послѣдней была въ 50 разъ сильнѣе, чѣмъ на селѣ. — Суконная фабрика Носовыхъ въ самой Москвѣ получила страшную извѣстность въ холерное время: на ней ежедневно умирало по 15 чел. При осмотрѣ фабрики коммиссіею оказалось, что верхній слой почвы на фабричномъ дворѣ состоитъ изъ различныхъ

перегнившихъ остатковъ, пропитанныхъ нечистотами изъ отхожихъ мѣстъ. Протекающая вблизи рѣка, изъ которой рабочіе пьютъ воду, наполнена заразительными жидкостями, просачивющимися изъ почвы.

А вотъ черты экономической жизни Иванова-Вознесенска, то есть „русскаго Манчестера“, набросанныя рукою бойкаго наблюдателя, Молчанова:

Въ этомъ фабричномъ округѣ жизнь бьетъ ключомъ, и всѣ дѣятели ея гораздо виднѣе и рельефнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ жизнь спитъ. Передъ нами двѣ крайности: милліонеры-заводчики и поденщики-рабочіе, а между ними земство, администрація и судъ. Будемъ же знакомиться съ каждой изъ этихъ частицъ здѣшней кипучей жизни..... Вотъ, напримѣръ, шуйская миткалевая фабрика Т. Войдемте въ первую мастерскую. Тутъ треплютъ хлопокъ. Ѣдкая пыль наполняетъ комнату. Девяти и десяти-лѣтніе дѣти глотаютъ ее здѣсь по 12 часовъ въ сутки, чахнутъ, не растутъ, старѣются, не достигнувъ даже юношества. Дальше ткацкая. Сотни рабочихъ смотрятъ вяло и сонно; худыя и блѣдныя лица. Отчего? Не потому, чтобы здѣсь работа была тяжелѣе, а просто отъ того, что они работаютъ по смѣнѣ 6 часовъ и не успѣваютъ выспаться и отдохнуть..... Вездѣ грязно; больницы нѣтъ, доктора нѣтъ; штрафы суровые—за день прогула два дня вычета; расчетъ не всегда правильный. На фабрикѣ нѣтъ жилья для рабочихъ. Хозяинъ совсѣмъ игнорируетъ рабочую нужду. Поѣдемте на частныя квартиры этихъ рабочихъ. Вотъ на задворкахъ мѣщанскаго домика стоитъ не то баня, не то хата.; шесть шаговъ длины и восемь въ ширину; по срединѣ неуклюжая печь; деревянная лавка; одинъ столъ; больше ровно ничего. Спросимъ, сколько на-

роду живетъ въ этой конурѣ?—„Семнадцать душъ“, отвѣчаютъ.—Кто же такіе?— „Восемь дѣвушекъ-работницъ отъ 12 до 18 лѣтъ и девять молодыхъ парней, изъ которыхъ старшему 22 года.“—Гдѣ же вы спите?—„А тутъ на полу, всѣ вмѣстѣ....“—Пройдитесь праздничнымъ утромъ около этихъ рабочихъ конуръ, и вы увидите ужасающее пьянство, ужасающій развратъ: двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка-работница идетъ въ кабакъ съ своимъ четырнадцати-лѣтнимъ любовникомъ.....

По вышеописанному живетъ *большая половина* фабрикантовъ и рабочихъ. Но есть и другіе порядки, весьма приличные и почти хорошіе. Заглянемте на ситцевую фабрику Каретникова, въ 35 верстахъ отъ Иванова. Тутъ есть школа, которую посѣщаютъ 100 учениковъ; есть пріемный покой, есть цѣлая больница, могущая по чистотѣ и порядку поспорить съ столичными; есть для нѣсколькихъ сотъ рабочихъ даровое свѣтлое и просторное помѣщеніе; при нѣкоторыхъ изъ этихъ квартиръ имѣются даже лѣтніе чуланчики (клѣти), нѣчто въ родѣ дачъ для рабочихъ; есть до 70 квартиръ для семейныхъ рабочихъ, въ одну и двѣ комнаты; есть хлѣва для коровъ этихъ семействъ; наконецъ есть три кухни: одна для семейныхъ, другая для холостыхъ, третья для малолѣтнихъ, гдѣ на каждаго изъ таковыхъ выдается въ день по полуфунту мяса.

А вотъ и третья фабрика, Полушина, на самомъ выѣздѣ изъ Иванова. Этотъ хорошій человѣкъ вошелъ въ такую славу, благодаря своему гуманному отношенію къ рабочимъ, что фабриканты отказываются принять мастера, отошедшаго отъ него, говоря, что „если ужь отъ Полушина ушелъ,—значитъ, братецъ, никуда ты не годенъ.“—На этой фабрикѣ есть помѣщеніе почти для всѣхъ рабочихъ. Чистыя, просторныя комнаты съ нарами и ящиками. Есть, однимъ

словомъ, все, что имѣется для рабочихъ у Каретникова, съ прибавкой мясной пищи для всѣхъ, малолѣтнихъ и взрослыхъ. Полушинъ самъ завѣдуетъ своею фабрикою и разсказываетъ, что у него никогда не бываетъ ни частныхъ, ни общихъ недоразумѣній съ рабочими.

То различіе въ бытѣ фабричнаго населенія, которое очерчено здѣсь Молчановымъ для шуйскаго заводскаго округа, можетъ быть безъ труда наблюдаемо и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ есть фабрики и заводы. Очевидно, что въ судьбѣ заводскихъ рабочихъ слишкомъ многое зависитъ отъ личныхъ качествъ хозяевъ, то-есть, дѣлая научное обобщеніе, мы можемъ сказать, что правильныя экономическія и юридическія отношенія хозяевъ и рабочихъ замѣняются еще патріархальными. Для людей развитыхъ, какъ рабочіе Англіи, Франціи, Швейцаріи, это было бы нестерпимо; но русскій рабочій еще не взыскателенъ, и нерѣдко, если хозяинъ его „душевный человѣкъ“, ему больше ничего и не нужно. Только, разумѣется, такія отношенія не могутъ служить нормою въ государствѣ, котораго юридическій бытъ развивается. Требуется установленіе какихъ-нибудь прочныхъ, постоянныхъ началъ для опредѣленія связи между хозяевами и рабочими, и дѣйствительно, въ современной Россіи эта потребность хорошо сознана. Только для удовлетво-

ренія ея ничего не сдѣлано. Правительство пробовало дважды заниматься составленіемъ соотвѣтствующихъ законовъ; но послѣдняя, назначенная имъ для этого коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Валуева, ничего лучше не придумала какъ завести „разсчетныя книжки“, которыя бы обязательно было имѣть каждому, отдающему свой трудъ въ наемъ. Книжки эти, конечно, были проэктированы такъ, что если бы въ самомъ дѣлѣ были узаконены, то отдали бы рабочихъ въ кабалу заводчикамъ и вообще хозяевамъ разныхъ промышленныхъ заведеній, такъ что можно радоваться, что и этотъ валуевскій проэктъ оказался такою же „вѣхою для показанія дѣятельности правителя,“ какою были и многія другія измышленія самого „сановитаго“ изъ русскихъ министровъ.

Въ большихъ, именно въ университетскихъ городахъ значительно возрасло за наше время число учащейся молодежи, т. е. студентовъ, гимназистовъ и пр. Объ экономическомъ бытѣ этого вступающаго въ жизнь поколѣнія немного можно сказать утѣшительнаго. Вотъ что находимъ мы по этому поводу въ статьѣ Дрошина подъ названіемъ „Студентская жизнь:“

Въ четыре дня пребыванія въ Петербургѣ г-на Ш., корреспондента Недѣли, къ нему являлось пятеро голодавшихъ студентовъ, искавшихъ работы. И всѣ, къ кому онъ ни обращался, чтобы найдти имъ дѣло,

говорили, что ихъ осаждаетъ съ просьбами о доставленіи занятій масса учащихся. Есть даже такіе молодые люди, которые принимаютъ прямую помощь, т. е. милостыню. Что за страшное и ненормальное явленіе! Ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ вы не встрѣтите, чтобы учащаяся молодежь доходила до такого бѣдственнаго положенія. Н., студентъ, искавшій у автора работы, говорилъ, что университетское начальство относится совсѣмъ равнодушно къ студентской нуждѣ. Онъ даже слышалъ обвиненія молодежи, *зачѣмъ она идетъ учиться, когда нечего ѣсть*..... Въ Европѣ давно уже выработалось убѣжденіе, что личная, частная помощь ничего не предупреждаетъ, ни отъ чего не спасаетъ, не уничтожаетъ никакой нужды и только развращаетъ, потому что голодъ учитъ принимать подаяніе. Если каждый у насъ лично безсиленъ, то что же дѣлаетъ общество? Ровно ничего. Оно бросило учащихся на произволъ судьбы, предоставивъ ихъ собственнымъ силамъ, т. е. голодному тифу, самоубійству и нравственной порчѣ..... По свѣдѣніямъ Русскаго Міра, составъ вновь поступившихъ въ 1878 г. въ медицинскую академію студентовъ отличается обиліемъ недостаточныхъ молодыхъ людей, какого не замѣчалось еще никогда. Многіе изъ нихъ для поддержанія своего существованія, по недостатку другихъ, болѣе подходящихъ занятій, принуждены работать поденно на заводахъ и фабрикахъ. Если къ этому добавить еще, что они принуждены жить по 5-6 человѣкъ въ сырыхъ и душныхъ каморкахъ и питаться, чѣмъ богъ пошлетъ, то легко себѣ составить представленіе о ихъ участи.

Это образованіе *ученаго пролетаріата* есть одно изъ отличительныхъ экономическихъ явленій нашего времени и безъ сомнѣнія оно

служитъ одною изъ важныхъ причинъ того революціонно-соціальнаго движенія, которое въ послѣдніе годы обнаружилось въ русскомъ обществѣ, особенно въ большихъ городахъ. Придавъ къ бѣднымъ студентамъ фабричныхъ и ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ, отставныхъ чиновниковъ и солдатъ и т. п., мы получаемъ большую массу людей, которыхъ главный совѣтникъ въ жизни голодъ и которымъ, слѣдовательно, нужно бы „уходить съ пира жизни," по выраженію Мальтуса, и особенно оставлять большіе центры населенія, гдѣ жизнь дорога и конкурренція въ работѣ очень сильна. Въ антропологическомъ обзорѣ русской націи мы однако же видѣли, что населеніе городовъ и именно большихъ расло, послѣ крымской войны, очень быстро. Гдѣ же причины этого возрастанія? Конечно, сельскій бытъ еще некрасивѣе городскаго; въ городахъ трудъ все таки лучше окупается, чѣмъ въ деревняхъ; пища тамъ—у кого она есть—разнообразнѣе и питательнѣе; жилища удобнѣе; духовные интересы удовлетворены больше, чѣмъ въ деревенской глуши. Однако всего этого было бы еще мало, чтобы пояснить необыкновенно сильный приливъ сельскихъ обывателей особенно въ Петербургъ, Москву, Варшаву, Одессу, Ригу, Кіевъ, Харьковъ, Тифлисъ, Ростовъ и т. п., гдѣ жизнь дорога. Вѣдь для народныхъ массъ въ Россіи

городъ все-таки чужбина, гдѣ у простолюдина нѣтъ своего ни кола, ни двора, а есть только огромное число разныхъ эксплуататоровъ: чиновниковъ, купцовъ, фабрикантовъ и пр.; вѣдь, съ другой стороны, дворянинъ былъ несравненно независимѣе въ удовлетвореніи своихъ духовныхъ потребностей и вкусовъ у себя въ деревнѣ, чѣмъ въ тѣхъ нравственныхъ тюрьмахъ, которыя называются русскими городами, состоящими подъ неограниченнымъ управленіемъ непрестанно присутствующихъ и всюду проникающихъ губернаторовъ, полиціймейстеровъ, квартальныхъ, околодочныхъ, жандармовъ явныхъ и тайныхъ, и вообще всего безконтрольнаго чиновнаго люда, который для человѣка развитаго, современнаго отвратительнѣе пустыни... Отчего же переходъ изъ селъ въ города? Отвѣтъ на это довольно сложенъ. Сверхъ тѣхъ постоянныхъ выгодъ городовъ, на которыя мы указали выше, переходу сельскаго населенія въ городскіе центры и измѣненію промышленнаго быта послѣднихъ содѣйствовали три важныя экономическія явленія, принадлежащія исключительно нашему времени.

Во-первыхъ освобожденіе крестьянъ въ 1861 году двинуло въ города массу сельскихъ рабочихъ, которые и прежде были склонны къ городскимъ занятіямъ, но не выпускались изъ деревень помѣщиками: плотниковъ, каменьщи-

ковъ, легковыхъ извощиковъ, мелкихъ торгашей и т. п. Къ нимъ присоединилось огромное число дворовыхъ, которое спѣшило въ города для пріисканія себѣ занятій, такъ-какъ лишь очень немногіе изъ этихъ людей изъявили желаніе или получили согласіе крестьянъ на приписку ихъ къ сельскимъ обществамъ. Для помѣщиковъ жизнь въ деревенскихъ усадьбахъ послѣ 1861 года также стала невыгодною, иногда даже мучительною. Собственное земледѣльческое хозяйство на новый ладъ устроить было нельзя; приходилось земли отдавать въ наемъ, а затѣмъ ничто уже не удерживало землевладѣльцевъ въ ихъ усадьбахъ, тогда какъ города привлекали возможностью находить выгодныя занятія на службѣ государству или въ частныхъ большихъ предпріятіяхъ, напр. на желѣзныхъ дорогахъ.

Во-вторыхъ большіе города, по мѣрѣ устройства сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходства, стали дѣлаться гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, промышленными центрами страны. Въ нихъ перерабатывалось въ фабричныя издѣлія деревенское сырье, изъ нихъ эти фабричные продукты разсылались по странѣ, въ нихъ они складывались въ ожиданіи такой отправки. Фабриканту или оптовому торговцу, увѣренному, что онъ можетъ во всякое время съ желаемою скоростью и аккуратностью отправить свой товаръ въ мѣсто обезпеченнаго сбы-

та, не было больше необходимости раздавать этотъ товаръ мелкимъ торгашамъ, которые развозили его по деревнямъ; продажа крупными партіями стала возможнѣе, а затѣмъ ни фабриканту, ни оптовому торговцу не было расчета жить гдѣ-нибудь, кромѣ городовъ и именно большихъ, портовыхъ или лежащихъ на пересѣченіи желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь фабрикантъ, купецъ, банкиръ—(явленіе новое въ большей части русскихъ городовъ)—скоро почувствовали себя царями, предъ которыми все преклоняется, не исключая строптиваго нѣкогда чиновничества и надменнаго дворянства. Ихъ господство, т. е. *господство капитала надъ трудомъ, какъ физическимъ, такъ и умственнымъ, началось и усиливается съ каждымъ днемъ*, какъ это было напр. во Франціи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, какъ есть въ современной Германіи, Бельгіи, Голландіи и пр. Въ этомъ смыслѣ Россія со времени крымской войны сдѣлала большой шагъ,—куда? впередъ или назадъ?—мы не станемъ разбирать; но замѣтимъ, что полнѣйшимъ представителемъ народившейся русской буржуазіи едва ли не слѣдуетъ считать Дерунова, котораго такъ художественно очертилъ Салтыковъ. Эксплуататоръ, зубастый коммерческій крокодилъ, вылѣзшій изъ грязи, гдѣ долгое время пресмыкался, — вотъ типъ современнаго главнаго дѣятеля городской эко-

номической жизни. Онъ даетъ ей тонъ. Около него, какъ спутники около планеты, вращаются многочисленные его кліенты: прикащики, коммиссіонеры, адвокаты, нотаріусы—вся эта масса дѣльцовъ, совершенно неизвѣстныхъ прежнему николаевскому и еще болѣе давнему времени.

Третья причина, существенно измѣнившая экономическій бытъ русскихъ городовъ, есть наплывъ въ нихъ евреевъ. Прежде послѣднимъ не дозволялось водворяться на жительство въ городахъ, лежащихъ восточнѣе Днѣпра и сѣвернѣе западной Двины; теперь они разсѣялись повсемѣстно, не исключая городовъ возникшихъ въ послѣднее время въ Кавказскихъ горахъ, особенно же ихъ изобиліе видно въ городахъ малороссійскихъ и въ обѣихъ столицахъ. Они, по обычаю, захватили въ свои руки торговлю деньгами; а нѣкоторые, наиболѣе капитальные, явились строителями желѣзныхъ дорогъ или оптовыми подрядчиками казны — въ родѣ Поляковыхъ, Варшавскихъ, Малкіелей, Горвицовъ и Кагановъ и пр.; но кромѣ этихъ евреевъ-купцовъ разселилось по русскимъ городамъ не мало и евреевъ-ремесленниковъ, особенно портныхъ. При недостаточности числа собственно-русскихъ мастеровыхъ, они ведутъ хорошо свои дѣла и, въ союзѣ съ ремесленниками нѣмцами, не мало затрудняютъ образованіе многочисленнаго клас-

са собственно русскихъ городскихъ рабочихъ-мастеровыхъ.

Въ измѣнившихся, подъ вліяніемъ трехъ названныхъ причинъ (крестьянской реформы, устройства желѣзныхъ дорогъ и разселенія евреевъ), городахъ возникли и многія новыя экономическія явленія, вовсе чуждыя городамъ николаевской эпохи. Въ другомъ мѣстѣ мы сказали, какъ многочисленны стали банки; здѣсь можемъ замѣтить, что теперь въ значительномъ числѣ русскихъ городовъ возникли страховыя общества, транспортныя конторы, разныя агенства и другія удобства для жизни торговцевъ и вообще капиталистовъ. Самое ростовщичество, столь любезное сердцу стяжателей и прежде укрывавшееся отъ взоровъ публики, нынѣ сдѣлалось одною изъ видныхъ отраслей гласной городской промышленности. Многочисленныя мѣняльныя лавки и гласныя кассы ссудъ суть учрежденія исключительно нашего времени. Онѣ, по преданію, остались преимущественно въ рукахъ раскольниковъ-скопцовъ, къ которымъ еще присоединилось не мало евреевъ, армянъ и нѣмцевъ. Эти щуки, конечно, также живутъ на счетъ народныхъ массъ, составленныхъ изъ карасей, какъ и болѣе хищныя акулы-банкиры и концессіонеры; но какъ они — неизбѣжное явленіе буржуазной цивилизаціи и, по причинѣ ихъ „политической благонадежности“, находятся, конечно,

подъ особымъ покровительствомъ властей, то они безостановочно плодятся и множатся.

Народныя массы, болѣе развитыя въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, какъ бы инстинктомъ почувствовали опасность, грозящую имъ отъ усиленія могущества разнаго рода капиталистовъ. Онѣ — правда, очень медленно — *стали противопоставлять господству капитала могущество ассоціаціи.* Мало-по-малу явились артели башмачниковъ, столяровъ, сыроваровъ, разсыльныхъ и пр., не говоря уже про умноженіе состава прежнихъ артелей грузовщиковъ въ портовыхъ городахъ, извощиковъ, каменьщиковъ, плотниковъ, пильщиковъ и т. п. Артель—форма соціально-экономическаго быта исконная въ Россіи и, до послѣдняго времени, не возбуждавшая къ себѣ недовѣрія и вражды даже въ ультра-консервативныхъ правительственныхъ сферахъ; но она теперь пріобрѣла новый смыслъ—орудія для борьбы съ ассоціаціями капиталистовъ, которыхъ главные, признанные центры суть биржи, а дѣйствительныя, боевыя батареи — купеческія фабрики, заводы, желѣзно-дорожныя и пароходныя компаніи, торговыя товарищества и пр. Такъ-какъ вѣсы правосудія въ рукахъ правительства „по божіей милости“ естественно склоняются на ту сторону, гдѣ находится не желѣзо рабочаго человѣка, а болѣе тяжелое золото капиталиста, то образованіе рабочихъ

ассоціацій не только не покровительствовалось администраціею, но отчасти стѣснялось ею. За то небольшой кружокъ людей передовыхъ, отчасти тѣхъ самыхъ, которые содѣйствовали развитію сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, усердно работалъ надъ распространеніемъ въ народѣ правильныхъ понятій и свѣдѣній объ устройствѣ разныхъ ассоціацій рабочаго люда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти труды, вмѣстѣ съ усиліями развить чувство человѣческаго достоинства въ простолюдинахъ, привели даже къ стачкамъ фабричныхъ рабочихъ, совершенно напоминавшимъ подобныя стачки на Западѣ; но только ни число ихъ, ни сила никогда не достигали того, что онѣ представляютъ въ Англіи, Франціи и Бельгіи. Рабочіе союзы въ смыслѣ англійскихъ Trade-Unions въ Россіи еще неизвѣстны, и лица дѣлавшія попытки распространять идеи о нихъ, въ родѣ напр. князя П. Крапоткина, подвергались гоненіямъ правительства, приводившимъ ихъ иногда въ тюрьму и потомъ за границу, въ составъ эмиграціи, а еще чаще, какъ увидимъ въ послѣдствіи,—въ тюрьму и потомъ въ Сибирь.

Ассоціаціи для борьбы противу барышничества капиталистовъ возникали не въ однихъ рабочихъ сферахъ, но даже между такъ-называемыми консервативными классами общества: чиновниками, мелкими rentiers и т. п.

Таково напр. было существовавшее нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ общество „Бережливость“ для закупки и дешевой продажи своимъ сочленамъ съѣстныхъ припасовъ. Неумѣлость вести дѣла общества, обнаруженная руководителями его, была причиной его паденія, но подобныя же ассоціаціи существовали и существуетъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ; только нигдѣ онѣ еще не пользуются большимъ успѣхомъ, подобно тому, какъ безуспѣшными же оказывались многія кооперативныя и потребительныя общества даже въ городахъ западной Европы.— Лучше другихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе судьбы рабочихъ, принялись сберегательныя кассы. Въ нихъ, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, къ 1 января 1872 г. было

владѣльцевъ книжекъ, т. е. вкладчиковъ	69.122
внесенныхъ ими денегъ.	4.532.276 р.

Но замѣчательно, что если въ 1872 г. сберегательныя кассы существовали въ 68 городахъ, тогда какъ напр. въ 1864 г. онѣ находились лишь въ 9 городахъ; то количество ввѣренныхъ имъ денегъ въ этомъ послѣднемъ году было больше, чѣмъ въ первомъ, именно простиралось до 6.572.977 рублей. Причина этому та, что вкладчики двухъ главныхъ кассъ, петербургской и московской, съ

теченіемъ времени успѣли пріискать своимъ деньгамъ болѣе доходныя помѣщенія.

Стремленіе сдѣлать городскую жизнь болѣе удобною и дешевою вызвало цѣлый рядъ явленій, которыхъ нельзя пройдти молчаніемъ, когда идетъ рѣчь о перемѣнахъ въ экономическомъ бытѣ городовъ. Таково напр. устройство конножелѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и пр., удешевившее внутреннія сообщенія въ этихъ городахъ на столько, что теперь бѣднѣйшимъ ихъ обитателямъ изъ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ легко проникать въ мѣстныя торговыя средоточія, не теряя много времени и неся лишь самыя ничтожныя издержки. При этомъ любопытно замѣтить, что учредителями этихъ полезныхъ дорогъ явились столько же коренные горожане, сколько и новые ихъ сограждане, выходцы изъ деревень или крупные землевладѣльцы, въ перемѣшку съ разбогатѣвшими мужиками и т. п. Въ Москвѣ напр. конножелѣзныя дороги устроены неслужащимъ помѣщикомъ, сыномъ бывшаго министра и ученымъ археологомъ, графомъ Уваровымъ, въ Петербургѣ — камергеромъ Башмаковымъ и бывшимъ десятникомъ на каменотесныхъ работахъ Губонинымъ. Мы приводимъ эти, повидимому мелочныя подробности, какъ характеристическія для нашего времени. При Николаѣ, когда зять Клейнмихеля, генер.-адъют.

Огаревъ, хотѣлъ взять подрядъ на смазку колесъ у вагоновъ петербургско-московской желѣзной дороги, императоръ нашелъ, что „генералъ-адъютанту мазать колеса неприлично.“ Нынѣ — все прилично самымъ кровнымъ аристократамъ, лишь бы было выгодно, и эта перемѣна нравственныхъ условій производства явилась важнымъ факторомъ въ дѣлѣ измѣненія экономическаго быта страны, особенно же городовъ. Зять надменнаго императора, герцогъ Лейхтенбергскій, основываетъ металлическій заводъ, при чемъ входитъ лично въ техническія подробности его дѣятельности; сынъ того же императора и братъ другаго является основателемъ банковъ, учредителемъ желѣзно-дорожныхъ компаній и пр.: все это существенно измѣняетъ экономическій обликъ страны.

Какъ въ вагонѣ конножелѣзной дороги нынѣ садятся рядомъ лица, прежде несовмѣстимыя въ одномъ обществѣ: мужикъ и сенаторъ, генералъ и солдатъ, барыня и прачка, камергеръ и лакей,—такъ перемѣшиваются тѣ же разнородныя по происхожденію и общественному положенію лица въ многочесленныхъ общихъ столовыхъ, существующихъ въ городахъ подъ именемъ кухмистерскихъ, трактировъ, ресторановъ и пр. При Николаѣ трактирная жизнь была достояніемъ купцовъ, мелкихъ чиновниковъ, разныхъ пріѣзжихъ; при

этомъ ни въ рестораны Дюссо и Донона, ни въ кучерскія и дворницкія харчевни не проникали женщины, кромѣ развѣ „арфистокъ“. Теперь дамы въ шелковыхъ платьяхъ, и не однѣ, а съ дочерьми 10-16 лѣтъ, ходятъ обѣдать въ общія столовыя такъ же смѣло, такъ же натурально, какъ ихъ мужья и прислуга. Люди, которые въ сороковыхъ годахъ считали утопіями теоріи Фурье и Сенъ-Симона, живутъ, на старости лѣтъ, съ семьями, по фаланстерамъ, называемымъ меблированными комнатами, и ходятъ пить чай и закусывать въ кофейныя, а обѣдать—въ трактиры, которые представляютъ одно изъ проявленій фурьеризма, быстро проникающаго въ общество, часто даже malgré lui.

Какъ глубоко проникло въ современную русскую жизнь, особенно городскую, начало коллективнаго производства и потребленія, свидѣтельствуетъ также успѣхъ большаго числа магазиновъ готоваго платья. Прежде не только богатый денди, но и мелкій чиновникъ или офицеръ имѣлъ своего портнаго: теперь всякій спѣшитъ одѣться въ habit confectionné, чтобы не имѣть хлопотъ съ портнымъ, всегда неаккуратнымъ и всегда болѣе дорогимъ, чѣмъ содержатель магазина. Дамы, поставленныя въ необходимость слѣдить за модами, еще шьютъ для себя многое по заказу у модистокъ; но и онѣ все чаще и чаще обращаются къ

покупкѣ готовыхъ мантилій, шубокъ и т. п. Объ обуви и говорить нечего: не только резиновыя галоши и дамскіе башмаки, нетребующіе особой выдѣлки по мѣркѣ, но самые изящные полусапожки и ботинки горами сваливаются и распродаются въ магазинахъ готовой обуви. Съ бѣльемъ — то же явленіе, особенно развившееся съ того времени, какъ въ бѣлошвейныхъ мастерскихъ вошли въ употребленіе швейныя машины, это достойное нашего практическаго вѣка изобрѣтеніе американцевъ.

Продолжая характеризовать современный экономическій бытъ въ русскихъ городахъ, упомянемъ еще о рядѣ фактовъ, доказывающихъ, что идея коллективнаго производства, потребленія и даже сожительства дѣлаетъ все больше и больше успѣховъ, конечно потому, что жизнь въ одиночку все болѣе и болѣе дорожаетъ и становится достояніемъ лишь немногихъ счастливцевъ. Рядомъ съ развитіемъ общихъ столовыхъ основались и размножились учрежденія: дешевыхъ квартиръ, въ особенно устраиваемыхъ домахъ, ночлежныхъ пріютовъ для взрослыхъ, постоянныхъ пріютовъ для дѣтей, мастерскихъ и лечебницъ для приходящихъ и пр. Начало ассоціаціи проникло такъ далеко въ общество, что есть особое пристанище для гувернантокъ, ищущихъ мѣстъ, есть приходскія и другія попечительства о бѣдныхъ, ко-

лоніи малолѣтнихъ преступниковъ и т. д. Все это было неизвѣстно въ Россіи лѣтъ 30 назадъ.

И въ будущемъ есть вся вѣроятность предвидѣть дальнѣйшее утвержденіе господства ассоціацій, притомъ совершенно естественно и независимо отъ идеальныхъ ученій той или другой соціалистской школы. Причина понятна: не только для бѣдняковъ, но и для людей зажиточныхъ трудности борьбы за существованіе стали больше, чѣмъ были четверть вѣка назадъ и растутъ съ каждымъ годомъ. *Вздорожаніе всѣхъ почти предметовъ потребленія* есть явленіе въ высшей степени характеристическое для нашего времени, и безъ опасенія упрека въ преувеличеніи можно сказать, что Россія изъ недавно еще самой дешевой страны въ Европѣ стала теперь едва ли не самою дорогою. Численныхъ данныхъ въ доказательство этого можно привести множество. Гдѣ, напримѣръ, найдемъ мы нынѣ пудъ ржаной муки за 20 коп. сер., фунтъ говядины за 2-3 коп., курицу за 16-18 коп.,— какъ это бывало еще во многихъ мѣстностяхъ двадцать пять лѣтъ назадъ? Въ южной части тобольской губерніи мясо продавалось не далѣе зимы 1857 г. по 50-60 коп. за пудъ; теперь его тамъ не всегда достанешь и за два рубля, потому что мѣстный скотъ скупается гуртами для доставки въ Казань, Москву и даже

Петербургъ. Овощи, дичь, молочныя произведенія, особенно въ городахъ, возрасли въ цѣнѣ на 100-150, иногда и болѣе процентовъ. Разумѣется, слѣдствіемъ этого вышло сокращеніе круга ихъ потребителей или, другими словами, ухудшеніе пищи людей небогатыхъ. Нѣкоторое удешевленіе сахара, чая и колоніальныхъ товаровъ далеко не уравновѣшиваетъ этого вздорожанія домашнихъ продуктовъ первой необходимости. Если мы отъ съѣстныхъ припасовъ перейдемъ къ предметамъ одежды, то увидимъ то же самое. Сколько-нибудь сносный полушубокъ, совершенно необходимый въ жизни нашего рабочаго, стоитъ теперь 8-10 рублей, а въ пятидесятыхъ годахъ его можно было достать за 3-4 рубля. Сапожный товаръ вздорожалъ такъ, что у того же самаго мастера въ Петербургѣ или Москвѣ пара порядочныхъ сапоговъ стоитъ нынѣ 10-12 рублей вмѣсто 5-6, за которые она изготовлялась въ 1855 году. Ткани хлопчатобумажныя, льняныя и шерстяныя вздорожали менѣе, первыя иногда даже подешевѣли, благодаря умноженію фабрикъ; но изготовляемая изъ нихъ одежда, вслѣдствіе возвышенія задѣльной платы мастерамъ, стала гораздо дороже, а если осталась въ прежней цѣнѣ, то ухудшилась качествомъ, потому что, какъ справедливо замѣтилъ Петерсонъ, нынѣ трудно найдти льняную или

шерстяную ткань безъ бумаги или оческовъ. Дороговизна платья такова, что въ Петербургѣ и Москвѣ приходится платить за сколько-нибудь порядочные сюртукъ, брюки, жилетъ и пальто 100-120 рублей, т. е. по курсу отъ 250 до 300 франковъ, тогда какъ въ Парижѣ цѣна той же одежды 160-170 франковъ. — Наемъ жилищъ въ городахъ становится годъ отъ году затруднительнѣе для людей не только бѣдныхъ, но и достаточныхъ, не смотря даже на постройку множества новыхъ домовъ, особенно въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Ригѣ и пр. Квартира, ходившая 25 лѣтъ назадъ за 600 р. въ годъ, стоитъ теперь 1200 или 1500 руб. Топливо вздорожало въ ужасающемъ размѣрѣ, такъ что напр. въ Москвѣ сажень березовыхъ дровъ стоитъ 20 и болѣе рублей вмѣсто прежнихъ 7-8 р. Въ юго-восточной Россіи древесное топливо совсѣмъ вышло изъ употребленія, и тамъ теперь жгутъ исключительно солому, лузгу и кизякъ, отнимая такимъ образомъ у полей то, что должно было возвращаться на нихъ, чтобы поддерживать плодородіе почвы. Освѣщеніе въ немногихъ городахъ, гдѣ есть газовые заводы, подешевѣло, но во всей прочей странѣ, т. е. для 97% населенія имперіи, стало гораздо дороже. Та классическая лучина, которую жгетъ русскій крестьянинъ по вечерамъ для освѣщенія своей избы и которая прежде

доставалась даромъ, нынѣ уже покупается имъ; а иногда, вслѣдствіе невозможности или дороговизны такой покупки, приходится жечь масло или сало, которыя могли бы идти въ пищу. Распространеніе керосина, сдѣлавшее въ послѣдніе годы большіе успѣхи, все же не повсемѣстно. Содержаніе лошадей какъ для ѣзды, такъ и для работъ въ полѣ стало такъ дорого, что многіе зажиточные горожане отказались отъ своихъ экипажей, а крестьяне стали бросать сельское хозяйство и уходить на такія работы, гдѣ лошадь не требуется. —Содержаніе личной прислуги становится съ каждымъ годомъ рѣже, и даже люди родившіеся и выросшіе въ барской холѣ теперь отвыкли отъ этой „роскоши“, еще недавно казавшейся „безусловной необходимостью“. Въ Петербургѣ и другихъ большихъ городахъ лакей, поваръ и горничная есть нормальный штатъ для семействъ, имѣющихъ отъ 6 до 7 тысячъ рублей дохода, если въ нихъ нѣтъ маленькихъ дѣтей, требующихъ кормилицы или няньки; люди съ 3-4 т. р. дохода довольствуются лакеемъ и кухаркою или даже кухаркою и горничною. Одинокіе, при томъ же размѣрѣ дохода, ограничиваются однимъ лакеемъ и ходятъ обѣдать въ трактиры или даже предпочитаютъ нанимать квартиры въ гостинницахъ и меблированныхъ комнатахъ, гдѣ прислуга у всѣхъ нанимателей общая.

Словомъ, домашній обиходъ сталъ несравненно экономнѣе, чѣмъ былъ во время крымской войны, и причиною этому дороговизна на всѣ предметы, особенно же на личный трудъ и предметы первой необходимости.

Но гдѣ же причина самой этой дороговизны?—Если бы Россія была также густо населена, какъ Бельгія, то мы могли бы сказать, что вздорожаніе предметовъ первой необходимости, а за ними и всѣхъ остальныхъ, есть слѣдствіе несоразмѣрности между потребностями народа и производительностью почвы; но этого нѣтъ, и свободныя земли у насъ находятся въ изобиліи; да не только свободныя земли, а и свободныя произведенія воздѣлываемой уже почвы, которыхъ значительное количество ежегодно отправляется за границу. И такъ объясненіе дороговизны нужно искать въ чемъ-либо иномъ, и дѣйствительно, всматриваясь въ экономическій бытъ націи, мы видимъ, что не недостатокъ произведеній земли, даже не недостатокъ трудолюбія народа причина возвышенія цѣнъ, а отвратительныя условія государственной жизни съ неизбѣжными ихъ послѣдствіями. Чтобы быть опредѣлительнѣе, скажемъ прямо, что *дороговизна жизни зависитъ отъ страшнаго возвышенія налоговъ и выпуска правительствомъ огромнаго числа бумажныхъ денежныхъ знаковъ.* Курсъ русскаго бумажнаго рубля, быв-

шій въ 1855 г. 400 сантимовъ, въ 1878 г. былъ 250 сантимовъ; стало быть, по одному этому всякій предметъ, стоившій прежде 25 рублей, нынѣ долженъ продаваться за 40 р. Но это не все. Государственный бюджетъ съ 1855 по 1878 годъ увеличился на 130%, а населеніе возросло лишь на 31%: слѣдовательно, каждому жителю приходится теперь отдавать гораздо большую часть своего достатка въ казну и, разумѣется, каждый, поэтому, старается выручить какъ можно болѣе за свой трудъ или за продаваемое и отдаваемое въ наемъ имущество. Высшіе классы общества, имѣющіе потребности людей европейски образованныхъ, особенно страдаютъ отъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ, и вотъ напр. что по этому поводу высказалъ недавно Вѣстникъ Европы:

Отъ крайняго возвышенія таможенныхъ тарифовъ зависитъ, что въ Россіи для огромнаго большинства массы народа и образованнаго общества недоступенъ никакой комфортъ, никакія общечеловѣческія потребности сколько-нибудь улучшать и украшать свой вседневный бытъ, а отъ этого немало зависитъ, въ свою очередь, и неряшливость, равнодушіе къ лучшему устройству жилья, т. е. къ тому стремленію, которое въ Европѣ сильно поддерживаетъ интересъ къ своему очагу и къ самой жизни семейной. Благодаря тѣмъ же условіямъ, т. е. благодаря непомѣрности всѣхъ нашихъ переплатъ „для процвѣтанія нашей отечественной промышленности“, въ большихъ городахъ у насъ даже семьи, получающія 3-4

тысячи рублей дохода въ годъ, живутъ безъ всякаго сравненія хуже, чѣмъ за границей живетъ семья на то же количество франковъ. Удивляться ли послѣ этого, что даже люди богатые такъ и рвутся пожить хоть нѣсколько мѣсяцевъ за границей? Ихъ гонятъ вовсе не „модный абсентеизмъ“, не „слѣпое поклоненіе Западу“, не „оторванность отъ родной почвы“: просто-на просто, за границей, даже не смотря на невыгодность курса, дешевле доставить себѣ тотъ комфортъ, который у насъ приходится все еще считать излишествомъ.

Низшіе классы народа, которымъ не до комфорта, а лишь бы прокормиться и не замерзнуть, задавлены другаго рода налогами: акцизомъ на спиртъ и соль и всякаго рода подушными сборами. Мы уже видѣли, каково значеніе этихъ высокихъ налоговъ въ быту крестьянъ; здѣсь, слѣдовательно, можно пройдти этотъ предметъ молчаніемъ, и затѣмъ прямо перейдти къ вопросу: *кому же на Руси жить хорошо?* вопросу именно въ этой формѣ и поставленному поэтомъ Некрасовымъ.

Прежде всего, разумѣется, безсмѣннымъ и безконтрольнымъ раздавателямъ всякихъ благъ, членамъ царскаго дома. Для нихъ нѣтъ ни уменьшенія доходовъ, ни дороговизны, ни личныхъ и даже имущественныхъ налоговъ. Потребовались деньги въ дополненіе къ доходамъ съ огромныхъ удѣльныхъ имѣній и къ 10.000.000 рублей, отпускаемымъ изъ казны по смѣтѣ,—графъ Адлербергъ пишетъ неболь-

шой докладъ, государь его утверждаетъ, и министръ финансовъ volens-nolens долженъ выплатить, что назначено. Великій князь Николай Николаевичъ сдѣлалъ долгу 900.000 рублей на содержаніе своей любовницы Числовой: казна, послѣ нѣсколькихъ перипетій, платитъ его. Великій князь Михаилъ Николаевичъ отдаетъ свой петербургскій домъ, въ Большой Милліонной, въ наемъ мебельному мастеру Туру; городская дума хочетъ обложить домъ законнымъ налогомъ: какъ бы не такъ! Всѣ дворцы и дома членовъ царской фамиліи освобождаются отъ всякихъ налоговъ. Народу нечего ѣсть, государственные долги растутъ, а великіе князья строютъ и покупаютъ себѣ дворцы: Николай Николаевичъ у Благовѣщенскаго моста, Николай Константиновичъ на Гагаринской, Михаилъ Николаевичъ на Дворцовой набережной и въ Боржомѣ. Значительная часть высочествъ занимается биржевыми спекуляціями и другими видами барышничества, не исключая продажи лошадей, телятъ и молочныхъ скоповъ. Русскій простолюдинъ, заваленный налогами, едва успѣваетъ поддерживать свою курную, крытую соломой избу; а англійскій принцъ Альфредъ, сынъ русской великой княжны Маріи Александровны, получаетъ отъ бабушки, русской императрицы, „на-зубокъ“ полмилліона русскихъ денегъ, на которыя его родители покупаютъ великолѣп-

ный домъ, даже не въ Россіи, а въ Лондонѣ!

Отъ царской семьи, очевидно смотрящей на Россію какъ на крѣпостное имѣніе, изъ котораго нужно извлекать какъ можно больше (хотя бы потому, что „кто знаетъ будущее?“, а слѣдовательно: „копи денежку на черный день)“, — совершенно естественъ переходъ къ ея *entourage*'у, т. е. къ разнаго рода сановникамъ. Что люди эти не могутъ быть истинными государственными дѣятелями, благодѣтелями отечества, это понятно само собою. Путь протекцій, униженій и подлостей передъ высшими, единственно вѣрный у насъ для достиженія вліятельныхъ мѣстъ въ государствѣ и обществѣ,—не тотъ путь, по которому могутъ идти люди высшихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, заслуги которыхъ оправдывали бы высокое вознагражденіе отъ націи. И ужь конечно не современная Россія можетъ похвалиться своими „сановниками“, по крайней мѣрѣ огромнымъ большинствомъ ихъ. Между тѣмъ, что же мы видимъ? — Буквально болѣе многочисленные, чѣмъ видимыя простому глазу звѣзды небесныя *), русскіе генералы, военные и статскіе, вознаграждаются за свою службу, большею частью состоящую въ прислуживаніи и въ подписы-

*) На петербургскомъ горизонтѣ въ самыя ясныя ночи нельзя сразу видѣть болѣе 2.700 звѣздъ первыхъ шести величинъ.

ваніи изготовляемыхъ секретарями и адъютантами бумагъ, какъ не вознаграждаются подобные чиновники нигдѣ. Возьмемъ для примѣра часть тѣхъ изъ нихъ, которые оффиціально *не* несутъ никакихъ обязанностей, и посмотримъ, что они получаютъ:

Князь Барятинскій, владѣлецъ богатыхъ имѣній, — 40.000 рублей въ годъ и дворецъ съ паркомъ въ Скерневицахъ, хотя съ 1862 г. не имѣетъ никакой должности.

Графъ Остенъ-Сакенъ, находящійся въ безсрочномъ отпуску,—14.737 р.

Графъ В. Адлербергъ-отецъ—24.202 р.

Баронъ Ливенъ, который послѣ управленія генеральнымъ штабомъ охотно взялъ на себя управленіе придворными собаками,—21.257 р.

Баронъ Притвицъ, тотъ самый, съ котораго еще Николай I хотѣлъ снять генералъ-адъютантскіе аксельбанты за неспособность, — 7.730 р.

Безобразовъ, генералъ уволенный въ отпускъ до конца жизни и извѣстный только тѣмъ, что у него былъ отнятъ кавалергардскій полкъ, 8.010 р.

Гогель, находящійся въ отпуску до конца жизни,—16.313 р.

Потаповъ, богатый землевладѣлецъ, бывшій начальникъ III отдѣленія, нынѣ сумасшедшій, —15.000 рублей.

Дренякинъ, тотъ, что разстрѣливалъ въ

1861 г. безоружныхъ крестьянъ въ Поимѣ и, въ видѣ краснаго яичка, подносилъ по телеграфу поздравленіе о томъ въ первый день свѣтлой недѣли,—4.817 рублей.

Принцъ Фридрихъ Гогенлоэ-Вальденбургскій, живущій постоянно за границею, — 5.113 рублей.

Это, на выдержку, десять лицъ оффиціально ничего недѣлающихъ для русскаго народа и вознаграждаемыхъ за прежнія заслуги, за исключеніемъ заслугъ кн. Барятинскаго, никому неизвѣстныя, и притомъ вознаграждаемыхъ въ 5, 10, 15 разъ больше, чѣмъ напр. Гарибальди награжденъ за объединеніе Италіи. А вотъ на выдержку же нѣсколько именъ русскихъ тузовъ, состоящихъ на службѣ, получающихъ огромное содержаніе и, не смотря на то, не брезгающихъ подачками, а иногда вымогающихъ ихъ и даже взятки.

Графъ А. Адлербергъ и Я. Ростовцевъ въ день коронаціи, въ 1856 году, получили по 100.000 рублей, и за перваго въ разное время уплочено множество долговъ.

Министръ Тимашевъ, владѣлецъ 12.000 десят. земли, выпросилъ 5.000 рублей „на подъемъ“, когда водворялся въ сполна меблированномъ казенномъ домѣ у Почтамтскаго моста. Государь краснѣлъ отъ стыда, слушая просьбу вновь назначеннаго министра, принесенную чрезъ Адлерберга.

Военный министръ Д. Милютинъ, не смотря на полученный въ 1865 году майоратъ въ Польшѣ, не отказался принять подачку въ 15.000 р. въ видѣ подарка женѣ. Весь его формуляръ испещренъ денежными наградами, изъ которыхъ иныя состояли въ прощеніи ему долговъ, сдѣланныхъ въ казнѣ.

Муравьевъ-вѣшатель, бывъ министромъ государственныхъ имуществъ, не постыдился, при объѣздѣ этихъ имуществъ въ 1857 г., вытребовать себѣ прогонныя деньги по тремъ департаментамъ, почему и былъ извѣстенъ подъ именемъ трехпрогоннаго министра. Онъ же получилъ подарокъ въ 20.000 десятинъ земли на Волгѣ.

Министръ финансовъ Грейгъ получилъ въ подарокъ огромную лѣсную дачу въ Польшѣ, цѣною до 900.000 рублей.

Князь С. Воронцовъ—300 десятинъ земли на Кавказѣ, вѣроятно по бѣдности, которая не позволяетъ ему отказаться и отъ жалованья въ 6.756 р., изъ коихъ 2.400 р. „добавочныхъ“, очевидно по убогому положенію владѣльца Алупки, Бѣлой Церкви и пр., которому отецъ оставилъ состояніе всего въ 17.000.000 рублей.

Статсъ-секретарь Философовъ выпросилъ 3.000 рублей „на подъемъ“ при переѣздѣ съ одной стороны Мойки, у Поцѣлуева моста, на другую, въ казенную квартиру.

Графъ Канкринъ, сынъ бывшаго министра финансовъ, будучи назначенъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ, употребилъ 11.000 руб. казенныхъ денегъ на отдѣлку одного своего кабинета.

Минквицъ, получивъ майоратъ въ Польшѣ съ 3.000 р. дохода, не постыдился просить 60.000 рублей на его устройство; столько не дали, но 10.000 р. добился.

Треповъ, получивъ майоратъ номинально на 3.000 же рублей, захватилъ обманомъ имѣніе въ 9.000 р. дохода (Закржувекъ-Хрщоновъ); потомъ, бывъ петербургскимъ градоначальникомъ, не разъ выпрашивалъ у государя пособія, а когда, будучи раненъ Вѣрою Засуличъ, писалъ завѣщаніе, то оказалось, что состояніе его достигаетъ 3.000.000 рублей, хотя онъ — подкидышъ. За это то корыстолюбіе его и не сдѣлали членомъ государственнаго совѣта, не смотря на рану.

Обручевъ чуть не ежегодно получаетъ по 3—4000 р. на поѣздку, подъ видомъ служебной командировки, во Францію, въ Аркашонъ, гдѣ у него есть имѣніе. Генералъ этотъ —изъ красныхъ, хвастающійся честностью и либерализмомъ, въ противоположность такому же любителю подачекъ, Мещеринову.

Но, повторяемъ, перечислять всѣхъ сановныхъ эксплуататоровъ народнаго достоянія значило бы то же, что составлять каталогъ

неподвижныхъ звѣздъ. Мы назвали 23 чел. военныхъ, потому что о нихъ у насъ въ рукахъ документы; но гражданскіе сановники не менѣе корыстолюбивы, и даже государственный канцлеръ кн. Горчаковъ, не смотря на содержаніе въ 45.000 руб. и великолѣпную казенную квартиру, не стыдился съ одной стороны брать подачки изъ остатковъ бюджета его министерства, а съ другой торговаться съ петербургскою думою изъ-за числа комнатъ, подлежавшихъ обложенію квартирнымъ налогомъ... Очевидно, что этимъ людямъ жить хорошо и что они мало обижаются словами генерала Фуа: «l'aristocratie au XIX siècle c'est la ligue, la coalition de ceux qui veulent consommer sans produire, vivre sans travailler, occuper toutes les places sans être en état de les remplir, envahir tous les honneurs sans les avoir mérités». Очевидно также, что *поведеніемъ своимъ эти люди подготовляютъ въ Россіи такой же переворотъ*, какой испытала Франція въ концѣ XVIII столѣтія.

Третій разрядъ людей, которые могутъ быть названы довольны своимъ экономическимъ положеніемъ и которые также содѣйствуютъ подготовкѣ революціи, это банкиры, мѣнялы, ростовщики, концессіонеры, директоры разныхъ акціонерныхъ обществъ и вообще разнаго рода мытари, которые въ высшей степени размножились въ наше время и высасываютъ что можно изъ народа по-

мощью спекуляцій съ государственными бумагами, казенныхъ подрядовъ, концессій, обдѣлыванья дѣлишекъ для важныхъ особъ и т. п. Къ нимъ примыкаютъ разные аффериста низшаго разряда, особенно изъ евреевъ, армянъ, грековъ и нѣмцевъ, всѣ эти арендаторы помѣщичьихъ имѣній, казенныхъ оброчныхъ статей, поставщики, маклера и т. д.

За ними слѣдуютъ адвокаты, нотаріусы, акцизные чиновники, управляющіе разными казенными заводами, инженеры, фабриканты, купцы и другіе представители интеллигенціи и капиталистической промышленности, имѣющіе возможность вознаграждать себя на счетъ общества и рабочаго люда по собственному усмотрѣнію, т. е. по степени безсовѣстности.

Наконецъ, въ самомъ низу списка счастливцевъ, не заваленныхъ нуждою о хлѣбѣ, можно поставить немногихъ помѣщиковъ, не раззоренныхъ реформою 1861 г., состоящихъ на службѣ чиновниковъ и офицеровъ первыхъ пяти классовъ (и то не всегда) и высшихъ представителей духовенства: архіереевъ, архимандритовъ и соборныхъ протопоповъ. Кажется, мы не далеки будемъ отъ истины, если скажемъ, что общій итогъ всѣхъ лицъ пяти перечисленныхъ разрядовъ достигаетъ въ современной Россіи до милліона душъ; скорѣе ихъ меньше, чѣмъ больше. Изъ остальныхъ же 84.000.000 пять или шесть милліоновъ

только-что сводятъ концы съ концами при самыхъ умѣренныхъ потребностяхъ; а вся огромная масса населенія, въ 78.000.000 душъ, состоитъ изъ бѣдняковъ, которымъ въ западной Европѣ можно приравнять только ирландцевъ, безземельныхъ батраковъ и городскихъ пролетаріевъ. Конечно, они еще могутъ выйдти изъ этого положенія, разселясь съ большимъ противу нынѣшняго удобствомъ на незанятыхъ пока земляхъ, установивъ строгую экономію и контроль въ дѣлѣ государственнаго и земскаго хозяйства, заставивъ массу параситовъ трудиться; но когда это будетъ? —При существованіи неограниченной монархіи можно, съ совершенно чистою совѣстью, съ высоко поднятымъ взоромъ и съ полнымъ сознаніемъ произносимаго, сказать: *никогда!*

Впрочемъ, приписывать неудовлетворительное экономическое состояніе большинства русской націи одному, неизбѣжному при политическомъ абсолютизмѣ и соотвѣтсвенномъ ему общественномъ строѣ, расхищенію народныхъ средствъ людьми извѣстной категоріи было бы односторонностью. Кромѣ этой, главной причины бѣдности русскаго народа есть много другихъ, которыхъ подробный анализъ могъ бы составить обширное сочиненіе. Мы коснемся здѣсь лишь нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ, именно тѣхъ, которыхъ дѣйствіе было наиболѣе ощутительно въ наше время.

Малоземельность многихъ крестьянъ служила однимъ изъ источниковъ ихъ бѣдности. Чтобы помочь этой бѣдѣ не было ничего проще, какъ допустить болѣе широкое разселеніе земледѣльцевъ, благо земли въ государствѣ достаточно. Но мы уже говорили неразъ, что правительство упорно противилось этому въ угоду плантаторской партіи и изъ близорукихъ фискально-полицейскихъ интересовъ. Несчастные эсты, напримѣръ, хлынувшіе было толпами изъ своей родины на востокъ, въ 1870 году, были силою возвращаемы подъ тиранское иго бароновъ, и такихъ случаевъ можно насчитать множество. Но нужно замѣтить, что очень часто правительственныя стѣсненія не достигали цѣли, и разселеніе крестьянскаго люда совершалось въ довольно широкихъ размѣрахъ, причемъ выходцы направлялись преимущественно на Волгу и даже за Уралъ, въ Сибирь и Туркестанъ. Губернаторъ семирѣченской области, Колпаковскій, былъ однажды очень удивленъ, найдя русскую деревню на сѣверномъ берегу Исыкъ-куля. Въ предѣлахъ сибирскихъ губерній подобныя географическія открытія новозаселенныхъ мѣстностей составляли явленіе постоянное. Въ одну томскую, по свидѣтельству Ядринцева, переселилось съ 1853 по 1878 г. 34.988 душъ, и любопытно, что въ этомъ переселеніи участвовали жители не только ближайшихъ въ Сибири европей-

скихъ провинцій—вятской, пермской и т. п., но часто очень отдаленныхъ отъ Алтая—тамбовской (1802 чел.), воронежской (1539), владимірской (366), рязанской (273) и даже тульской (313). Въ губерніи тобольской и на сѣверномъ Кавказѣ можно встрѣтить десятки тысячъ переселенцевъ изъ средней Россіи и даже изъ остъ-зейскихъ губерній, пришедшихъ на свои теперешнія мѣста жительства послѣ окончанія крымской войны исключительно потому, что на родинѣ стало тѣсно или почва истощилась отъ продолжительной обработки.

Другая причина бѣдности русскаго народа —его *невѣжество*, недостатокъ въ массахъ его хоть какаго-нибудь, особенно техническаго образованія. Идеалъ хозяйства русскаго пахаря все еще система залежей, т. е. полей, бросаемыхъ подъ паръ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обработки. Но какъ этотъ идеалъ давно уже недостижимъ въ средней Россіи, то тамъ господствуетъ почти исключительно трехпольная система, оставляющая ежегодно цѣлую треть земель безъ производительнаго употребленія. Даже къ четыремъ полямъ русскому крестьянину перейдти трудно, и не только крестьянину, а и помѣщику, по незнанію, какъ устроить четырехпольный сѣвооборотъ. О высшихъ формахъ сельско-хозяйственной культуры, съ травосѣяніемъ и искуственными туками, въ Россіи, кромѣ Польши и остъ-зейскихъ

губерній, почти не имѣютъ понятія. Да и пріобрѣсти ихъ было неоткуда. Земледѣльческихъ училищъ не было и почти нѣтъ доселѣ. Только въ послѣдніе годы нѣкоторыя земства завели рѣчь о подобныхъ училищахъ; но опасаясь, что министерство народнаго просвѣщенія заберетъ эти школы въ свои руки и станетъ тамъ учить дѣтей греческимъ и латинскимъ глаголамъ и катехизису, а не земледѣлію, они не слишкомъ торопятся осуществленіемъ своихъ предположеній. Существующія же казенныя сельско-хозяйственныя учебныя заведенія слишкомъ малочисленны и доставляютъ лишь чиновниковъ для казенной администраціи лѣсовъ и другихъ государственныхъ земель. Когда практическое знакомство народа съ лучшими способами воздѣлыванія почвы сдѣлаетъ успѣхи, тогда конечно и изъ теперешнихъ густо населенныхъ провинцій земледѣльцамъ незачѣмъ будетъ уходить; только когда это будетъ, мы не знаемъ, во всякомъ случаѣ не раньше замѣны классическаго обученія дѣтей дѣловымъ.

Съ невѣжествомъ о-бокъ всегда идетъ *суевѣріе*, а за нимъ боязнь оскорбить божество трудомъ въ дни, которые церковь признаетъ праздничными. Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ столько праздниковъ, какъ у русскаго сельскаго населенія. Въ самое горячее время сѣнокосовъ и уборки полей оно справляетъ и

Петра и Павла, и Казанскую богородицу, и Илью пророка, и трехъ Спасовъ, и Іоанна-предтечу, и множество мѣстныхъ святыхъ. Въ 1877 г. вольно-экономическое общество предлагало группу вопросовъ относительно состоянія русскаго сельскаго хозяйства на публичное обсужденіе и по вопросу о праздникахъ получило почти отовсюду очень неутѣшительные отвѣты. Въ ново-александровскомъ уѣздѣ ковенской губерніи, напримѣръ, крестьяне не работаютъ около половины года, въ бугурусланскомъ самарской губерніи около двухъ сотъ дней. Если даже тутъ есть преувеличенія, то всякій, знакомый съ обычаями русскаго простонародья, самъ легко вычислитъ, что не менѣе 90 дней въ году должны пропадать для работы благодаря праздникамъ даже тамъ, гдѣ народъ отнюдь не лѣнивъ и не суевѣренъ. И въ этомъ отношеніи едва ли есть большой прогрессъ противъ прежняго времени.

Очень важную препону развитію экономическаго благосостоянія народа русскаго искони составляютъ *пожары*. Гакстгаузенъ, на основаніи свѣдѣній николаевскаго времени, полагалъ, что тогда *всѣ* постройки въ Россіи, благодаря пожарамъ, воздвигались вновь каждые 30 лѣтъ. Едва ли можно остановиться на большей цифрѣ за наше время, не смотря на умноженіе каменныхъ зданій въ городахъ. Такіе пожары, какъ въ 1861 г. въ Петер-

бургѣ, въ 1864 г. въ Симбирскѣ, въ 1865 г. въ Моршанскѣ, въ 1869 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ и пр., поглотившіе сразу недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ на милліоны, были истинно народными бѣдствіями, какихъ не много можно найдти и въ лѣтописяхъ прежняго времени. Но наиболѣе вреда цѣлому русскому народу продолжали приносить не эти случайные большіе пожары, а такъ-сказать хроническіе въ деревняхъ, потому что касались самаго бѣднаго класса людей. Въ видахъ облегченія несчастныхъ, страдающихъ отъ пожаровъ, начало вводиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обязательное взаимное страхованіе, по почину и подъ управленіемъ земскихъ учрежденій; но успѣхи этого страхованія пока незначительны, потому что народъ слишкомъ бѣденъ, чтобы къ массѣ другихъ налоговъ прибавлять еще страховой.

Невыгодное значеніе для экономическаго преуспѣянія націи продолжала оказывать *неравномѣрность распредѣленія по странѣ заводовъ и фабрикъ*. Отъ этого часто сырье почти пропадало даромъ или сбывалось за ничтожную цѣну, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ заводчики несли убытки отъ пріобрѣтенія его по высокимъ цѣнамъ. Устройство желѣзныхъ дорогъ много помогло ослабленію этого неудобства; но какъ весь сѣверовостокъ Россіи и цѣлая Сибирь доселѣ еще лишены рельсовыхъ путей,

то можно сказать, что удовлетворительное рѣшеніе вопроса о томъ, чтобы съ одной стороны сырье наше не залеживалось или не продавалось въ убытокъ, а съ другой заводчики могли его всегда находить подъ рукою или по близости, завѣщается нами грядущему времени.

Вредно продолжало отзываться на экономическомъ бытѣ Россіи то обстоятельство, что почти вся ея *внѣшняя торговля не активная*, а пассивная. Иностранные негоціанты населяютъ наши портовые города и ставятъ цѣны на наши товары. Они перевозятъ ихъ на своихъ, а не на русскихъ корабляхъ, и въ послѣднее время стали даже обходить своихъ прежнихъ русскихъ коммиссіонеровъ, скупавшихъ для нихъ напр. смолу, поташъ, доски и пр. въ бѣломорскомъ бассейнѣ. Только основаніе Русскаго общества пароходства и торговли на Черномъ морѣ начало немного ослаблять выгоды иностранцевъ въ южно-русскихъ портахъ; но за то мы знаемъ уже, во что обходятся барыши самаго этого общества русской казнѣ.

Остановимся однако-жь въ этомъ перечисленіи причинъ оскуденія русскаго народа, который казалось бы долженъ былъ замѣтно обогатиться съ уничтоженіемъ въ 1861 году крѣпостнаго труда. Въ нашемъ очеркѣ изложено уже достаточно фактовъ, чтобы по нимъ

составить общее понятіе объ экономическомъ бытѣ современной Россіи, его сильныхъ и слабыхъ сторонахъ. Полное же систематическое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ возможно лишь въ будущемъ и притомъ подъ условіемъ нетолько предварительнаго обнародованія огромнаго числа статистическихъ данныхъ, но и обработки ихъ съ тою добросовѣстностью и многосторонностью, какую напр. обнаружилъ князь Васильчиковъ въ своей книгѣ „О землевладѣніи и земледѣліи“. Тогда будутъ возможны и опредѣлительные, строго доказанные общіе выводы, отъ которыхъ здѣсь умѣстнѣе воздержаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Поверстная стоимость нѣкоторыхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Названіе дороги.	Стоим. 1 версты.	Кто строилъ.
Николаевская.	149.211	Гр. Кленнмихель.
Московско-Курская.	104.951	То же казна.
Петербургско-Варшав.	104.347	Казна и гл. общ.
Поти-Тифлисская.	98.062	Казн. и Паркинсъ*)
Петергофская.	95.918	Штиглицъ.
Рязанско-Козловская.	95.030	Дервизъ.
Московско-Нижегород.	88.634	Главное общество.
Курско-Харьковско-Азов.	85.000	Поляковъ.
Орловско-Витебская.	83.905	Орлов. земство.
Тамбовско-Саратовская.	81.571	Губонинъ.
Московско-Рязанская.	78.659	Дервизъ.
Козловско-Воронежская.	74.069	Поляковъ.
Ряжско-Моршанская.	59.243	Башмаковъ.
Курско-Кіевская.	57.168	Меккъ.
Варшавско-Терespольск.	48.312	Кронебергъ.
Финляндская.	35.117	Финлянд. прав.

*) Англичанинъ, за которымъ стояли гр. Левашовъ и др. тифлисскіе тузы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Успѣхи промышленности 3
Желѣзныя дороги, телеграфы, почты, шоссе, водяныя сообщенія 70
Акціонерныя общества и банки 109
Перемѣны въ экономическомъ бытѣ народа . . . 138

Съ выходомъ въ свѣтъ этой книги (Т. II, вып. 2) оканчиваются двѣ трети „Историческихъ очерковъ Россіи со времени крымской войны", которыхъ первый томъ появился недалѣе декабря прошлаго 1878 года. Отношеніе большинства русскихъ читателей къ этому сочиненію можно, кажется, считать установившимся. Одобряя цѣль сочиненія — освѣжить въ памяти недавно пережитыя событія и подвергнуть ихъ критическому разбору, а также раздѣляя многіе изъ выводовъ автора, нѣкоторые читатели ставятъ ему въ упрекъ рѣзкость изложенія, непочтительность къ лицамъ еще живущимъ и неокончившимъ своей исторической роли, другіе же укоряютъ его за радикальный образъ мыслей, т. е. за приложеніе къ описываемымъ фактамъ ультра-либеральной мѣрки. Авторъ предупреждалъ во введеніи къ своему труду, что онъ будетъ называть вещи своими именами; слѣдовательно, рѣзкость тона есть явленіе, во многихъ случаяхъ неизбѣжное. Что до отзывовъ о дѣятельности тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ, то кажется, что не вина автора въ томъ, что она не всегда сочувственна; въ намѣренной же подтасовкѣ фактовъ для такого или иного освѣщенія лицъ и событій совѣсть пока не упрекаетъ его. А что многіе не согласятся съ этимъ, такъ неожиданнаго тутъ ничего не будетъ. Правдивѣйшій изъ историковъ, Геродотъ, подвергался упрекамъ за недостатокъ, будто бы, безпристрастія къ коринѳянамъ

и віотійцамъ. Собственную родину, Галикарнасъ, онъ долженъ былъ оставить потому, что былъ не только радикалъ, но и революціонеръ, такъ что у него была толпа враговъ, особенно въ числѣ богатѣйшихъ согражданъ. Другой великій историкъ, Тацитъ, возбуждалъ негодованіе не только въ низкихъ поклонникахъ цесаризма временъ упадка римской имперіи, но и въ геніальномъ цесарѣ нашего времени, Наполеонѣ, который однако же самъ пробовалъ диктовать лѣтопись своей эпохи, полную нарѣканій на множество крупныхъ историческихъ лицъ. Въ наше время въ огромной фалангѣ историковъ западной Европы и Америки едва ли есть одинъ, котораго бы не упрекали то за рѣзкость тона, то за предвзятость взглядовъ на событія и болѣе или менѣе мрачную ихъ окраску. И хотя авторъ не видитъ надобности сопоставлять свой трудъ съ сочиненіями этихъ знаменитыхъ людей; но смѣло позволяетъ себѣ утверждать, что если начертываемая имъ картина Россіи за время съ 1855 по 1878 г. довольно обильна тѣнями, то въ этомъ отнюдь не его вина. Онъ ничего бы такъ не желалъ для собственнаго счастья, какъ возможности представить соотечественникамъ что-либо болѣе утѣшительное для ихъ національнаго чувства.